

Dictum – Factum:

от исследований к стратегическим решениям

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

**Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Севастопольский государственный университет»
Институт общественных наук и международных отношений
Кафедра «Теория и практика перевода и зарубежная филология»**

**Dictum – factum:
от исследований к стратегическим решениям**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ВЫПУСК 10

**The Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
The Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
“Sevastopol State University”
The Institute of Social Sciences and International Relations
The Department of Theory and Practice of Translation and Foreign Philology**

**Dictum – factum:
from Research to Policy Making**

EDITED VOLUME

ISSUE 10

Sevastopol – Belgorod
2025

Главный редактор: БАРМИНА Е.А., кандидат филологических наук, доцент, СевГУ

Редакционная коллегия:

САМОЙЛЕНКО Н.Б., доктор педагогических наук, доцент, профессор СевГУ
ЛОБКОВ А.Е., кандидат филологических наук, доцент, СевГУ
МОСКАЛЕНКО О.А., кандидат филологических наук, доцент, СевГУ
ОСАДЧАЯ Т.Ю., кандидат педагогических наук, доцент, СевГУ
СКИДАН О.Г., кандидат филологических наук, доцент, СевГУ
ТЯЛЛЕВА И.А., кандидат педагогических наук, доцент, СевГУ
ШАМАЕВА Н.С., кандидат филологических наук, доцент, СевГУ
ТЕРЕЩЕНКО Ю.А., ассистент, СевГУ

D53 **Dictum – factum : от исследований к стратегическим решениям:** Сборник научных трудов / главный редактор Бармина Е.А., ред. колл.: Самойленко Н.Б., Лобков А.Е., Москаленко О.А. [и др.] ; ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Институт общественных наук международных отношений. – Белгород: ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2025. – Выпуск 10. – 98 с. – Текст : электронный.

Сборник «Dictum – factum: от исследований к стратегическим решениям» включает статьи по гуманитарным и общественным наукам молодых и опытных исследователей России и зарубежных стран. Журнал предназначен для ученых-гуманитариев, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной и методической работе. Статьи, включенные в сборник, прошли рецензирование и представлены в авторской редакции. Ответственность за точность цитат, имен, названий, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Мнение редакции не всегда совпадает с позицией авторов.

Сборник имеет Международный стандартный номер сериального журнала ISSN, и информация о публикуемых статьях передается в систему Российского индекса научного цитирования – РИНЦ. Электронные версии выпусков находятся в свободном доступе на сайте Севастопольского государственного университета: <https://www.sevsu.ru/univers/ionmo/sbornik-nauchnykh-trudov-dictum-factum-ot-issledovaniy-k-strategicheskim-resheniyam/>

© ФГАОУ ВО «СевГУ», 2025
© Коллектив авторов, 2025
© Редакционная коллегия, 2025
© ООО «ИПЦ "ПОЛИТЕРРА"», 2025

Editor-in-Chief: BARMINA E.A., PhD in Philology, Associate Professor, SevSU

Editorial Board:

SAMOYLENKO N.B., Doctor of Science in Pedagogy, Associate Professor, SevSU
LOBKOV A.E., PhD in Philology, Associate Professor, SevSU
MOSKALENKO O.A., PhD in Philology, Associate Professor, SevSU
OSADCHAYA T.YU., PhD in Pedagogy, Associate Professor, SevSU
SKIDAN O.G., PhD in Philology, Associate Professor, SevSU
TYALLEVA I.A., PhD in Pedagogy, Associate Professor, SevSU
SHAMAEVA N.S., PhD in Philology, Associate Professor, SevSU
TERESHCHENKO YU.A., Assistant, SevSU

- D53 **Dictum – factum : from Research to Policy Making:** Collection of research papers / editor-in-chief Barmina E.A., ed. board: Samoylenko N.B., Lobkov A.E., Moskalenko O.A. [et al.] ; the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Sevastopol State University”, the Institute of Social Sciences and International Relations. – Belgorod: PPC “POLITERRA”, 2025. – Issue 10. – 98 p. – Text : electronic.

“Dictum – factum: from Research to Policy Making” includes articles on humanities and social sciences written by young and experienced researchers from Russia and abroad. The journal is addressed to humanities scholars, educators, postgraduates, undergraduates and students. The articles included in the collection have been peer-reviewed and are presented in the authors’ wording. Responsibility for the accuracy of citations, names, titles, as well as for compliance with the laws on intellectual property is borne by the authors of the published materials. The opinion of the editors does not always coincide with that of the authors.

The collection has an International Standard Serial Number ISSN, and information about the published articles is submitted to the Russian Science Citation Index (RSCI). Electronic versions of the issues can be accessed on the website of Sevastopol State University: <https://www.sevsu.ru/univers/ionmo/sbornik-nauchnykh-trudov-dictum-factum-ot-issledovaniy-k-strategicheskim-resheniyam/>

© SevSU, 2025
© Composite authors, 2025
© Editorial board, 2025
© LLC "PPC "POLITERRA", 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные тенденции переводоведения в России и за рубежом

Сдобников В.В.

СУЩНОСТЬ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
КОММУНИКАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА К ПЕРЕВОДУ.....10

Бармина Е.А., Кострыкина М.А.

ПРИЕМЫ ПЕРЕВОДА КВАЗИРЕАЛИЙ В ЦИКЛЕ КНИГ ДЖ. РОУЛИНГ “HOGWARTS
LIBRARY BOOKS”.....15

Бармина Е.А., Стадник А.А.

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ПОДРОСТКА В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ
РОМАНА ДЭВИДА МИТЧЕЛЛА “BLACK SWAN GREEN”).....21

Москаленко О.А., Белоусова Е.Д.

ЦВЕТОВАЯ СИМВОЛИКА И КАПИТАЛИЗАЦИЯ В РОМАНЕ ДЖУЛИАНА БАРНСА “THE
NOISE OF TIME” И ИХ ПЕРЕДАЧА В ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК.....29

Патрашук С.О.

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ ВОЕННЫХ НЕОЛОГИЗМОВ.....38

Скидан О.Г., Федотова В.Е.

АБСУРД КАК СТИЛЕВАЯ ДОМИНАНТА РАССКАЗОВ Р. ДАЛЯ: СЕМАНТИЧЕСКИЙ И
ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ.....42

Отечественная и зарубежная когнитивно-дискурсивная лингвистика

Самойленко Н.Б., Вержевская Л.В.

АНАЛИЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ В ПРОЯВЛЕНИЯХ «КУЛЬТУРЫ
ОТМЕНЫ».....48

Тарасова К.Э.

ОБРАЗ КАТАЛАНСКОГО ЯЗЫКА В СМИ В ХХІ ВЕКЕ.....51

Теория языка и сравнительно-типологические исследования

Брагина Э.Р

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ ГРЕЦИЗМОВ:
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ТЕРМИНОВ
«ЭКОНОМИКА» И «ECONOMY».....58

Современные тенденции методики преподавания иностранных языков

Самойленко Н.Б.

ПОДГОТОВКА ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗОВ К ЭПОХЕ ИСКУССТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТА: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ.....64

Глотова А.В.

ПРИМЕНЕНИЕ ИНСТРУМЕНТОВ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТА В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ И
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ ВУЗА.....68

Жарко Л.Н., Зубцов Д.С.

РОЛЬ ОСОБЕННОСТЕЙ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ
НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА.....72

*Исследовательско-экспедиционная деятельность Института общественных
наук и международных отношений Севастопольского государственного
университета*

Лобков А.Е.

ЭКСПЕДИЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОТРЯДА ИНСТИТУТА
ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ СЕВАСТОПОЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В 2024 ГОДУ.....76

Лобков А.Е., Покрышук С.А.

ЯЗЫКОВАЯ МОЗАИКА КРЫМА: ПРОЕКТЫ ЭКСПЕДИЦИОННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОТРЯДА83

Лобков А.Е., Колесникова В.А.

РУССКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЯЗЫКЕ НЕМЕЦКИХ ПОСЕЛЕНЦЕВ КРЫМА.....90

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ.....94

CONTENTS

Current trends in translation studies in Russia and abroad

Sdobnikov V.V.

ESSENCE OF TRANSLATION FROM COMMUNICATIVE-FUNCTIONAL PERSPECTIVE..10

Barmina E.A., Kostrykina M.A.

TECHNIQUES OF QUASI-REALIA RENDERING (CASE STUDY OF “HOGWARTS LIBRARY BOOKS” BY J.K. ROWLING).....15

Barmina E.A., Stadnik A.A.

SPEECH PORTRAIT OF A TEENAGER IN THE ORIGINAL AND TRANSLATION (CASE STUDY OF THE NOVEL “BLACK SWAN GREEN” BY DAVID MITCHELL).....21

Moskalenko O.A., Belousova E.D.

COLOUR SYMBOLISM AND CAPITALIZATION IN “THE NOISE OF TIME” BY JULIAN BARNES AND THEIR CONVEYANCE IN TRANSLATION.....29

Patrashku S.O.

ON THE ISSUE OF MILITARY NEOLOGISMS TRANSLATION.....38

Skidan O.G., Fedotova V.E.

ABSURDITY AS THE STYLISTIC DOMINANT OF R. DAHL’S SHORT STORIES: SEMANTIC AND TRANSLATIONAL PERSPECTIVES.....42

Russian and foreign cognitive-discursive linguistics

Samoylenko N.B., Verzhevskaya L.V.

ANALYSIS OF LINGUISTIC STRATEGIES IN THE MANIFESTATIONS OF “CANCEL CULTURE”.....48

Tarasova K.E.

CATALAN LANGUAGE CONCEPT IN MASS MEDIA IN THE 21ST CENTURY.....51

Linguistic theory and comparative typological research

Bragina E.R.

ECONOMIC TERMINOLOGY IN THE CONTEXT OF GREEKISMS: A COMPARATIVE COMPREHENSIVE ANALYSIS OF THE EQUIVALENCE OF THE TERMS “ЭКОНОМИКА” AND “ECONOMY”.....58

Current trends in foreign-language teaching methodology

Samoylenko N.B.

PREPARING UNIVERSITY EDUCATORS FOR THE AGE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE:
FROM THEORY TO PRACTICE.....64

Glotova A.V.

GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE TOOLS IN THE PROCESS OF
SOCIOLINGUISTIC AND LINGUOCULTURAL COMPETENCES' DEVELOPMENT OF
UNIVERSITY STUDENTS.....68

Zharko L.N., Zubtsov D.S.

THE ROLE OF SPEECH ETIQUETTE IN INTERCULTURAL COMMUNICATION USING THE
EXAMPLE OF THE FRENCH LANGUAGE.....72

*Research and expeditionary activities of the Sevastopol State University Institute of
Social Sciences and International Relations*

Lobkov A.Ye.

EXPEDITIONARY ACTIVITIES OF THE SEVASTOPOL STATE UNIVERSITY INSTITUTE OF
SOCIAL SCIENCES AND INTERNATIONAL RELATIONS LINGUISTICS STUDENT GROUP
IN 2024.....76

Lobkov A.Ye., Pokryshchuk S.A.

LANGUAGE MOSAIC OF THE CRIMEA: PROJECTS OF THE LINGUISTICS STUDENT
GROUP.....83

Lobkov A.Ye., Kolesnikova V.A.

RUSSIAN LOANWORDS IN THE LANGUAGE OF GERMAN SETTLERS IN THE CRIMEA90

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS.....94

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

УДК 811.111

СУЩНОСТЬ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КОММУНИКАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА К ПЕРЕВОДУ

Сдобников В.В.

Доктор филологических наук, доцент

ESSENCE OF TRANSLATION FROM COMMUNICATIVE-FUNCTIONAL PERSPECTIVE

Vadim V. Sdobnikov

АННОТАЦИЯ. Познание истинной сущности переводческой деятельности – это та задача переводоведения, от решения которой зависит определение задач, решаемых переводчиком в процессе перевода, и установление характера ментальных процессов, происходящих в его сознании. До сих пор представление о сущности перевода было искаженным из-за главенствования в переводоведении сугубо лингвистического подхода с присущим ему вниманием исключительно к языковым факторам, влияющим на переводческий процесс и его результат. Коммуникативно-функциональный подход к переводу предполагает помещение переводческого события в рамки определенной ситуации, в которой перевод необходим для осуществления коммуникантами их предметной деятельности. Таким образом, согласно данному подходу, перевод – это способ обеспечить успешную деятельность инициатора и потребителей перевода.

Ключевые слова: коммуникативно-функциональный подход, лингвистический подход, коммуникативная ситуация, сущность перевода, предметная деятельность, переводческое событие, потребитель перевода.

ABSTRACT. Revealing the true essence of translation activity is the task of Translation Studies, the solution of which predetermines understanding of the tasks solved by the translator in the process of translation and revealing the nature of the mental processes occurring in his/her mind. So far, the idea of the essence of translation has been distorted due to the predominance of the purely linguistic approach in Translation Studies with its inherent attention exclusively to the linguistic factors influencing the translation process and its result. The communicative-functional approach to translation requires that the translation event must be placed within the framework of a certain situation in which translation is needed by communicators to carry out their substantive activities. Thus, according to this approach, translation is a way to ensure the successful activity of the initiator and consumers of translation.

Key words: communicative-functional approach, linguistic approach, communicative situation, essence of translation, substantive activity, translation event, consumer of translation.

1. Введение

Одна из задач переводоведения – установление истинной сущности перевода как вида деятельности. В настоящее время нет общепризнанного представления о сущности переводческой деятельности, о назначении перевода, целях его осуществления, о задачах, решаемых переводчиком в процессе перевода. В настоящее время мы наблюдаем противопоставление двух основных подходов к изучению (читай – познанию) и осуществлению перевода – собственно лингвистического и коммуникативно-функционального. Первый сформировался на начальном этапе становления науки о переводе в рамках лингвистического

переводоведения и с использованием методологии лингвистики. Для данного подхода характерен сугубый интерес к лингвистическим факторам, воздействующим на процесс перевода, а в качестве основной задачи, решаемой в процессе перевода, рассматривается установление отношений эквивалентности между исходным текстом (ИТ) и переводным текстом (ПТ) на определенном уровне. Второй подход (*functionalist approach*) возник в рамках функционального направления под влиянием работ Ю. Найды, ученых Лейпцигской школы, создателей скопос-теории и их последователей, например, К. Норд. Суть этого подхода – рассмотрение переводческой деятельности в рамках определенной коммуникативной ситуации с использованием перевода, что неизбежно предполагает учет не только лингвистических факторов, воздействующих на процесс перевода, но и экстралингвистических. К числу последних следует отнести цель перевода, характер осуществляемой получателем перевода деятельности, способ использования перевода, а значит и потребности получателя перевода и его ожидания в отношении переводного текста.

Различия между двумя подходами очевидны. А между тем от того, какого подхода придерживаются исследователи и переводчики-практики, зависит и общее представление о переводе, которое, как хочется надеяться, должно отличаться от наивного, дилетантского представления людей, непосредственно с переводом не связанных, а также понимание задач, решаемых на всех этапах переводческого процесса, и в конечном итоге – общее качество перевода. Таким образом, осознание сущности перевода значимо не только с теоретической точки зрения, но и с практической. Ниже мы остановимся на некоторых аспектах решения этой проблемы.

2. Перевод как деятельность

2.1. Сущность перевода

Выше мы уже отметили принципиальное различие между двумя подходами к переводу. Сущность перевода в понимании представителей лингвистического направления в переводоведении сводится к созданию текста на переводящем языке (ПЯ) на основе текста на исходном языке (ИЯ). Собственно, этим все и заканчивается (по крайней мере, в теоретических переводоведческих построениях). Как известно, сущность понятия выражается в его дефиниции, и если говорить о переводе, то можно было бы вспомнить многочисленные определения перевода, предложенные в рамках лингвистического переводоведения. Основной их недостаток, на наш взгляд, заключается в том, что в них полностью игнорируется цель перевода, то есть не обозначен ответ на вопрос *«Зачем осуществляется перевод?»*. Все сводится к созданию текста на ПЯ, который должен, по мнению исследователей, воспроизводить полно и точно содержание оригинала и его стилистические особенности. Показательно в этом отношении хрестоматийное определение перевода по Л.С. Бархударову: переводом называется «преобразование речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке с сохранением неизменного плана содержания, то есть значения» [1, с. 11]. А между тем следует помнить, что в реальной жизни перевод выполняется только тогда, когда он кому-то нужен, и нужен он обычно для осуществления определенной предметной деятельности – производственной, познавательной, рекреационной и т.п. Сама потребность в переводе возникает только в связи с осуществлением некоей деятельности. Например, потребность в переводе технической документации возникает только тогда, когда предполагается использование (эксплуатация) какого-то станка, механизма или прибора (в том числе бытового). То же самое можно сказать о переводе художественных или аудиовизуальных произведений: сам перевод таких произведений необходим для осуществления, допустим, рекреационной деятельности его потребителей и выполняется по инициативе некоего лица или организации, заинтересованных в создании перевода для осуществления их коммерческой деятельности. Заметим, что привнесение в структуру переводческого события таких компонентов, как деятельность и инициатор перевода, является одной из сильных сторон коммуникативно-функционального подхода; именно учет этих составляющих объясняет многое, если не всё, в деятельности переводчика, в том числе и характер принимаемых им переводческих решений.

Исходя из этого ранее нами было предложено определение перевода, основанное на положениях коммуникативно-функционального подхода: «перевод можно определить как речевую деятельность переводчика по созданию текста на ПЯ с опорой на текст на ИЯ, результат которой выступает в качестве инструмента обеспечения успешной предметной деятельности инициатора перевода и коммуникантов в данной коммуникативной ситуации» [4, с. 46–47]. Собственно, в этом и заключается сущность перевода – служить инструментом осуществления предметной деятельности всех, кто вовлечен в определенную коммуникативную ситуацию.

Для того, чтобы выполнить эту главную задачу, переводчик должен выйти за те границы (пред)переводческого анализа, которые установлены лингвистическим подходом. Анализа собственно текста оригинала оказывается недостаточно, чтобы решить, зачем будет выполняться перевод и каким должен быть переводной текст, чтобы выполнить свою миссию. Требуется и анализ самой коммуникативной ситуации, в которой перевод осуществляется. В ходе такого анализа переводчик ищет и находит ответы на вопросы: «Кто является инициатором перевода? Какова его цель? Кто выступит в качестве получателя или получателей перевода? Какую предметную деятельность они будут осуществлять при помощи перевода? Каким образом получатели перевода будут использовать перевод? Отличаются ли получатели перевода от получателей оригинала какими-то значимыми характеристиками? Отличается ли цель создания перевода от цели автора оригинала?». Другими словами, внимание переводчика направлено не только на уяснение языковых особенностей оригинала (а именно это и находится в центре внимания представителей лингвистического направления), но и на самих участников переводческого события, на уяснение их потребностей и ожиданий, а также их возможностей воспринимать переводной текст. Проще говоря, только благодаря коммуникативно-функциональному подходу перевод обретает «человеческое лицо».

2.2. Цели перевода

На понятии «цель перевода» следует остановиться особо. Это одно из основополагающих понятий коммуникативно-функционального подхода хотя бы уже потому, что именно от цели перевода зависит характер предпринимаемых переводчиком действий по созданию переводного текста, характер принимаемых им переводческих решений и «облик» самого переводного текста. И это именно то понятие, которое не учитывается в рамках лингвистического переводоведения. Впрочем, указание на цель перевода, или переводного текста, мы находим в работе В.Н. Комиссарова. Ученый пишет, что «задача перевода – обеспечить такой тип межъязыковой коммуникации, при котором создаваемый текст на языке Рецептора ... мог бы выступать в качестве полноценной коммуникативной замены оригинала и отождествляться Рецепторами перевода с оригиналом в функциональном, структурном и содержательном отношении» [3, с. 43]. Интерес представляет и рассмотрение перевода в качестве формы языкового посредничества, направленного на обеспечение межъязыковой коммуникации. Однако следует отметить, что В.Н. Комиссаров, так же как и многие другие представители лингвистического переводоведения, рассматривают лишь один случай перевода, а именно тот, когда от переводчика требуется создание функционального аналога оригинала на переводящем языке, то есть текста, который бы заменял собой оригинал и отождествлялся бы получателем перевода с оригиналом в разных отношениях.

Между тем более внимательный взгляд на ситуации осуществления перевода во всем их разнообразии дает возможность понять, что ситуация, предполагаемая представителями лингвистического переводоведения, – это лишь частный случай. Перевод более многообразен, чем принято думать. И осуществляться он может не только с целью создания «полноценной коммуникативной замены» оригинала. В некоторых ситуациях (и их немало!) перед переводчиком может быть поставлена задача создать на ПЯ текст, который выполнял бы роль, отличную от той, которую ИТ играет в исходной коммуникативной ситуации. Например, издательство может попросить переводчика сделать своего рода синопсис художественного произведения, только чтобы ознакомиться с его общим содержанием. Перевод инструкции к лекарственному препарату в интересах конкретного потребителя этого препарата также не

предполагает полной передачи содержащейся в оригинале информации, многие элементы которой (химический состав, история испытаний, контакты производителя) просто не нужны потребителю перевода. Да и перевод публицистических текстов, изначально созданных для конкретной аудитории страны происхождения текста, например, устных выступлений политических деятелей, осуществляется вовсе не для того, чтобы оказать на аудиторию получателей перевода воздействие, которое хотел оказать на свою аудиторию автор оригинала. В конце концов, перевод «взрослых» художественных произведений для детской аудитории (вспомним «Путешествия Гулливера») преследует вовсе не ту цель, которую поставил перед собой автор оригинала (в данном случае – Дж. Свифт).

Итак, цели перевода далеко не всегда определяются характером переводимого текста, его содержанием, формальными особенностями и жанрово-стилистической принадлежностью. Но во всех случаях они определяются характером деятельности или деятельности, осуществляемых инициатором перевода и получателями перевода, и могут отличаться от цели автора оригинала.

3. Моделирование процесса перевода

От того, каких представлений о сущности перевода придерживаются исследователи, зависит и представление о самом процессе перевода. Как правило, это представление воплощается в моделях перевода, или моделях переводческого процесса. Каждая из моделей предполагает деление переводческого процесса на определенные этапы, и здесь важно, что именно определяется в качестве начальной и конечной точек этого процесса. Для Отто Каде, например, начальная точка – коммуникация между отправителем ИТ и переводчиком, а по сути – восприятие (декодирование) переводчиком текста на ИЯ; конечная точка – коммуникация между переводчиком и получателем ПТ, а по сути – кодирование текста на ПТ (см. [2, с. 69–90]). Подобное представление о переводческом процессе характерно практически для всех концепций, созданных в соответствии с лингвистическим подходом. Их общая черта – замкнутость в границах между восприятием оригинала переводчиком и порождением текста перевода. Получается, что переводчик имеет дело только с текстами и не более того, а если и взаимодействует с другими людьми, то – в ситуации письменного перевода – только опосредованно. Но это опосредованное взаимодействие как раз и вызывает сомнения: представляется, что тезис об опосредованной коммуникации – не более чем метафора, некий идеал, существующий в теории, а на практике никакой коммуникации между автором оригинала, с одной стороны, и получателем перевода, с другой, может и не быть, точно так же как может не быть прямой коммуникации между переводчиком, с одной стороны, и автором ИТ и получателем ПТ (более подробно см. об этом [5]). Отсутствие указаний на подобную коммуникацию особенно очевидно в теоретических построениях, созданных в рамках лингвистического переводоведения.

Наибольшей же интерес представляет раскрытие самого таинственного, сокровенного процесса, а именно того, что происходит в сознании переводчика, когда он переводит. Какие когнитивные механизмы реализуются в процессе перевода? И здесь между двумя подходами к переводу, разумеется, видны принципиальные различия, обусловленные общим представлением о сущности переводческой деятельности. Для представителей лингвистического переводоведения перевод – это прежде всего работа с языковым материалом, представленным в оригинале, преобразование этого материала в формы переводящего языка (вспомним приведенное выше определение перевода по Л.С. Бархударову), замена лексического наполнения текста и его синтаксических структур соответствующим наполнением и структурами переводящего языка. При этом термины «преобразование» и «трансформация» – чуть ли не основные термины, используемые для описания того, что, якобы, происходит в сознании переводчика. Получается, что переводчик как бы блуждает по поверхности текста, осуществляя некие трансформации, в результате чего рождается текст на переводящем языке. На самом деле в реальной переводческой деятельности ничего подобного не происходит: меньше всего профессиональные переводчики думают о трансформациях, а многие из них про них и не слышали (особенно если в университете им не читали курс теории перевода). При этом вполне успешно переводят. Заметим, что само понятие «трансформация» появилось только в

отечественном переводе; зарубежные исследователи его не знают и не используют. В лучшем случае «трансформация» – это инструмент, используемый переводоведами для описания видов соотношения между исходным и переводным текстами (о чем свидетельствует обилие научных работ, посвященных выявлению трансформаций, якобы «использованных» при переводе текстов разных жанров и тематической направленности). Вот только к практике перевода, к тому, что происходит в сознании переводчика, это не имеет никакого отношения.

Рассмотрим эту проблему с точки зрения коммуникативно-функционального подхода. Имея в виду задачу создать текст, удобный для использования получателем перевода при осуществлении им определенной предметной деятельности, переводчик прежде всего – на этапе анализа ИТ – решает, какая информация, содержащаяся в ИТ, относится к коммуникативно релевантной, важной, то есть подлежащей передаче в переводе. Другими словами, переводчик устанавливает, какая ситуация или какие ситуации описаны в оригинале, насколько они существенны с точки зрения автора оригинала и (самое главное!) получателя перевода. Переводчик извлекает из оригинала мысль. А далее наступает этап выражения этой мысли на переводящем языке, то есть описания релевантных ситуаций средствами переводящего языка, причем *так, как это принято делать именно на переводящем языке*. И здесь нам помогают (и теоретически, и практически) не столько пресловутые «трансформации», предполагающие работу только с языковым материалом, сколько *конвенции языка*, предполагающие работу со смыслами. Под конвенциями языка мы понимаем правила построения высказываний на соответствующем языке, правила выражения мысли (смысла) на данном языке. Эти конвенции могут затрагивать распределение темы и ремы в высказывании (в этом отношении языки могут существенно различаться), размещение, последовательность членов предложения, в целом – расстановку смысловых акцентов в высказывании. При этом следует обеспечивать и связность текста в целом, что каждый раз предполагает особое распределение смысловых акцентов в каждом из предложений текста.

Итак, перевод – это не преобразование одного текста в другой, не замена лексики и синтаксиса ИЯ лексикой и синтаксисом ПЯ, а перевыражение мысли средствами переводящего языка по законам и конвенциям ПЯ с целью создания текста, который действительно мог бы служить инструментом осуществления получателем перевода его предметной деятельности и был бы вполне эргономичен для потребителя перевода.

4. Заключение

К настоящему времени переводоведение достаточно уверенно воспринимает и осваивает антропоцентрический подход, в соответствии с которым при рассмотрении явлений реального мира в центр внимания помещается человек с его потребностями и предпочтениями. Коммуникативно-функциональный подход к переводу можно рассматривать в качестве вариации общего антропоцентрического подхода, принятой в переводоведении. Появление этого подхода можно считать вполне закономерным: переводческая деятельность есть деятельность прежде всего практическая, и осуществляется она переводчиком только для того, чтобы другие люди могли осуществить свою собственную деятельность. В этом, собственно, и заключается сущность перевода – быть инструментом, способом осуществления предметной деятельности тех, кто нуждается в переводе.

Список литературы

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
2. Каде О. Проблемы перевода в свете теории коммуникации // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М.: Международные отношения, 1978. С. 69–90.
3. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
4. Сдобников В.В. Перевод и коммуникативная ситуация: монография. М.: ФЛИНТА : Наука, 2015. 464 с.

5. Sdobnikov V.V. Is Translation a Means of Cross-Cultural Communication? // Science Journal of Volgograd State University. 2023. Vol. 22. No 3. P. 77–85.

УДК 821.111Rowling.08.032=161.1'255.4

**ПРИЕМЫ ПЕРЕВОДА КВАЗИРЕАЛИЙ В ЦИКЛЕ КНИГ ДЖ. РОУЛИНГ
“HOGWARTS LIBRARY BOOKS”**

Бармина Е.А.

кандидат филологических наук, доцент

Кострыкина М.А.

студент

**TECHNIQUES OF QUASI-REALIA RENDERING (CASE STUDY OF “HOGWARTS
LIBRARY BOOKS” BY J.K. ROWLING)**

Evgeniia A. Barmina

Margarita A. Kostrykina

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию переводческих решений при передаче квазиреалий на материале цикла книг Дж. Роулинг “Hogwarts Library Books” и его переводов, выполненных издательствами «Росмэн» и «Махаон». Выявляются основные приемы перевода, использованные для передачи имен собственных, названий магических существ, артефактов, понятий и явлений, которые не имеют прямых эквивалентов в реальном мире. В работе оценивается эффективность переводческих приемов с точки зрения сохранения семантического содержания, функциональной нагрузки и сохранения атмосферы оригинальных произведений. Ключевым выводом исследования является то, что выбор конкретного приема перевода напрямую зависит от функции квазиреалии. Таким образом, для передачи уникальной номинации используется транскрипция, транслитерация или их сочетание, для сохранения семантики или структуры квазиреалии – калькирование, для передачи информационной ценности – описательный перевод, а для сохранения уникальности квазиреалии, авторской игры слов или комического эффекта – создание неологизма или подбор аналога.

Ключевые слова: квазиреалии, приемы перевода, фэнтези, Библиотека Хогвартса, функции квазиреалий

ABSTRACT. The article deals with the translation techniques targeted at rendering quasi-realialia. The case study of “Hogwarts Library Books” by J.K. Rowling and its Russian translations published by Rosman and Makhaon reveals the main translation techniques used to render proper names, names of magical creatures, objects, concepts, and phenomena that do not have direct real-world equivalents. The authors analyze the effectiveness of these translation techniques in terms of preserving semantic content, functional role, and maintaining the atmosphere of the original works. The key finding of the research is that the choice of a specific translation technique directly depends on the function of the quasi-realialia. This dependence is illustrated as follows: transcription, transliteration, or their combination are typically used for unique nomination; calque serves to preserve the semantics or structure; descriptive translation aims to convey informational value; while neologism creation and adaptation are used to maintain the uniqueness of the quasi-realialia, authorial wordplay, or comic effect.

Key words: quasi-realialia, translation techniques, fantasy, Hogwarts Library Books, quasi-realialia functions.

Перевод произведений жанра фэнтези, который благодаря своей популярности среди читателей всех возрастов стал объектом множества научно-исследовательских работ, ставит перед переводчиком ряд специфических задач. Одной из ключевых является передача так называемых квазиреалий, что требует глубокого понимания культурных особенностей и контекста.

Вселенная Гарри Поттера, созданная Дж. Роулинг, представляет собой богатейший мир,

наполненный уникальными элементами, формирующими его неповторимую атмосферу. Особое место в этом мире занимает цикл книг “Hogwarts Library Books”, в который входят книги “Fantastic Beasts and Where to Find Them”, “Quidditch Through the Ages” и “The Tales of Beedle the Bard”. Эти произведения уникальны тем, что позиционируются не просто как дополнения к основной саге, а являются аутентичными текстами прямо из волшебного мира – будь то школьные учебники или книга сказок. Именно по этой причине одной из особенностей произведений данного цикла является наличие особых понятий, которые призваны описать реалии вымышленного мира и не имеют аналогов в нашей реальности.

Цель настоящей работы – исследовать особенности перевода квазиреалий на примере цикла книг “Hogwarts Library Books”, а также проанализировать приемы адекватного перевода квазиреалий на русский язык, к которым прибегали переводчики М. Лахути (издательство «Росмэн») и М. Спивак (издательство «Махаон»).

Разные отечественные и зарубежные лингвисты предлагали свои определения реалий, однако в нашем исследовании мы опираемся на определение, приведенное в «Толковом переводоведческом словаре» Л.Л. Нелюбина, поскольку оно раскрывает весь широкий спектр явлений, относящихся к этому понятию:

«Реалии – это слова или выражения, обозначающие предметы, понятия, ситуации, элементы материальной культуры, исторические факты и процессы, а также национально-специфические особенности жизни и быта, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке, и зачастую не имеющие эквивалента в других языках» [2, с. 178].

Поскольку в произведениях фэнтези понятие реалий имеет лишь относительную связь с миром реальности, исследователи выделяют отдельную группу квазиреалий (от лат. «quasi» – «мнимый», «ненастоящий» [9]). Отличием является не влияющая на сущность понятия характеристика: принадлежность реалии не к реальному миру, а к миру, выдуманному писателем.

Квазиреалии – это неотъемлемая часть фэнтезийной литературы; это реалии, которые актуальны и существуют только в контексте произведения автора и используются для описания несуществующего мира, его природы, законов, культур и т.д. [1]. Вымышленные миры не просто становятся уникальными и неповторимыми благодаря квазиреалиям, отличающих их от других реальных и литературных миров, но и буквально «оживают», позволяя читателям не сомневаться в их существовании.

Для изучения тенденций в современной практике перевода методом сплошной выборки из произведений цикла “Hogwarts Library Books” было отобрано 250 квазиреалий для проведения дальнейшего анализа, на основе которого был создан иллюстративный материал в виде таблиц и диаграмм. Данный объем выборки обеспечивает репрезентативность исследования и позволяет получить достаточно полное представление о разнообразии, особенностях, функциях, а также выборе приемов перевода квазиреалий, представленных в выбранном цикле книг.

Понимание функций квазиреалий в произведениях литературы жанра фэнтези имеют важнейшее значение для их адекватной передачи на переводящий язык, поскольку неправильный перевод квазиреалии может привести к искажению её смысла, утрате символизма или ассоциаций, которые она должна была вызвать у читателя, а иногда даже потере комического эффекта. Таким образом, переводчик должен осознавать, что квазиреалии – это не просто вымышленные слова и предметы, а сложный лингвистический феномен, выполняющий определенные функции в тексте. Для адекватного перевода квазиреалий эти функции должны быть сохранены и переданы на другой язык.

В ходе анализа серии книг из цикла “Hogwarts Library Books” Дж. Роулинг мы выявили, что квазиреалии в тексте выполняют следующие функции:

1. Номинативная функция

В цикле Дж. Роулинг “Hogwarts Library Books” квазиреалии не только служат фоном для истории и вымышленного мира, но играют важнейшую роль, расширяя границы волшебной вселенной. Так, абсолютно все квазиреалии выполняют номинативную функцию, благодаря которой автор дает названия различным вымышленным объектам или явлениям.

2. Характеризующая функция

Второй по важности в произведении является характеризующая функция. С помощью квазиреалий Дж. Роулинг удается описать внешность и поведение персонажей, раскрыть их характер. Помимо очевидных характеристик, квазиреалии способны передавать коннотативные оттенки значения, т.е. благодаря им мы можем судить о мыслях, мировоззрении, а также отношении говорящего к чему-либо.

3. Ассоциативная функция

В цикле “Hogwarts Library Books” квазиреалии также выполняют ассоциативную функцию, которая заключается в создании автором такого вымышленного мира, элементы которого отсылают к явлениям, понятиям или социальным структурам реального мира. Ассоциации могут быть как прямыми, т.е. иметь непосредственные аналоги в знакомой нам действительности, так и косвенными, когда автор создает что-то абсолютно новое, но оно все равно вызывает у читателя определенные ассоциации с чем-то знакомым.

4. Символическая функция

Благодаря символической функции квазиреалий у автора есть возможность закладывать в свои произведения определенные скрытые смыслы. Вследствие этого, символическая функция квазиреалий дает автору возможность транслировать читателю некоторые свои идеи и определенные смыслы, которые актуальны для нашего мира, через призму фантастического.

4. Стилистическая функция

Еще одной функцией квазиреалий в цикле произведений “Hogwarts Library Books” является стилистическая функция. Так, квазиреалии, помимо передачи основной информации, в тексте могут служить для достижения определенных художественных и выразительных целей, т.е. передавать экспрессивную, эмоциональную или оценочную окраску слова. В частности, Дж. Роулинг использует квазиреалии для создания определенного колорита и волшебной атмосферы произведения.

5. Аттрактивная функция

Одной из функций квазиреалий в произведениях является выполнение ими аттрактивной функции, т.е. их способность привлекать внимание читателя. Следует отметить, что аттрактивная функция квазиреалий может быть реализована в тексте различными способами, такими как использование ярких и необычных образов, экспрессивность лексических единиц, создание атмосферы волшебного мира и др.

6. Создание комического эффекта

Часто квазиреалии появляются в тексте для создания комического эффекта. В таком случае автор при образовании квазиреалии прибегает к использованию игры слов, элементов звукоподражания и т.п.

Помимо вышеперечисленных функций, мы считаем важным отметить, что квазиреалии в выбранном цикле произведений “Hogwarts Library Books” также выполняют информационную, коммуникативную, эстетическую и прагматическую функции.

Анализ перевода, выполненного М. Лахути и опубликованного издательством «Росмэн», позволил нам определить, какие переводческие приемы были использованы при переводе квазиреалий на русский язык. Используя метод количественного анализа имеющихся данных, мы составили диаграмму и пришли к выводу, что чаще всего переводчик прибегал к калькированию и комбинированию приемов, реже – к созданию неологизма, подбору аналога, транскрипции и транслитерации, а описательный и контекстуальный переводы использовались крайне редко (рис. 1).

ПРИЕМЫ ПЕРЕВОДА КВАЗИРЕАЛИЙ (ИЗДАТЕЛЬСТВО «РОСМЭН»)

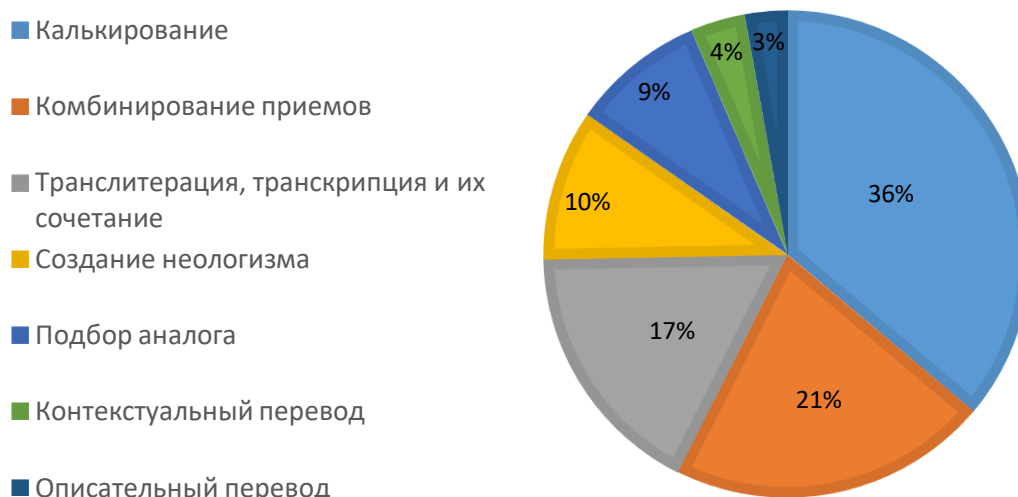

Рисунок 1. Процентное соотношение приемов перевода квазиреалий на русский язык в переводе издательства «Росмэн» (М. Лахути)

В свою очередь, в рамках данного исследования был проведен аналогичный анализ переводческих приемов, использованных при передаче квазиреалий на русский язык от издательства «Махаон» в переводе М. Спивак. Для последующего проведения сопоставительного анализа была построена аналогичная диаграмма (рис. 2). Благодаря этому мы пришли к выводу, что наиболее частотными приемами перевода можно считать калькирование, создание неологизма, а также комбинирование приемов. Меньше всего были использованы описательный перевод и транскрипция.

ПРИЕМЫ ПЕРЕВОДА КВАЗИРЕАЛИЙ (ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАХАОН»)

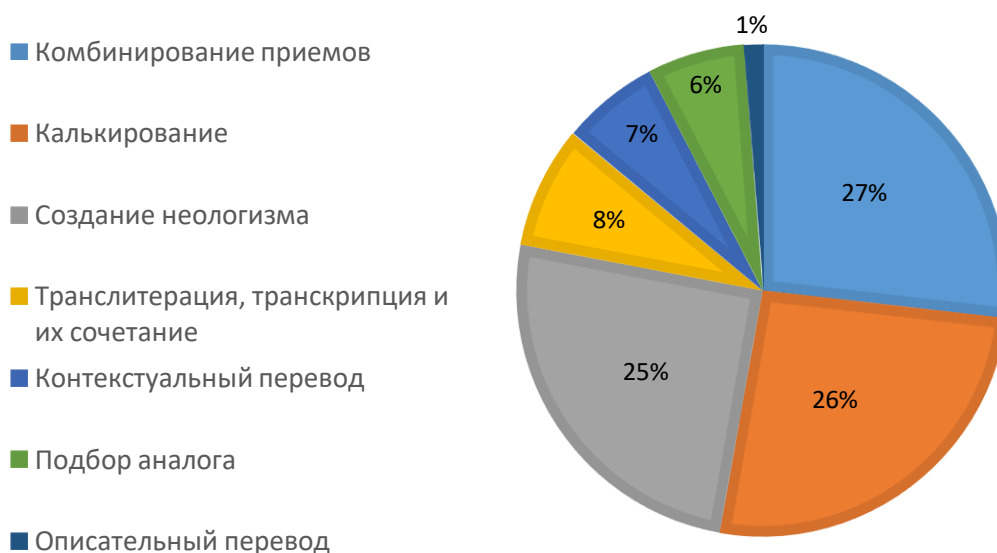

Рисунок 2. Процентное соотношение приемов перевода квазиреалий на русский язык в переводе издательства «Махаон» (М. Спивак)

Далее рассмотрим конкретные переводческие приемы, использованные при передаче квазиреалий на русский язык. Проанализируем несколько примеров квазиреалий, чтобы

показать, как различные переводческие приемы применялись на практике, а также с какими трудностями столкнулись переводчики при работе с квазиреалиями.

1. Калькирование

Калькирование – самый распространенный прием перевода квазиреалий, к которому М. Лахути и М. Спивак обращались в 36% и 26% случаев соответственно. Выбор данного переводческого приема обусловлен прежде всего информационной функцией квазиреалии, поскольку калькирование позволяет максимально точно передать значение слова из исходного языка в переводящий. Например, при переводе квазиназваний книг (*“A History of Magic”* [11] – «История магии»; *“He Flew Like a Madman”* [11] – «Он летал как безумец» [6]), законов (*“Fundamental Laws of Magic”* [12] – «Фундаментальные законы магии» [7]), департаментов (*“Department for the Regulation and Control of Magical Creatures”* [10] – «Отдел регулирования магических популяций и контроля над ними» [5]) и должностей (*“Death Eater”* [12] – «Пожиратель смерти» [4]). Более того, выбор калькирования особенно важен, если квазиреалия в тексте выполняет характеризующую функцию, как, например, в случае с названиями волшебных существ (*“Living Shroud”* [10] – «Живой саван»; *“Biting Fairy”* [10] – «Кусачая фея») и предметов (*“the Wand of Destiny”* [12] – «палочка Судьбы» [7]). И, наконец, ассоциативная функция квазиреалий тоже влияет на выбор калькирования в качестве приема перевода, поскольку оно позволяет сохранить структуру слова, созданного по аналогии с существующими реалиями. Например, *“Ministry of Magic”* [10] («Министерство магии») и *“Minister for Magic”* [10] («Министр магии»).

2. Создание семантического неологизма

При переводе анализируемых нами произведений часто переводчики М. Лахути и М. Спивак прибегали к приему создания неологизма – 10% и 25% квазиреалий были переведены этим способом соответственно. Это прием перевода актуален для квазиреалий, которые выполняют информативную и характеризующую функции, например, при переводе должностей (*“Obliviator”* [10] – «Амнезиатор» [8]), прозвищ людей (*“Mudblood”* [12] – «Мугродье» [7]; *“Scumsucker”* [12] – «Тухлоед» [4]), животных (*“Plimpy”* [10] – «Шленпи» [5]; *“Mooncalf”* [10] – «Лунтеленок» [8]; *“Glumbumble”* [10] – «Инопаточник» [5]). Кроме того, прием создания неологизма позволяет реализовать аттрактивную функцию и функцию создания комического эффекта. Например, *“Jarvey”* [10] – «Хамхмырь» [8], *“Glumbumble”* [10] – «Тосклон» [8], *“Jobberknoll”* [10] – «Толкунолька» [8].

3. Транслитерация, транскрипция и их сочетание

М. Лахути и М. Спивак использовали прием транслитерации, транскрипции и их сочетания в 17% и 8% проанализированных случаев соответственно. Выбор данных приемов перевода обусловлен в первую очередь чисто номинативной функцией квазиреалий. Например, *“Doxy”* [10] – «Докси» [5], *“Diricawl”* [10] – «Дирикол» [8]. Транслитерация и транскрипция также позволяют сохранить морфемный состав, звучание слова и узнаваемость происхождения слова для читателя – как в случае со следующими квазиреалиями *“Pogrebin”* [10] – «Погребин», *“Stichstock”* [11] – «Штихшток» [3]. Кроме того, если квазиреалии выполняют ассоциативную функцию, отсылая читателя к реальным объектам или явлениям, то транслитерация и транскрипция могут быть адекватным приемом перевода. К примеру, перевод квазиреалии *“Puddlemere United”* [11] – «Паддлмир Юнайтед» [3], которая отсылает читателя к реально существующему английскому футбольному клубу «Манчестер Юнайтед». Комбинирование приемов транскрипции и транслитерации можно объяснить различиями в фонетическом строе английского и русского языков (*“Jarvey”* [10] – «Джарви» [5], *“Runespoor”* [10] – «Рунеспур» [5]).

4. Подбор функционального аналога

Подбор аналога – прием, который использовался в 9% (М. Лахути) и 6% (М. Спивак) проанализированных нами случаев. Выбор такого приема позволяет точно передать характеризующую функцию квазиреалии или функцию создания комического эффекта. Например, *“Puffskein”* [10] – «Пушистик» [5]. Мы можем назвать этот перевод адекватным, поскольку слово имеет положительную коннотацию и выражает ласку и умиление, а также

переводчику удалось передать значение квазиреалии с минимальными потерями. Другой пример: “*Patronus Charm*” [10] – «*Заступник*» [8] можно назвать адекватным переводом, хоть и потерявшим магическую составляющую оригинальной квазиреалии.

5. Контекстуальный перевод

Контекстуальный перевод использовался переводчиками крайне редко: М. Лахути обращалась к нему в 3% случаев, а М. Спивак – в 7%. Он используется, когда прямые методы перевода не позволяют адекватно передать значение, коннотацию квазиреалии или игру слов, заложенную автором. Таким образом, переводчик передает эффект или смысл, а не форму квазиреалии, что особенно важно для сохранения аттрактивной функции. Например, переводчики стремятся сохранить элемент звукоподражания при переводе “*Fizzing Whizbees*” [10] – «*Летучие шипучки*» [5] и «*Шипучие шмельки*» [8]; или задачу привлечь внимание читателя, как в названии журнала “*Which Broomstick*” [11] – «*Выбери метлу*» [3] и «*Ваша новая метла*» [6].

6. Описательный перевод

Переводчики М. Лахути и М. Спивак практически не использовали описательный перевод при переводе произведений цикла – им были переведены 4% и 1% квазиреалий соответственно. Описательный перевод обусловлен информационной функцией квазиреалий, поскольку иногда они обозначают нечто, что не имеет аналогов в переводящем языке и требует пояснения, т.е. точность передачи сути квазиреалии намного важнее сохранения ее формы и лаконичности. Например, “*Obliviator*” [10] – «*Стирабель памяти*» [5], “*Muggle-borns*” [12] – «*волшебники немагического происхождения*» [4], “*pro-Muggle*” [12] – «*в защиту муглов*» [7].

7. Комбинирование приемов

Комбинирование приемов – комплексный подход к переводу квазиреалий, обусловленный тем фактом, что зачастую они выполняют не одну, а несколько функций одновременно. По этой причине переводчики часто использовали комбинирование приемов при передаче квазиреалий на русский язык: М. Лахути – в 21%, а М. Спивак в 27% проанализированных нами случаев. Частыми комбинациями выступили калькирование и создание семантического неологизма, позволяющие сохранить характеризующую и аттрактивную функции квазиреалий (“*Mudblood*” [12] – «*Грязнокровка*» [4]; “*Fire Crab*” [10] – «*Огнекраб*» [8]; “*Dugbog*” [10] – «*Тонеройка*» [5]); калькирование и подбор аналога, благодаря которым переводчикам удавалось передать аттрактивную и ассоциативную функцию (“*Chudley Cannons*” [11] – «*Пушки Педдл*» [3]; “*Wigtown Wanderers*” [11] – «*Сигтаунские скитальцы*» [6]; “*Braga Broomfleet*” [11] – «*Лиссабонские летуны*» [3]).

Таким образом, квазиреалии представляют собой определенную переводческую проблему, поскольку обозначают объекты или явления, которые существуют исключительно в вымышленном мире, созданном автором, и, следовательно, не имеют прямых эквивалентов в переводящем языке. При выборе наиболее адекватного приема перевода квазиреалий важно учитывать не только вид квазиреалий, но и функцию, которые они выполняют в тексте. Если квазиреалия выполняет чисто номинативную функцию, называя объект или явление, то адекватным приемом перевода будут транскрипция, транслитерация и их сочетание. Эти приемы перевода могут использоваться в тех случаях, когда важно сохранить узнаваемость происхождения слова для читателя. Информационная функция может потребовать от переводчика применения калькирования или описательного перевода, чтобы сохранить семантику квазиреалии. Если квазиреалия выполняет ассоциативную функцию, то наиболее адекватными приемами перевода могут выступать калькирование, сохраняющее структуру лексической единицы, подбор аналога, вызывающее у читателя похожие ассоциации. Кроме того, подбор аналога, наряду с созданием семантического неологизма, контекстуальным переводом, могут способствовать сохранению аттрактивной функции и функции создания комического эффекта. Часто квазиреалии выполняют несколько функций одновременно. В таких случаях переводчику прибегают к комбинированию приемов. Учет всех этих факторов позволяет переводчику выбрать наиболее адекватный прием перевода, который обеспечит не только семантическую точность, но и сохранит стилистические и эстетические особенности оригинала.

Список литературы

1. Береснев Н.П. Перевод квазиреалий в научной фантастике [Электронный ресурс] // Вестник научного общества студентов, аспирантов и молодых ученых. URL: https://amgpgu.ru/upload/iblock/554/beresnev_n_p_perevod_kvazirealiy_v_nauchnoy_fantastike.pdf (дата обращения: 12.04.2025).
2. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта, 2009. 320 с.
3. Ролинг Дж.К. Квиддич с древности до наших дней / Пер. с англ. М. Лахути. М.: ЗАО «РОСМЭН-ПРЕСС», 2009. 112 с.
4. Ролинг Дж.К. Сказки барда Бидля / Пер. с англ. М. Лахути. М.: ЗАО «РОСМЭН-ПРЕСС», 2009. 128 с.
5. Ролинг Дж.К. Фантастические звери и места их обитания / Пер. с англ. М. Лахути. М.: ЗАО «РОСМЭН-ПРЕСС», 2009. 128 с.
6. Роулинг Дж.К. Квиддиш сквозь века / Пер. с англ. М. Спивак. М.: Махаон, Азбука-Аттикус, 2015. 128 с.
7. Роулинг Дж.К. Сказки барда Бидля / Пер. с англ. М. Спивак. М.: Махаон, Азбука-Аттикус, 2015. 128 с.
8. Роулинг Дж.К. Фантастические твари и где они обитают / Пер. с англ. М. Спивак. М.: Махаон, 2017. 128 с.
9. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov> (дата обращения: 12.04.2025).
10. Rowling J.K. Fantastic Beasts and Where to Find Them. NY.: Scholastic Press, 2001. P. 160.
11. Rowling J.K. Quidditch Through the Ages. NY.: Scholastic Press, 2001. P. 160.
12. Rowling J.K. The Tales of Beedle the Bard. L.: Bloomsbury Publishing, 2008. P. 109.

УДК 821.111Mitchell7Black Swan Green.08.030=161.1'255.4

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ПОДРОСТКА В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ДЭВИДА МИТЧЕЛЛА “BLACK SWAN GREEN”)

Бармина Е.А.

кандидат филологических наук, доцент

Стадник А.А.

студент

SPEECH PORTRAIT OF A TEENAGER IN THE ORIGINAL AND RUSSIAN TRANSLATION (CASE STUDY OF THE NOVEL “BLACK SWAN GREEN” BY DAVID MITCHELL)

Evgeniia A. Barmina

Anna A. Stadnik

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются стилистические приемы и средства выразительности, способствующие созданию речевого портрета главного героя романа Дэвида Митчелла “Black Swan Green”, и приемы их перевода на русский язык. Анализ оригинального текста позволяет выделить доминирующие характеристики речевого портрета Джейсона Тейлора, отражающие его возраст, социальный статус, характер и особенности восприятия мира. К доминирующим характеристикам речевого портрета персонажа можно отнести сленг, ненормативную лексику, сокращения, окказионализмы, книжную лексику, фразеологизмы, метафоры, сравнения, гиперболы, а также синтаксические конструкции, отражающие спонтанность и эмоциональность высказываний. Сопоставительный анализ с русским переводом, выполненным Т.П. Боровиковой, направлен на оценку адекватности передачи речевых

характеристик персонажа, а также на выявление возможных переводческих трансформаций и их влияния на восприятие образа читателем. Анализ показал, что переводчик использовала комплексные переводческие трансформации, что позволило воссоздать речевой портрет персонажа-подростка с учетом структурных и стилистических особенностей русского языка.

Ключевые слова: речевой портрет, перевод, сленг, ненормативная лексика, сокращения, книжная лексика, окказионализмы, фразеологизмы, метафоры, аллюзии, параллелизм.

ABSTRACT. The article deals with stylistic devices and expressive means that form the speech portrait of the main character of the novel “Black Swan Green” by David Mitchell and techniques targeted at their rendering in Russian translation. The analysis of the original text allows to identify the key characteristics of Jason Taylor’s speech portrait that reflect his age, social status, character, and world view. These characteristics include slang, obscene words, abbreviations, nonce words, bookish words, phraseological units, metaphors, comparisons, hyperbole, as well as syntactic constructions that reflect the spontaneity and emotionality of speech. The comparative analysis of the original and its Russian translation by T.P. Borovikova reveals complex translation techniques used for the character’s adequate portrayal taking into account structural and stylistic features of the target language.

Key words: speech portrait, translation, slang, obscene words, abbreviations, bookish words, nonce words, phraseological units, metaphors, allusions, parallelism.

Антропоцентризм современной лингвистики обусловил растущий интерес исследователей к различным аспектам личности говорящего. Как следствие, в научный оборот вошли такие понятия, как речевой портрет, речевая характеристика, коммуникативный портрет, речевое поведение и др.

Речь героев произведения играет основополагающую роль в создании их образов. Речевой портрет персонажа – это многоплановое явление, имеющее свои особенности передачи при переводе с одного языка на другой. Тем не менее до сих пор не разработано четких указаний для переводчика по работе с ним.

Целью данного исследования является выявление и описание приемов и средств, отобранных Дэвидом Митчеллом для создания речевого портрета главного героя романа “Black Swan Green”, а также анализ приемов, используемых для их передачи в русскоязычном переводе, выполненном Т.П. Боровиковой.

Дэвид Стивен Митчелл является современным британским прозаиком, дважды номинированным на Букеровскую премию. Он известен своими романами «Сон №9», «Облачный атлас», «Тысяча осеней Якоба де Зута» и «Лужок черного лебедя». Благодаря своему уникальному авторскому стилю и смелым экспериментам с формой автор прочно утвердился в числе самых популярных и заметных британских писателей XXI века. Однако в отечественной филологии отмечается недостаток работ, посвященных творчеству Дэвида Митчелла, которое с каждым годом приобретает все большую популярность.

Рассмотрение вопроса выбора языковых средств для создания достоверного образа персонажа в оригинале, а также анализ приемов, направленных на реализацию авторского замысла в переводе, служат обоснованием актуальности исследуемого материала, для изучения которого были использованы следующие методы: лингвостилистический анализ, контекстуальный анализ, сопоставительный анализ текста оригинала и перевода.

Возникшее в XX веке понятие речевого портрета изначально преимущественно использовалось в литературных исследованиях как один из способов создания художественного образа. Позднее понятие речевого портрета было развито другими учеными, что привело к его усложнению и появлению новых интерпретаций.

И.С. Шильникова определяет речевой портрет как выбор из множества вариантов определенных элементов, характеризующих речевое поведение человека, использование их в речи в зависимости от условий общения и при этом отказ от других элементов как осознанно, так и подсознательно. Это социально маркированные способы выбора и употребления языковых средств и особенностей речевого поведения индивида, которые могут служить базой для

создания определенного образца речевого поведения группы [7].

Лингвистический словарь Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой дает следующее определение речевому портрету: «Речевая характеристика (речевой портрет) – это подбор особых и специфических слов и выражений для каждого персонажа литературного произведения, выступающих своеобразным средством художественного изображения литературного героя, для чего автор в разных ситуациях прибегает к разным средствам, начиная с излюбленных «словечек» и заканчивая необработанным синтаксисом, что помогает охарактеризовать литературный персонаж с нужной стороны (общекультурной, социальной, профессиональной и т. п.)» [6]. О.С. Ахманова, автор «Словаря лингвистических терминов», также отождествляет понятия «речевая характеристика» и «речевой портрет» и дает следующую трактовку данным понятиям: «Речевая характеристика персонажей, или речевой портрет персонажей (англ. speech characteristics of characters) – особый подбор слов, выражений, оборотов речи и т.д. как средство художественного изображения действующих лиц литературного произведения» [1].

Основными приемами, используемыми для создания речевого портрета, являются лексические. Эти приемы выражаются в выборе речевых средств. Сам выбор слов может стать характерной чертой персонажа, подчеркнуть его особенности воспитания или профессиональную принадлежность. К лексическим приемам относятся: чистота речи, сленг и жаргонизмы, слова-маркеры, слова-паразиты, шутки и каламбуры, афористичность, парадоксальность речи, диалектизмы, устаревшая лексика, архаизмы, иностранные слова, уменьшительно-ласкательные слова, научная речь, профессионализмы, канцеляризмы [3].

Другие приемы создания речевого портрета – интонационные, фонетические, синтаксические и психологические. К ним относятся: скорость речи, громкость речи (которая может достигаться за счет особой расстановки знаков препинания в речи героя), дефекты речи (акцент, заикание, шепелявость), особое построение фраз, повторы, рифмовка, болтливость и молчаливость [3].

В литературных текстах можно встретить три способа передачи речи героев: прямая речь, косвенная речь и несобственно-прямая речь. Создавая речевые портреты своих персонажей, автор вводит в их речь лексические, интонационные, фонетические, синтаксические и психологические приемы.

В фокусе настоящего исследования находится речевой портрет ключевой фигуры в романе Дэвида Митчелла “Black Swan Green” – Джейсона Тейлора. Как и большинство героев произведения, он подросток, однако его образ один из самых необычных и запоминающихся в произведении. Речь Джейсона Тейлора служит важным инструментом для раскрытия его характера и личности. Анализ его речевого портрета позволяет нам понять его мотивации, убеждения и мировоззрение.

Главный герой имеет дефект речи, который выражается запинанием. Свою речевую особенность мальчик представляет образом «висельника», который не дает персонажу произнести слова, начинающиеся с определенных букв (зачастую это слова, начинающиеся с «S» и «N» (в переводе «С» и «П»). Такие слова главный герой называет «запинательными». Данный дефект негативно влияет на самооценку Джейсона, что выражается в его размышлениях:

“Stammerers can’t win arguments ’cause once you stammer, H-h-hey p-p-presto, you’ve l-l-lost, S-s-stutterboy!” [8] – «Кто запинаяется, тому никогда не выиграть спор, потому что стоит только раз запнуться, и в-в-сё, з-з-з-з-заика, т-т-т-ты п-п-п-про-играл!» [5]. В данном случае переводчик передал запинание героя повторением начальных согласных звуков с использованием дефиса, как это и представлено в оригинале, сохранив как план выражения, так и план содержания.

“What girl’d go out with a stammerer? Or even dance with one? The last song at the Black Swan Green village hall disco’d be over before I could spit out D-d-d-you want to d-d-d-d-d-d-dance” [8] – «Какая девчонка станет гулять с парнем, который запинаяется? Или хотя бы танцевать с ним? Пока я выдавлю из себя «nnnnnnпозвольте вас nnnnnпригласить», кончится последняя песня на дискотеке» [5]. При переводе данного фрагмента переводчик сохранил повторение начальных согласных звуков, однако отказался от использования дефиса.

Лексикон главного героя богат и разнообразен. Джейсон начитан и образован не по годам. Он часто читает словари, чтобы при разговоре быстро подобрать синоним к «запинательному» слову и тем самым скрыть свой дефект речи. В его речи встречаются такие слова, как *melancholy* и *parlour*. Такие слова не характерны для речи обычного подростка. Согласно электронному словарю Oxford Advanced Learner's Dictionary, они относятся скорее к книжной лексике [9]. В переводе Т.П. Боровиковой этим словам подобраны адекватные стилистические соответствия («меланхолический», «гостиная» [5]).

Речь главного героя также изобилует разговорной лексикой, а именно сленгом и вульгаризмами, что характерно для речи подростка. Рассмотрим несколько примеров сленга, который употребляет Джейсон Тейлор.

“Keep your fat **trap** shut” [8] – «Не разевай **насть**» [5]. Слово *trap*, буквальный перевод которого – «ловушка», в данном контексте имеет значение «рот» [10]. При переводе данного слова в сочетании с прилагательным *fat* Т.П. Боровикова применяет прием компенсации, используя слово *насть*.

“Mum ‘ll go **apeshit** when she sees” [8] – «Вот мама-то **разозлится**» [5]. *Go apeshit* – более грубая форма разговорного выражения “go ape”, которое означает «очень сильно разозлиться» [10]. Однако при переводе данного сленгизма переводчик использует нейтральный аналог. Экспрессивность высказывания компенсируется добавлением частицы *-то*, которая в разговорной речи используется для смыслового выделения слова, а также модальной частицы *вот*, употребляемой в русском языке для усиления эмоциональной окрашенности.

Ace – еще один пример британского сленга, часто встречающегося в речи Джейсона Тейлора. Функциональными аналогами при переводе данного слова на русский язык часто являются прилагательные «классный», «крутой», «клевый» [10].

“If Moran ‘d been there too it ‘d ‘ve been an **ace** laugh” [8] – «Жаль, Дурана тут нет, мы бы **клево** посмеялись вместе» [5].

“Danny’s **ace**” [8] – «Дэнни **классный**» [5].

Джейсон Тейлор нечасто употребляет оскорбительные слова. Зачастую он использует их, мысленно обращаясь к самому себе, что подчеркивает его низкую самооценку. Переводчик передает эту грубую лексику при помощи функционального аналога, создавая схожий образ у русскоязычного читателя.

“Kick the **wazzock**’s shins” [8] – «Пни этого **козла** в щиколотку хорошенько» [5]. Слово *wazzock* является сленговым выражением, обозначающим глупого, несообразительного или надоедливого человека, которое было популярно в окрестностях Лондона в 1990-х годах [10].

По сравнению с другими подростками романа Джейсон Тейлор использует бранную лексику с наименьшей частотой. В прямой речи он использует слово “f***” всего 2 раза в конце произведения, что подчеркивает перемену в поведении героя и его готовность постоять за себя.

“What the **f***** is it to you?” [8] – «А твое какое **собачье** дело?» [5]. Поскольку русская нецензурная лексика зачастую семантически более грубая, чем ее английские аналоги, перед переводчиком стоит сложная задача: максимально полно передать значение слова или фразы из оригинального текста, но в то же время не сделать перевод чрезмерно вульгарным. Так, при переводе Т.П. Боровикова заменяет выражение с использованием слова *f**** на фразеологизм сниженного стиля, но все же в рамках литературной нормы русского языка.

В речи героя также встречается слово *sh***, которое в переводе на русский язык заменяется на менее окрашенный аналог, не относящийся к категории нецензурной лексики: “*Sh***, *sh***, *sh***” [8] – «*Черт*, *черт*, *черт*» [5].

Еще один элемент речевого портрета Джейсона Тейлора – сокращение как способ словообразования. Упрощение языковых конструкций в сторону разговорного типа речи часто присуще речи подростков. Апокопа (усечение конца слова) является наиболее распространенным типом сокращения слов [5]. Усеченные слова могут использоваться как самостоятельно, так и в составе сложных слов. Так, в речи главного героя мы можем встретить такие примеры апокоп, как *brill* (сокращение от “brilliant”), *beauts* (сокращение от “beauties”), *fab* (сокращение от “fabulous”), *mo* (сокращение от “moment”).

“Life must be pretty **brill** for Julia” [8] – «У Джулии, должно быть, **не жизнь, а малина**» [5]. В данном случае Т.П. Боровикова заменяет апокопу *brill* стилистически маркированным фразеологизмом, сохраняя при этом неформальный характер высказывания.

“Wait here a **mo**, will you?” [8] – «Подожди меня тут **минутку**, а?» [5]. Переводчик компенсирует отсутствие в русском языке апокопы с похожим значением употреблением слова «минута» в уменьшительно-ласкательной форме, что делает речь героя более легкой и разговорной.

В речи Джейсона Тейлора также часто встречаются разговорные сокращения таких слов, как “because” и “suppose”.

“... ‘**cause** kids aren’t s’posed to use adult words” [8] – «...**потому что** детям не **положено** использовать взрослые слова» [5]. В русском языке слова «потому что» (“because”) и «полагать» (“suppose”) не имеют разговорных сокращений, поэтому переводчик вынужден использовать полные слова, что ведет к незначительным потерям в языке перевода, не приводящим к потере смысла.

Нередко в речи главного героя встречаются сокращения вспомогательных и модальных глаголов. При переводе невозможно напрямую передать подобное явление, что обусловлено различием в строе языков (английский язык является языком аналитическим, а русский – синтетическим). Чтобы компенсировать данное различие, переводчик насыщает повествование разговорным стилем русского языка с его характерными чертами, отсутствующими в тексте оригинала (например, изменением порядка слов, использованием разговорных форм слов и т.д.).

“But too many **things’d’ve** gone wrong if I’d tried to say this to Moran” [8] – «Но если я попытаюсь сказать это Дурану, то вызову бесчисленное количество бед» [5].

Стоит отметить, что в своей речи Джейсон весьма часто употребляет фразовые сложные слова, являющиеся окказионализмами. Окказионализмы – «индивидуально-авторские слова, созданные писателем в соответствии с законами словообразования языка, по тем моделям, которые в нем существуют, и использующиеся в художественном тексте как лексическое средство художественной выразительности или языковой игры» [2]. Сложносоставные окказионализмы подчеркивают чуткость и наблюдательность главного героя. Они ярко отражают полноту его переживаний и стремление передать читателю широкий спектр мыслей и эмоций. Зачастую для передачи таких сложных окказиональных единиц Т.П. Боровикова использует описательный перевод, что позволяет ей наиболее полно раскрыть признаки описываемого образа или явления:

“Moran performed his **tongue-up-his-nostril trick**” [8] – «Дуран показал свой **коронный трюк – достал языком до носа**» [5].

“Their **brown-polish-on-black-suede** skins wrapped not just dogs’ bodies, but something else too, something that needs to kill” [8] – «Внутри **замшевых шкур, будто смазанных черным гуталином по бурому**, прятались не только собачьи тела, но еще и нечто, которое хочет убивать» [5].

В некоторых случаях при переводе сложносоставная окказиональная единица заменяется одним словом: “The bridle path wandered into this **once-upon-a-time** orchard” [8] – «Верховая тропа забрела в **бывший фруктовый сад**» [5].

Следует отметить, что Т.П. Боровикова отказывается от использования окказионализмов в тексте перевода, что ведет к определенным потерям. При переводе данные потери не компенсированы.

Еще один способ словообразования, который использует главный герой, – образование слов на основе звукоподражания. Благодаря этому читатель может взглянуть на окружающий мир глазами главного героя, ощущая, насколько яркими, живыми и выразительными предстают для него различные образы, явления и процессы. Звукоподражательные глаголы в произведении не только обозначают действие, но и одновременно сами же характеризуют его со стороны звучания. Так как для русского языка подобное явление нетипично, переводчик применяет трансформации и переводит действие и его звуковую характеристику посредством разных языковых единиц, прибегает к описательному переводу или применяет аналогичный

звукоподражательный элемент на основе оригинального.

“*Sprinklers swsssswwsss-swwwsssed*” [8] – «Оросители *ссссвисссстели*» [5]. Особое внимание заслуживает выбор переводчиком соответствия «оросители». Именно в этом слове присутствуют звуки «с» и «т», как и в слове *ссссвисссстели*, что помогает переводчику передать прием аллитерации. Более того, звук, который получается при сочетании звуков «с» и «и», может ассоциироваться со звуком распыляющейся воды.

Одной из ключевых особенностей речевого портрета Джейсона является частое использование фразеологизмов и тропов, которые придают его речи живость и экспрессивность.

Рассмотрим пример фразеологизма в речи героя:

“*Sometimes teachers lose their rag (specially if they’ve spent half a lesson explaining something) but anything’s better than getting la-belled ‘School Stutterboy’...*” [8] – «Иногда учителя в ответ *слетают с катушек* (особенно если они только что пол-урока объясняли как раз эту тему), но я на все готов, лишь бы не получить звание «школьного заики»...» [5]. Используя такое эмоционально-окрашенное выражение, Джейсон говорит о том, чего боятся многие ученики – разозлить учителя. Однако даже это не пугает его так, как риск запнуться при ответе на глазах у всего класса. Так герой подчеркивает один из своих главных страхов – стать изгоем и посмешищем. Фразеологизм *lose their rag* Т.П. Боровикова переводит русским фразеологизмом со сходным значением.

Метафоры и сравнения – важные элементы речевого портрета Джейсона Тейлора. Они помогают раскрывать его внутренний мир и показать его уникальное восприятие реальности и способ мышления. Они придают речи персонажа образность и поэтичность. Рассмотрим несколько примеров метафор в речи героя:

“*Wilcox, Ant Little, and Wayne Nashend went but my popularity was left dying in its final spasm*” [8] – «Уилкокс, Энт Литтл и Уэйн Нэшенд удалились, но *моя популярность корчилась, издыхая, в пыли*» [5]. С помощью данной метафоры главный герой подчеркивает свое унижительное положение – он стал изгоем и причиной насмешек других учеников. Т.П. Боровикова ушла от дословного перевода и применила экспрессивно-прагматическую конкретизацию.

“*Questions’re bullets*” [8] – «Вопросы – это *пули*» [5]. Описывая ссору родителей, главный герой использует военную метафору, тем самым подчеркивая, что семейный обед словно превратился в битву. Т.П. Боровикова сохраняет данную метафору, используя дословный перевод.

Метафоричность присуща Джейсону Тейлору и при описании природы:

“*The fire spat fat sparks up at pines lining the quarry, up at the moon*” [8] – «Костер *плевался жирными искрами* в сосны, которые выстроились вдоль края карьера, и в луну» [5]. В переводе этого текстового фрагмента метафора сохранена при помощи калькирования.

Рассмотрим некоторые примеры сравнений:

“*Dad’s “DID YOU HEAR ME?” was like a brick through a window*” [8] – «– *ВЫ МЕНЯ СЛЫШАЛИ?* – Папины слова были, как *кирпич, брошенный в окно*» [5]. Подросток использует данное сравнение, чтобы подчеркнуть громкость и резкость слов отца. При переводе Т.П. Боровикова прибегает к частичной трансформации из-за различия в строе языков, что не ведет к искажению смысла.

“*The noisiest spaces’re now the silentest. Like a neutron bomb’s vaporized human life but left all the buildings standing*” [8] – «Обычно самые шумные уголки теперь безмолвны. *Словно нейтронная бомба взорвалась, уничтожив всё живое, но сохранив здания*» [5]. Данным сравнением мальчик показывает, что во время уроков школьные коридоры бывают пугающими, что характеризует его как впечатлительную личность. Переводчик сохранил этот художественный прием, при этом используя смысловое развитие.

Джейсон Тейлор также использует аллюзивные сравнения, что подчеркивает его образованность и разносторонность.

“*Diary safe in my satchel, I crossed the flooded clinic car park, leaping from dry bit to dry bit like James Bond froggering across the crocodiles’ backs*” [8] – «Надёжно спрятав дневник в сумку,

я пересёк залитую водой стоянку машин при поликлинике, прыгая с одного сухого места на другое, как Джеймс Бонд, несущийся по спинам крокодилов» [5]. Главный герой имеет в виду эпизод на крокодильей ферме из восьмого фильма Бондианы «Живи и дай умереть» 1973 года. При переводе Т.П. Боровикова использует дифференциацию и заменяет глагол *frogger*, который отсылает к образу прыгающей лягушки, на глагол *нестись*, который звучит более привычно для русскоговорящего читателя.

Отдельно в речи героя следует выделить библейские аллюзии, которые демонстрируют его начитанность. Для их передачи переводчик использовал привычные для русскоговорящих эквиваленты:

“*Julia rolled her eyes like Jesus on his cross*” [8] – «Джулия закатила глаза, как Иисус на кресте» [5].

“*The older kids sat on the bench facing him, like Jesus’s disciples, and passed round fags*” [8] – «А ребята постарше уселись на скамейке лицом к Тому Юэну, как апостолы с Иисусом, и стали передавать по кругу бычки» [5].

Подросток склонен иногда преувеличивать ситуацию, о чем свидетельствуют гиперболы:

“*Dad’d murder me*” [8] – «Папа меня убьет» [5].

“*If Mr. Broadwas saw me, he’d phone my dad and I’d be dismembered by midnight*” [8] – «Если он меня увидит, то позвонит папе, и к полуночи меня уже четвертуют» [5].

С помощью данных гипербол главный герой подчеркивает строгий характер своего отца. В первом примере гипербола передана на русский язык дословно. Во втором примере мы видим преобразование пассивной конструкции в активную и конкретизацию понятия *dismember*, с целью создания еще более устрашающего образа.

Речь Джейсона Тейлора достаточно экспрессивна. В ней можно встретить примеры полисиндетона (многосоюзия) и параллелизма, которые помогают это подчеркнуть. В следующем примере переводчик сохраняет прием параллелизма при передаче текста на русский язык, но при этом уходит от дословного перевода:

“*Too hot, I took my pajama top off. Too cool, I put my pajama top on*” [8] – «Мне стало жарко, и я снял пижамную рубашу. Мне стало холодно, и я надел пижамную рубашу» [5].

Рассмотрим пример полисиндетона:

“*I felt hungry and nervy and sick and jealous and sluggish and shamed and many things. Not proud and not pleased and not like I ever wanted to do that*” [8] – «Меня одолевали голод, нервы, тошнота, зависть, сонливость, стыд и ещё тысяча разных чувств. Я точно не был горд, мне не было приятно, и вообще я решил, что этим заниматься меня как-то не тянет» [5]. В оригинале встречается полисиндетон, который полностью снимается в переводе. Вместо этого переводчик оставляет только один союз между двумя последними однородными членами предложения, а остальные опускает, делая связь бессоюзной.

Риторические вопросы тоже являются важной частью речевого портрета главного героя произведения. Они отражают его склонность к размышлению над серьезными философскими вопросами. При переводе Т.П. Боровикова сохраняет этот прием, а в случае, показанном в первом примере, даже усиливает экспрессивность, разделяя одно вопросительное предложение на два.

“*Can a person change into another person?*” [8] – «Может ли человек измениться? Превратиться в другого?» [5].

“*But who says the world has to make sense?*” [8] – «Но кто сказал, что мир должен быть осмысленным?» [5].

Исходя из всех разобранных аспектов, мы получаем проработанный, яркий и запоминающийся образ Джейсона Тейлора. Одной из главных черт индивидуальности этого персонажа, несомненно, является его речь. Тейлор – это застенчивый подросток, которого волнуют проблемы в семье и который боится потерять свое положение в жестокой «иерархии класса». Однако во внутренних монологах и в беседах с близкими друзьями Джейсон раскрывается как тонкий мыслитель, брат, который скучает без старшей сестры, и поэт, который замечает красоту в деталях.

Обилие разговорной лексики, сокращений, сленга помогают воспринимать главного героя

как подростка. Использование бранной лексики в конце произведения подчеркивает произошедшую перемену в поведении главного героя и отражает его готовность отстаивать свои интересы и ценности. Однако, Джейсон Тейлор – необычный подросток. Это образованная и творческая личность. В оригинале для демонстрации начитанности и большого словарного запаса героя автор использует в его речи книжную лексику. Активное использование персонажем метафор и сравнений демонстрирует его уникальное восприятие реальности и особенности мышления, а также раскрывают его как поэтичную и чувствительную личность. Подросток может облечь в словесную форму даже самые тонкие переживания. Среди сравнений были выделены аллюзивные сравнения и библейские аллюзии, подчеркивающие образованность и разносторонность главного героя. Гиперболы, фразеологизмы и параллелизм помогают лучше понять эмоции героя, подчеркивают его страхи – страх быть аутсайдером, страх быть самим собой и боязнь родительского гнева. В речи Джейсона также встречаются риторические вопросы и повторы. Они характеризуют героя как человека, склонного к размышлениям.

Главная трудность для переводчика – сохранить все эти речевые особенности, чтобы не лишить персонажа его уникальности и при этом не потерять смысл текста. В своем переводе Т.П. Боровикова использовала комплексные переводческие трансформации, стараясь понятно передать чувства героя русскоязычному читателю. Однако были выявлены и потери, обусловленные особенностями языка перевода. Наиболее частые потери, которые привели к некоторому снижению степени экспрессивности, были отмечены при переводе разного рода сокращений и бранной лексики, что объясняется структурными и стилистическими особенностями русского языка и не оказывают существенного влияния на восприятие образа персонажа в переводе.

Список литературы

1. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стер. Москва: УРСС, 2004 (Калуга: ГУП Облиздат). 569, [2] с.
2. *Белокурова С.П.* Словарь литературоведческих терминов. Санкт-Петербург: Паритет, 2006. 314, [2] с.
3. *Гордеева М.Н.* Речевой портрет и способы его описания // Лингвостилистические и лингводидактические проблемы коммуникации. 2008. №6. С. 89–101.
4. *Дубенец Э.М.* Лингвистические изменения в современном английском языке: Спецкурс. Москва: Глосса-Пресс, 2003 (Калуж. тип. стандартов). 255 с.
5. *Митчелл Д.* Под знаком черного лебедя / Пер. с англ. Т. Боровиковой. Москва: Иностранка, Азбука-Атикус, 2020. 512 с.
6. *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов [Текст]: Пособие для учителей. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Просвещение, 1976. 543 с.
7. *Шильникова И.С.* Когнитивное моделирование лингвокультурного типажа The Man of Property на материале цикла Джона Голсуорси: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / И.С. Шильникова. Иркутск, 2010. 245 с.
8. *Mitchell D.* Black Swan Green. London: Sceptre, 2006. 371 p.
9. Oxford Advanced Learner's Dictionary [Электронный ресурс] / Oxford University Press, 2025. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/> (дата обращения: 20.01.2025).
10. *Partridge E.A* dictionary of slang and unconventional English: colloquialism a. catch phrases, fossilised jokes a. puns, general nicknames, vulgarisms a. such americanisms as have been naturalised / Ed. by Paul Beale. [8th ed., repr.]. London: Routledge, 2000. XXXIII, 1400 p.

УДК 821.111Barnes

**ЦВЕТОВАЯ СИМВОЛИКА И КАПИТАЛИЗАЦИЯ В РОМАНЕ ДЖУЛИАНА БАРНСА
“THE NOISE OF TIME” И ИХ ПЕРЕДАЧА В ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК**

Москаленко О.А.

кандидат филологических наук, доцент

Белуsoва Е.Д.

студент

**COLOUR SYMBOLISM AND CAPITALIZATION IN “THE NOISE OF TIME”
BY JULIAN BARNES AND THEIR CONVEYANCE IN TRANSLATION**

Olga A. Moskalenko

Ekaterina D. Belousova

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется использование цветовой символики и капитализации в романе Джулиана Барнса “The Noise of Time” (2016) для выражения трагической судьбы Дмитрия Шостаковича в условиях тоталитарного режима. Анализируется ахроматическая цветовая гамма, передающая атмосферу подавленности и моральной неопределенности. Особое внимание уделяется функции капитализации ключевых понятий, таких как “Power”, “Party”, “People” и “He”, для подчеркивания их идеологической значимости. Проводится сравнительно-сопоставительный анализ оригинального текста романа и его перевода на русский язык с целью выявления нюансов и особенностей передачи средств художественной выразительности. Делается вывод о значимости указанных стилистических приемов для раскрытия внутреннего мира героя и критики господствующей системы.

Ключевые слова: цветовая символика, капитализация, ахроматичность, художественный перевод, советский период, тоталитаризм, британская литература.

ABSTRACT. The article examines the use of color symbolism and capitalization in Julian Barnes’s novel “The Noise of Time” (2016) to express the tragic fate of Dmitri Shostakovich under a totalitarian regime. It analyzes the achromatic color scheme conveying an atmosphere of oppression and moral ambiguity. Special attention is paid to the function of capitalization of key concepts, such as “Power”, “Party”, “People” and “He” to emphasize their ideological significance. A comparative analysis of the original text and the Russian translation is conducted to identify nuances and features in the transmission of expressive means. It concludes on the importance of stylistic devices to reveal the inner world of the protagonist and the critique of the prevailing system.

Keywords: color symbolism, capitalization, achromaticity, literary translation, Soviet era, totalitarianism, British literature

В романе Джулиана Барнса “The Noise of Time” (2016) трагическая судьба Дмитрия Шостаковича, художника в тисках режима, раскрывается посредством тонко разработанной системы художественных средств. Особую роль играют цветовая символика, представленная ахроматической цветовой гаммой серых, черных и белых оттенков, и намеренное использование капитализации для выделения идеологически значимых понятий. Данные приемы создают многомерную картину не только внутреннего мира героя, но и атмосферы эпохи. Роман «Шум времени» за относительно недолгое время существования успел в значительной степени привлечь интерес не только зарубежных, но и отечественных исследователей: Е.Г. Фоменко [11]; М. Турсуновой [14]; Г. Ванессы [15]; Н.А. Пилипея [7]; Д.А. Радченко [8]; Я.С. Гребенчука [4]; А.А. Нелюбина [6]; Д.Ю. Соловьевой [9]; Е.В. Колодинской [5]; М.А. Бахтиной [2]; О.Ю. Анцыферовой [1]; М. Табака [10]; О.В. Горбуновой [3]; В. Хеннесси [12]; С. Герберта [13] – однако, вопросы передачи ключевых стилистических особенностей в русском переводе остаются недостаточно изученными. Анализ переводческих решений в отношении цветовой символики и

капитализации позволит выявить стратегии, использованные переводчиком для сохранения или адаптации авторского замысла, а также оценить влияние предпринятых решений на восприятие романа русскоязычной аудиторией. Исследование становится особенно актуальным в контексте современного интереса к темам взаимоотношений личности и власти, свободы творчества и исторической памяти.

Цель статьи – исследовать способы репрезентации цветовой символики и использования капитализации идеологически значимых понятий как средств выражения трагической судьбы творца в романе Джулиана Барнса “The Noise of Time” (2016) и проанализировать особенности их передачи в русском переводе, выполненном Е.С. Петровой в 2016 году.

В романе Джулиана Барнса “The Noise of Time” ахроматическая палитра – серый, черный и белый – выходит за рамки простого цветового оформления. Она становится мощным символическим инструментом, отражающим внутренний мир Дмитрия Шостаковича, его экзистенциальные размышления, а также гнетущую, по мнению Барнса, атмосферу советской эпохи. Эти цвета не просто описывают мир, но и вызывают у читателя стойкие синестетические ассоциации. Например, серый – это не только цвет бетона и пыли, но и вкус компромисса, запах страха, звук замирающего дыхания. Черный – это не только отсутствие света, но и ощущение ледящего холода, привкус горечи, звук захлопывающейся двери. Белый – это не только цвет снега, но и хрупкость надежды, запах стерильности, звук пустоты. Данные оттенки пронизывают весь текст, формируя у читателя ощущение подавленности, страха и моральной неопределенности. Автор использует их не как декоративный элемент, а как ключ к пониманию внутреннего мира героя. Ахроматичность становится метафорой ограниченности и несвободы, в которой существует Шостакович. Цвета словно проникают в сознание читателя, вызывая физические и эмоциональные ощущения. Серый цвет становится не просто визуальным образом, но и ощущением тяжести и безысходности. Черный цвет символизирует не только смерть, но и парализующий страх, отнимающий волю. Белый цвет, кажущийся символом надежды, в итоге раскрывается как иллюзия, как стерильность, подавляющая индивидуальность. Примечательно, что писатель не использует эти цвета навязчиво, прямолинейно, редко упоминая их в тексте в явном виде. Вместо этого автор мастерски создает контекст, атмосферу, вызывая у читателя подсознательные ассоциации с цветами. Он заставляет читателя активно участвовать в создании этих образов, «окрашивая» текст своими собственными чувствами и переживаниями. Цветовая палитра романа возникает не из прямого описания, а из тонких намеков и символических деталей.

Итак, серый цвет в произведении олицетворяет неопределенность, компромисс и моральную амбивалентность. Композитор, находясь под постоянным давлением власти, вынужден лавировать между творческой свободой и требованиями режима. Жизнь в «серой зоне» постоянного компромисса находит отражение и в его внешнем мире. Так, Дмитрий Дмитриевич, стоя ночью у лифта в ожидании ареста, погружается в серую зону страха и неизвестности. «Обесцвеченность» здесь, реализованная за счет акцента на ночном времени, – это не просто отсутствие определенности, это состояние подвешенности между жизнью и смертью, свободой и заключением:

“It was just possible that he looked like a man humiliatingly thrown out by his wife, night after night; or a man who indecisively kept walking out on his wife, night after night, and then returning. But it was probable that he looked exactly what he was: a man, like hundreds of others across the city, waiting, night after night, for arrest” [18, с. 22]. – «Соседи, вполне возможно, считали, что его ночь за ночь издевательски выгоняет жена или что он сам ночь за ночью робко уходит от жены, чтобы вскоре вернуться. Но весьма вероятно, что со стороны выглядел он самим собой: одним из сотен горожан, что ночь за ночью ожидали ареста» [17, с. 35].

В приведенном примере ночное время, неопределенность, ужас – все это создает атмосферу состояния между жизнью и смертью. Отсутствие света и цвета здесь символизирует не просто отсутствие ясности, а само состояние ожидания, когда будущее остается туманным и непредсказуемым. Сравнение оригинального текста и перевода выявляет некоторые интересные нюансы. Например, фраза “*humiliatingly thrown out*”, звучащая в переводе как “издевательски выгоняет” меняет акцент с унижения как такового (“*humiliatingly*”) на жестокость действия

(«издевательски»). Хотя оба слова несут негативную коннотацию, оригинал фокусируется на чувстве униженности, а перевод – на акте насилия. На наш взгляд, вариант «унизительно выставляют за дверь ночь за ночью» мог бы сохранить этот важный оттенок. Далее, “*indecisively kept walking out*” переведено как “*робко уходит*”, что подразумевает некоторую неуверенность, и передает страх, а не нерешительность. Как мы считаем, «нерешительно» точнее передало бы смысл колебаний и сомнений, заложенных в оригинале. Однако, стоит отметить, что переводчик, возможно, сознательно выбрал слово «робко», чтобы усилить образ жертвы, страдающей под давлением гнетущего режима. Наконец, лексический повтор фразы “*night after night*” является ключевым стилистическим приёмом, который иллюстрирует сразу несколько важных аспектов жизни в условиях тоталитарного режима. Во-первых, он подчёркивает монотонность и цикличность страданий, демонстрируя, что страх, унижение и неизвестность являются не случайными эпизодами, а постоянными спутниками жизни главного героя и других людей, живущих в условиях репрессий. Это вовсе не единичный инцидент, а повторяющийся, изматывающий опыт, лишенный надежды на изменение. А во-вторых, данный повтор усиливает чувство тревоги и ожидания неизбежного, например, ареста, которое тянется «ночь за ночью», что создает атмосферу напряжения и безысходности. В целом, перевод отражает основной смысл, но некоторые детали, демонстрирующие нюансы оригинального текста, несколько сглаживаются. Размышляя шире, стоит заметить, что отсутствие цвета как символа – это ведущий инструмент для создания ауры произведения и передачи внутреннего состояния героя. Он позволяет показать не только внешние обстоятельства, но и моральные дилеммы, тревогу и ощущение потери ориентиров.

Чёрный цвет в романе – это больше, чем просто цвет; это зловещий мрак, который прослеживается на протяжении всего повествования, символизируя смерть, отчаяние и деспотизм власти. Он часто ассоциируется с НКВД, с мрачной громадой Большого Дома, и с теми тёмными, всепоглощающими силами, которые неустанно преследуют Шостаковича, загоняя его в угол выбора между творчеством и выживанием. Черный цвет – это цвет униформы палачей, цвет закрытых «воронков», увозящих людей в никуда, цвет черных списков и черных мыслей, отравляющих душу. Он становится физическим воплощением страха, который парализует волю и вынуждает к компромиссам с совестью.

В качестве иллюстрации приведем следующий эпизод: “*As a child, he had feared the dead – feared that they would rise from their graves and seize hold of him, dragging him back into the cold, black earth, his mouth and eyes filling with soil. This fear had slowly disappeared, because the hands of the living had turned out to be more frightening*” [18, с. 17]. – «*В детстве он боялся мертвецов: вдруг они поднимутся из могил и утянут его в холодный, черный мрак, где глаза и рот забьются землей. Этот страх мало-помалу отступил, потому что руки живых оказались еще страшнее*» [17, с. 26].

Данный отрывок, полный жуткой иронии, демонстрирует переосмысление художником самого понятия страха. Детский, почти мистический ужас перед смертью, олицетворяемый чернотой могилы и холодной землей, оказывается ничем по сравнению с ужасом перед живыми – людьми, наделенными безграничной властью и способными на непредсказуемое и беспричинное зло. Чёрный цвет, таким образом, трансформируется из символа естественного завершения жизни в символ человеческой жестокости, бесправия, политических репрессий. Это не просто цвет траура, а тотального контроля и уничтожения человеческого духа.

С точки зрения перевода необходимо отметить успешное сохранение ключевых образов и метафор. Фраза “*as a child, he had feared the dead*” чётко и лаконично передана как «*в детстве он боялся мертвецов*». Использование глагола «боялся» в обоих вариантах иллюстрирует одинаковую интенсивность жуткого чувства. Описание детских страхов, связанных с ожившими мертвецами, в обоих текстах строится на сходных визуальных и сенсорных образах. Переводчица грамотно использует лексические соответствия, такие как “*graves*” – «могилы», “*cold*” – «холодный», “*earth*” – «земля», но вносит некоторые стилистические корректировки для большей экспрессивности. Например, “*black earth*”, что буквально означает «чёрная земля» трансформируется в «*черный мрак*», усиливая ощущение безысходности и ужаса, добавляя

метафизическую глубину. Более того, детский страх, описанный образным языком, противопоставляется более рациональному пониманию опасности, исходящей от живых. Выражение «мало-помалу отступил» точно соответствует “*slowly disappeared*”, сохраняя постепенность угасания собственного страха. Ключевое слово “*frightening*” передано как «страшнее», тем самым указывая на то, что руки живых не просто неприятны или опасны, а именно вызывают более сильный ужас, чем мертвецы.

В произведении белый цвет, хотя и не является доминирующим, играет ключевую роль, олицетворяя чистоту, надежду, но также и стерильность власти. Эта амбивалентность отражает сложность положения главного героя, композитора Дмитрия Шостаковича, вынужденного идти на компромиссы с властью в Советском Союзе. Белый цвет, словно хамелеон, меняет свои оттенки в зависимости от контекста и жизненного этапа Шостаковича. Изначально, в его юности, он предстаёт символом чистоты и высоких идеалов, невинности и светлых надежд на будущее. Барнс ловко передает это ощущение через параллель с Фритьофом Нансеном, полярным исследователем и героем детства композитора: “*When he was little, his hero had been Nansen of the North. When he was grown up, the mere feel of snow beneath a pair of skis made him frightened, and his greatest act of exploration was to set off at Nita’s request for the next village in search of cucumbers. Now that he was an old man, he was chauffeured around Moscow, usually by Irina, but sometimes by an official driver. He had become a Nansen of the Suburbs*” [18, с. 90]. – «В детстве его кумиром был Фритьоф Нансен, полярный исследователь. В молодости один только скрип снега под лыжами приводил его в ужас, а величайшим исследовательским подвигом стала экспедиция за огурцами в соседнюю деревню по просьбе Ниты. Теперь, в старости, по Москве его возят на машине: обычно Ирина, но иногда и личный водитель. А сам он теперь Нансен, покоритель области» [17, с. 153]. Белый снег, неразрывно связанный с образом Нансена, символизирует непокоренные вершины, новые горизонты и жажду неизведанного – все те качества, которые Шостакович, вероятно, мечтал воплотить в своей жизни и творчестве. Это чистый лист, на котором он надеялся написать свою великую симфонию. Однако первоначальная чистота постепенно меркнет, замутняется серостью и грязью советской действительности. Прочитанный отрывок демонстрирует трагическую трансформацию: отважный исследователь превращается в «Нансена, покорителя области», чьи «величайшие исследования» ограничиваются поиском огурцов в соседней деревне. Белый цвет, ассоциирующийся с романтикой приключений, мутирует в цвет больничной палаты, где Шостакович, подавленный и запуганный, вынужден приспосабливаться к новым условиям, отказываясь от юношеских идеалов.

Углубимся в переводческие решения, которые, на наш взгляд, требуют детального рассмотрения. Например, конкретизация “*exploration*” как «исследовательский подвиг» усиливает контраст, поскольку даже использование слова «подвиг» в контексте поездки за огурцами звучит несколько гротескно. Также, стоит обратить внимание на оригинальное “*Nansen of the Suburbs*”, что переведено как «Нансен, покоритель области». Здесь переводчик сделал удачный выбор в пользу адаптации, заменив “*suburbs*”, что буквально интерпретируется как «пригород» на «область». «Область» в данном контексте лучше передаёт ощущение провинциальности, ограниченности и отсутствия масштабных свершений. Лексическое добавление «покоритель» усиливает иронический эффект, поскольку в контексте «области» звучит преувеличенно и комично.

Принято считать, что белый цвет часто ассоциируется с надеждой и новым началом, представляя собой чистый лист, на котором можно написать новую историю. В рамках «оттепели», метафорически обозначающей освобождение от тирании, белый цвет снега и льда, тающего под лучами солнца, символизирует робкую надежду на перемены, на наступление более светлого времени: “*There was the promise of a thaw, cautious hope, incautious elation. And yes, things did get easier, and some filthy secrets emerged; but there was no sudden idealistic attachment to the truth, merely an awareness that it could now be used to political advantage. And Power itself did not diminish; it just mutated*” [18, с. 90]. – «Замаячила перспектива оттепели, осторожная надежда, неосторожная эйфория. Да, дышать стало легче, некоторые грязные тайны выплыли на поверхность, но внезапной идеалистической приверженности правде не случилось – пришло

лишь понимание, что правду теперь стало возможно использовать в политических интересах. И сама Власть не сжалась: она просто мутировала» [17, с. 168]. Однако, как показывает процитированный фрагмент, надежда может оказаться обманчивой. Стало быть, белый цвет становится символом лишь временного облегчения и иллюзии перемен. Он маскирует тот факт, что власть никуда не исчезла, а лишь изменила свою форму, продолжая оказывать влияние на жизнь и творчество художника.

На наш взгляд, перевод в целом адекватен и отражает основное содержание, смысл оригинала, однако, можно отметить некоторые моменты и рассмотреть альтернативные варианты перевода определенных лексических единиц и синтаксических конструкций для достижения большей точности и стилистической выразительности. Так, отказ от дословного перевода в пользу адаптированного демонстрирует, что фраза *“things did get easier”* в переводе как *«дышать стало легче»* ярко передаёт общее ощущение облегчения. *“Filthy secrets emerged”* переведено как *«некоторые грязные тайны выплыли на поверхность»*, что является вполне образным переводом, однако, отметим, в оригинале чётко прослеживается взаимосвязь снега во время оттепели – из-под снега появляются не только цветы, но и мерзость. Последнее предложение в проиллюстрированном эпизоде переведено как *«И сама Власть не сжалась: она просто мутировала»*. Здесь решающим моментом является глагол *“diminish”*, который, хотя это и передаёт общий смысл, но означает скорее *«уменьшаться»*, *«ослабевать»* или *«сокращаться»*. Более точным переводом, как мы считаем, было бы, например, *«и сама Власть не ослабла»*. В целом, переводческие решения оправданы, однако некоторые лексические единицы можно было бы перевести иначе, чтобы отразить нюансы и оттенки исходного текста.

И, наконец, рассмотрим белый цвет как символ власти и контроля, которая, с одной стороны, стремится к стерильности и чистоте идеологии, а с другой – подавляет индивидуальность и творчество: *“There had been that strange time when Power, having decided that Dmitri Dmitrievich Shostakovich was a salvageable case, had tried a new tactic with him. Instead of waiting for the end result – a finished composition which would then have to be examined by politico-musicological experts before being approved or condemned – the Party, in its wisdom, decided instead to begin at the beginning: with the state of his ideological soul”* [18, с. 92]. – *«Был один странный период, когда Власть, решив, что Дмитрий Дмитриевич Шостакович не безнадёжен, опробовала на нем новую тактику. Не дожидаясь конечного итога – завершённого сочинения, которое будут оценивать музыкально-политические специалисты, чтобы одобрить или разгромить, Партия в мудрости своей решила начать с азов: с идеологического состояния его души»* [17, с. 157]. Данный отрывок иллюстрирует стремление власти к тотальному контролю над творчеством композитора. Идеологический надзор, подобно стерильной операционной, призван оградить художника от «загрязнения» чуждыми идеями. Однако эта стерильность оборачивается подавлением индивидуальности и творческой свободы. Идея «спасения» души Дмитрия Дмитриевича предстает как белая краска, которой замазывают его истинную сущность.

Теперь акцентируем внимание на нескольких переводческих решениях. К примеру, *“salvageable case”* в качестве *«не безнадёжен»* немного смягчает тон оригинала, так как подразумевает, что творец рассматривался как своего рода «объект спасения», как пациент, требующий лечения или реабилитации. «Не безнадёжен» передает общую идею, но теряет оттенок инструментального подхода власти к художнику. А вот перевод *“condemned”* как *«разгромить»* является оправданным переводческим выбором, поскольку он отражает не просто неодобрение, а разрушительные последствия советской критики искусства. «Разгромить» точнее демонстрирует политический аспект, подразумевая кампанию по уничтожению репутации и запрету произведения, что было характерно для советской эпохи. Использование более экспрессивной лексической единицы «разгромить» также усиливает эмоциональную окраску, отражая драматизм ситуации и ироничный подтекст повествования. В общих чертах переводчик справился со своей задачей и умело передал суть оригинального текста, за исключением пары деталей.

В результате ахроматическая символика романа *«The Noise of Time»* является мощным стилистическим приёмом, раскрывающим трагедию художника в тоталитарном государстве. Так,

серый цвет становится метафорой компромисса и моральной неопределенности, в которой вынужден существовать Шостакович, лавируя между творческой свободой и требованиями режима. Черный цвет олицетворяет страх, смерть и деспотизм власти, преследующие композитора. Белый цвет, в свою очередь, амбивалентен: он символизирует чистоту и надежду, но также и стерильность, и подавление со стороны власти.

В рассматриваемом произведении поднимаются сложные вопросы взаимоотношений художника и власти в тоталитарном государстве. Особую значимость приобретает использование определенных слов, которые, будучи написанными с заглавной буквы, несут в себе символическое значение, подчёркивая их вес и влияние в мире, созданном писателем. Капитализация определённых слов позволяет глубже понять отношение Дмитрия Шостаковича к окружающей действительности, его внутренние конфликты и способы выживания в условиях постоянного давления.

Слово **“Power”** vs. **«Власть»** в романе Барнса не просто обозначает политическую силу, но выступает как некая всепроникающая и всепоглощающая сущность, которая определяет судьбы людей. Шостакович осознает свою полную зависимость от **“Power”**, его неспособность противостоять ей. Он понимает, что даже его талант и гений не могут защитить от произвола:

“Why, he wondered, had Power now turned its attention to music, and to him? Power had always been more interested in the word than the note: writers, not composers, had been proclaimed the engineers of human souls” [18, с. 36]. – *«Его мучил вопрос: почему советская власть вдруг вплотную занялась его музыкой и его персоной? Советская власть всегда больше интересовалась не нотами, а словами: не зря же именно писатели, а не композиторы звались инженерами человеческих душ?»* [17, с. 59]. В данном отрывке Дмитрий Дмитриевич задается вопросом о причинах внезапного интереса **«Power»** к музыке и его собственной персоне. Здесь **“Power”** предстает как некая высшая сила, наделенная волей и способностью вмешиваться в жизнь художника. Капитализация отзеркаливает её всемогущество и неизбежность. Композитор осознает, что в тоталитарном государстве даже искусство не может избежать контроля **“Power”**. Как мы можем заметить, в переводе отсутствует персонификация **«советская власть»**. Возможно, переводчик стремился постепенно подвести читателя к пониманию того, что речь идет не просто о политической силе, а о некой почти мистической сущности. Использование строчной буквы в первом упоминании **«советская власть»** может быть способом представить её как просто один из видов власти, чтобы потом контраст с капитализированным **«Власть»** был более ощутимым.

В качестве другого примера можно продемонстрировать следующий эпизод: *“Let Power have the words, because words cannot stain music. Music escapes from words: that is its purpose, and its majesty”* [18, с. 49]. – *«Пусть Власть упирается этими словами: слова не в силах запятнать музыку. Музыка выше слов – в этом ее цель и величие»* [17, с. 81]. Как мы можем заметить, Шостакович приходит к циничному, но спасительному для него решению: пожертвовать словами, признать свою вину, лишь бы сохранить музыку. **“Power”** здесь – это сила, которая требует жертв, и творец готов принести в жертву свою репутацию и убеждения, чтобы сохранить то, что для него важнее всего – его творчество. Он свято верит в то, что истинное искусство неподвластно **“Power”**.

И, наконец, отрывок, который ярко иллюстрирует разные формы взаимодействия **“Power”** с композитором: *“And then, in the spring of 1937, he had his First Conversation with Power. Of course, he had talked to Power before, or Power had talked to him: officials, bureaucrats, politicians, coming with suggestions, proposals, ultimata. Power had talked to him through newspapers, publicly, and had whispered in his ear, privately. Recently, Power had humiliated him, taken away his livelihood, ordered him to repent. Power had told him how it wanted him to work, how it wanted him to live. Now it was hinting that perhaps, on consideration, it might not want him to live any more. Power had decided to have a face-to-face with him”* [18, с. 38]. – *«А позднее, весной тридцать седьмого, состоялся его Первый Разговор с Властью. Нет, с Властью он, конечно, беседовал и прежде; точнее, Власть беседовала с ним: официальные лица, чиновники, идеологи давали советы, выдвигали предложения, ставили ультиматумы. Власть беседовала с ним и публично, через печатные*

органы, и приватно, нашептывая на ухо. За последнее время Власть его разгромила, отняла средства к существованию, приказала каяться. О бяснила, как он должен работать и как жить. А теперь, по зрелом размышлении, давала понять, что и жить-то ему совсем не обязательно. Власть решила поговорить с ним лицом к лицу» [17, с. 63]. Данный фрагмент наглядно показывает, как Шостакович описывает свой опыт взаимодействия с «Power», которое принимает разные формы: от официальных лиц и политиков до газетных статей и личных угроз. “Power” предстает как некая многоликая сущность, которая контролирует все аспекты жизни художника, от его творчества до личной безопасности. Капитализация указывает на всепроникающий характер “Power” и способность влиять на судьбу каждого человека. Отметим, что использование автором анафоры придаёт эпизоду экспрессивность, заостряет внимание читателя на вездесущей “Power”.

Написание заглавной буквы в слове “Party” vs. «Партия» сигнализирует о его возвышении в идеологической иерархии. “Party” становится не просто политической организацией, а всеобъемлющей силой, определяющей жизнь каждого гражданина. Она претендует на роль единственного источника истины и справедливости. Продемонстрируем наглядно: “He promised to follow Party directives in future and write melodic music for the People” [18, с. 63]. – «Обещал в будущем писать мелодичную музыку для Народа, следуя указаниям Партии» [17, с. 106]. В данном цитировании капитализация “Party” подчёркивает её роль как верховного авторитета в сфере искусства. Герой, пытаясь выжить, обещает следовать указаниям партии, отказываясь от своей творческой свободы. “Party directives” – это не просто рекомендации, а приказы, которые нельзя игнорировать. Нельзя не обратить внимание на слово с большой буквы “People” vs. «Народ», которое отражает сакрализацию “People” в советской идеологии, превращая его из обычного множества людей в абстрактную, идеализированную сущность – высшую ценность, во имя которой творит художник.

Использование заглавной буквы в местоимении “His” vs. «Ним» создает эффект обожествления личности вождя, превращая его в недостижимый символ власти. “His” становится не просто человеком, а воплощением непогрешимости, всемогущества и абсолютной власти, что особенно заметно в ситуациях, когда Шостакович вынужден прибегать к унижительной лести: “Guessing that Troshin would not be familiar with the text of the Dargomyzhsky romance, he replied gravely, ‘I am a worm in comparison with His Excellency. I am a worm’” [18, с. 97]. – «Догадываясь, что Трошин не знаком с романсом Даргомыжского, он сурово ответил: – Ведь я червяк в сравненьи с ним! В сравненьи с ним, с лицом таким. Червяк» [17, с. 164]. Важно отметить, что переводчица не использует капитализацию применительно к Сталину, теряя эффект, намеренно созданный Барнсом в оригинале. Автор, как мы видим, гиперболизирует образ вождя, используя данный приём для создания сатирической остроты. Переводчица же, в свою очередь, отказываясь от капитализации, лишает текст этой дополнительной иронической нагрузки, выбирая более прямой и буквальный перевод, что, безусловно, влияет на восприятие текста русским читателем. Но следует упомянуть, что переводчица в некотором роде была ограничена оригинальным текстом романса Даргомыжского.

В моменты цинизма и воспоминаний, когда творец пытается осмыслить произошедшее и сохранить остатки достоинства, капитализация становится инструментом сатиры и дистанцирования, позволяя ему иронически относиться к абсурдности власти и ее требований. Именно в этой двойственности и кроется трагедия художника в тоталитарном государстве: он вынужден играть по чужим правилам, но его внутренний мир сопротивляется навязываемым догмам, находя выход в иронии и скрытой сатире. В цитате с “His Excellency”, использованной в диалоге с Трошиным, особенно ярко проявляется такая ирония и цинизм Шостаковича. Он осознает, что говорит абсурдные вещи, чтобы угодить власти и избежать худшей участи. Капитализация здесь не выражает искреннего почтения, а напротив, подчёркивает фарсовый характер происходящего. За каждым словом лести скрывается отчаяние и презрение к системе, которая вынуждает художника к подобным компромиссам. Он жертвует своей гордостью, своей честностью ради выживания, и написание местоимения с заглавной буквы в данном случае становится маркером этой жертвы, молчаливым свидетельством разрушения личности под

давлением власти.

В конечном счете, автор использует капитализацию не просто как стилистический прием, но как мощный инструмент для передачи сложной психологии человека и для раскрытия сущности власти, которая не только подавляет, но и калечит души. Капитализация определенных слов, таких как “Power”, “Party”, “People” и “His”, указывает на их символическое значение и влияние в мире, созданном Барнсом. “Power” предстает как всепроникающая и всепоглощающая сущность, определяющая судьбы людей. “Party” становится не просто политической организацией, а всеобъемлющей силой, претендующей на роль единственного источника истины. “People” демонстрирует единство народа, непреклонно подчиняющегося Вождю. Местоимение “His”, написанное с заглавной буквы, создает эффект обожествления личности Сталина, превращая его в недостижимый символ власти. Данные стилистические особенности позволяют глубже понять отношение Дмитрия Дмитриевича к окружающей действительности, его внутренние конфликты и способы выживания в условиях постоянного давления. Он вынужден идти на компромиссы, отказываться от своих убеждений и прибегать к унижительной лести, чтобы сохранить жизнь и творчество.

Таким образом, анализ цветовой символики и капитализации идеологически значимых понятий подтвердил, что Джулиан Барнс использует данные приёмы для создания гнетущей атмосферы подавленности, страха и моральной неопределенности, а также для акцентирования всепроникающего влияния власти на жизнь художника. Ахроматическая цветовая гамма романа (серый, черный и белый) становится визуальной метафорой ограниченности и несвободы, в которых вынужден существовать Шостакович. Капитализация слов “Power”, “Party”, “People” и “His” указывает на их символическую значимость и определяющую роль в мире романа. Перевод в целом сохраняет эти стилистические особенности, но отдельные нюансы, демонстрирующие иронию и абсурдность режима, в некоторых случаях сглаживаются, что, однако, не снижает общего воздействия текста на русскоязычного читателя. В контексте символической репрезентации советской эпохи использование цвета и капитализации как инструментов воздействия на реципиента раскрывает глубину авторского замысла.

Список литературы

1. *Анцыферова О.Ю.* О нарративе тоталитаризма в творчестве Джулиана Барнса // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Том 10. Выпуск 1. С. 69–77. DOI 10.17072/2037-6681-1-2018-1-69-78
2. *Бахтина М.А.* Интерпретация исторического в творчестве Дж. Барнса: дис. ...канд. филол. наук., 2013. 187 с.
3. *Горбунова О.В.* Механизмы памяти в «Нечего бояться» Джулиана Барнса // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2011. С. 106-111. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-pamyati-v-nechego-boyatsya-dzhuliana-barnsa/viewer> (дата обращения: 04.04.2025).
4. *Гребенчук Я.С.* Проблема филологического романа в английской литературе: дис. ...канд. филол. наук., 2008. 141 с.
5. *Колодинская Е.В.* Историческое прошлое как предмет высказывания: современная англоязычная проза и постмодернистская историография: Г. Свифт, Дж. Барнс: дис. ...канд. филол. наук., 2004. 139 с.
6. *Нелюбин А.А.* Джулиан Барнс под маской Дэна Каваны: дис. ...канд. филол. наук., 2013. 166 с.
7. *Пилипей Н.А.* Творчество Джулиана Барнса в литературоведческо-критическом осмыслении: проблемы и перспективы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2016. Том 2 (68). №2. С. 123-128. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tvorchestvo-dzhuliana-barnsa-v-literaturovedchesko-kriticheskom-osmyslenii-problemy-i-perspektivy/viewer> (дата обращения: 04.04.2025).
8. *Радченко Д.А.* Проза Джулиана Барнса: жанровая природа, проблема героя и нравственная философия автора: дис. ...канд. филол. наук., 2008. 210 с.

9. Соловьева Д.Ю. «Шёпот истории» vs «шум времени»: понимание исторического в творчестве Джулиана Барнса // *Litera*. 2024. №10. С. 118–127. DOI 10.25136/2409-8698.2024.10.69140 EDN: EMRBER

10. Табак М. «Франция – моя вторая родина» // Феномен Джулиана Барнса. Круглый стол // *Иностранная литература*. 2002. №7. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2002/7/fenom.html> (дата обращения: 04.04.2025).

11. Фоменко Е.Г. Проблемы лингвотипологического описания идиостиля писателя // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2006. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-lingvotipologicheskogo-opisaniya-idiostilya-pisatelya/viewer> (дата обращения: 04.04.2025).

12. Hennessy V. Sorry but dying's a dead cert // *Mail Online*. 2008. URL: <http://www.mailonsunday.co.uk/home/books/article528508/Sorrydyingsdeadcet.html> (дата обращения: 04.04.2025).

13. Herbert S. Julian Barnes: not dead yet, just dying // *Sunday Times*. 2008. URL: <https://www.julianbarnes.com/resources/interviews.html> (дата обращения: 04.04.2025).

14. Tursunova M. Julian Barnes as a Postmodern Humanist // *Bulletin of Science and Practice*. 2020. Т. 6. №8. С. 301–303. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dzhulian-barns-gumanist-postmodernizma/viewer> (дата обращения: 04.04.2025).

15. Vanessa G. *The fiction of Julian Barnes*. Palgrave Macmillan. 2006.

16. *Cambridge Dictionary* [Электронный ресурс] / Cambridge University Press, 2020. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 04.04.2025).

Источники иллюстративного материала

17. Барнс Дж. Шум времени: роман / Пер. с англ. Е. Петровой. Москва : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2022. 288 с. (Большой роман). ISBN 978-5-389-11684-9.

18. Barnes J. *The Noise of Time* // Penguin Classics. Britain, 2016. 139 p. ISBN 9781473524828.

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ ВОЕННЫХ НЕОЛОГИЗМОВ

Патрашук С.О.
ассистент

ON THE ISSUE OF MILITARY NEOLOGISMS TRANSLATION

Sergei O. Patrashku

АННОТАЦИЯ. Перевод военных неологизмов представляется сложным ввиду того, что англоязычные военные реалии не обладают эквивалентами либо вообще не существуют в русскоязычной военной терминосистеме. В подобных случаях перевод военных неологизмов осуществляется путём описания значения слова, дословного перевода, транслитерации или транскрипции. Переводчик, работающий с военными неологизмами, должен учитывать определённое контекстуальное значение словарной единицы и уметь передать социальную специфику и смысл неологизма. Некоторые новообразования в военной сфере могут быть непонятны не только переводчикам, но и носителям английского языка, не имеющим ничего общего с военной сферой.

Ключевые слова: термин, терминосистема, неологизм, военный, перевод, дискурс.

ABSTRACT. Military neologisms translation is difficult due to the fact that military fundamentals of English-speaking countries do not possess any kind of equivalents or do not exist at all in the military terminology of Russian language. In such circumstances, the translation of military neologisms is carried out through descriptive methods, literal translation, transliteration or transcription. A translator working with military neologisms should consider certain contextual meaning of the vocabulary unit and be able to convey social particularities and meaning of the neologism. Some new word formations in the military area may be inconceivable not only to translators but also to native English speakers who have nothing to do with the military domain.

Keywords: term, terminology system, neologism, military, translation, discourse.

Военный дискурс – понятие многоаспектное, основная роль которого заключается в отражении картины мира военнослужащих. С преобразованием методов ведения боевых действий военный язык полностью вошёл в сферу языков профессионального общения. Военная коммуникация же развивается с ростом отдельных военных специализаций и при влиянии новых внедряемых технологий. Искусство войны и признание её жёстких требований создают необходимость в лингвистическом обеспечении военной профессиональной среды, которое бы улучшило и чётко структурировало общение между военнослужащими. Сложность и многоаспектность военного дискурса напрямую связаны с понятием дискурса. Дискурс – вербально артикулированная форма объективации содержания человеческого сознания, регулируемая доминирующим в той или иной социокультурной традиции типом рациональности [1, с. 91]. В современном мире вооружённые силы являются критически важным социальным институтом в большинстве стран мира. Язык военного дискурса обязан выполнять предписанную ему функцию – функцию военного анализа. С внедрением компьютерных технологий язык стал средством управления информацией, соединяя высокие технологии с человеческими способностями, облегчающими выявление информации и удостоверение её точности. Военнослужащих следует рассматривать как специальную группу, язык которой используется на государственной службе и в правительстве. Язык военного дискурса – это выражение институционального самосознания, контролирующего смертоносное и разрушительное вооружение.

Принято считать, что военный дискурс охватывает научно-техническую сферу, а частым лингвистическим проявлением военного дискурса являются документы и технические материалы. Под военным документом мы понимаем текст или графическое обозначение,

которое выполняет функцию управления и рассылки информации по глобальным тактическим вопросам как в военное, так и в мирное время. Военные документы и технические материалы обладают рядом общих черт. В первую очередь – это военная терминология. Основой военного дискурса является военная терминосистема, следовательно, все лингвистические процессы в военном словаре так или иначе отражаются в военной терминосистеме.

Военная терминология, как и другие терминологии институциональных дискурсов, представляет собой особый независимый пласт системы английского языка. Язык военной коммуникации не располагает особыми видами словообразования, а деривация военных терминов происходит точно таким же способом, как и образование общеупотребительных единиц. Процессы словообразования едины для всего языка, поэтому отсутствие в военном дискурсе особых форм деривации не является аномалией.

Война и боевые действия оказывают огромное влияние на развитие языка. Возникают новые образцы техники, новые тактики, стратегии, утверждённые тайно в мирное время, которые в случае начала активной фазы боевых действий становятся известны всем, попадая в газеты или выпуски новостей. Военным теоретикам и практикам необходимы все новые методы и средства, чтобы описать и объяснить происходящее, поэтому они обращаются к военной терминологии, к непосредственно военным неологизмам.

Военный дискурс постоянно эволюционирует, развивается, а все изменения в его системе отражаются в словарях. За последнее десятилетие было составлено множество словарей для того, чтобы сформировать пласт терминов и понятий, связанных с конкретными вооружёнными конфликтами и театрами боевых действий.

По-настоящему неологизм осмыслить получится путём помещения в контекст и анализа его структуры. Например, словосочетание “fireworks display” вне контекста переводится просто как «фейерверк», однако во время войны в Персидском заливе оно приобрело совершенно другое, метафорическое значение, а именно – «первые сообщения о бомбардировке Багдада». Структура глагола “weaponize” и контекст помогают переводчику понять значение этой единицы как «внедрять ядерные боеголовки в ракеты».

“India and Pakistan have begun weaponizing the nuclear devices they first tested in 1998, Clinton administration officials now believe Pakistan has already placed a nuclear warhead on some of its missiles, and India is responding in kind, they say” [7]. – «Представители администрации президента Клинтона полагают, что Индия и Пакистан начали внедрять ядерные боеголовки в ракеты, впервые опробованные в 1998 году. Они утверждают, что Пакистан уже оснастил некоторые ракеты ядерными боеголовками, и что Индия поступила соответствующим образом» (пер. наш, П.С.).

Рассмотрим ещё несколько военных неологизмов, чья структура значительно облегчает перевод. Единица “warfighter”, означающая лицо, принимающее участие в открытых боевых действиях, употребляется в следующем контексте:

“Truly preposterous is the suggestion that the single-warhead Midgetman missile, now under development is somehow a ‘good’ weapon. A nuclear warfighter’s dream because of its surgical military qualities, it will be a welcome addition to tomorrow’s dangerous first-strike force” [4]. – «Действительно абсурдным является утверждение о том, что ракета сверхмалой дальности с одной боеголовкой на борту, которая разрабатывается сейчас, может быть «полезным» оружием. Обладая способностью наносить точечные удары, она становится мечтой военных и дополняет грозный арсенал оружия первого удара в будущем ядерном конфликте» (пер. наш, П.С.).

Словарная единица “warfighter” часто употребляется в СМИ, однако в современных словарях была зарегистрирована недавно. Зародившаяся в период американской военной кампании в Афганистане единица “embed” также стала популярной в СМИ. Она переводится как «военный корреспондент; прикомандированный к воинскому подразделению журналист, освещающий боевые действия».

“As prospective embeds – journalists planted among America’s fighting forces – we were given a crash course in all things military...” [12]. – «В качестве военных корреспондентов,

которые будут прикомандированы к боевым подразделениям Вооружённых сил США для освещения в прессе их действий, мы прошли интенсивный курс выживания в условиях войны» (пер. наш, П.С.).

Экспрессивные «крылатые» военные неологизмы также вызывают определённые трудности в переводе. Общелитературные фразеологизмы известны многим, однако новые стилистически окрашенные выражения могут быть неизвестны даже опытному переводчику.

К примеру, словосочетание “chicken hawk” означает человека, который поддерживает войну, хотя в прошлом он приложил все усилия, чтобы избежать воинской службы.

“Well, it looks like the ‘chicken-hawks’ are at it again. These people who were too chicken to go to war (or even serve in the military) become middle-aged hawks looking for an opportunity to send others to kill and be killed” [5]. – «Видимо, «птенчики» снова взялись за старое. Эти люди, у которых смелости не хватило не то, чтобы на войну отправиться, а просто отслужить в армии, теперь стали взрослыми «ястребами» и ищут любой предлог, чтобы отправить других на войну, где те будут убивать и сами погибнут» (пер. наш, П.С.).

Понять негативную коннотацию неологизма помогают следующие факты. В США словом “chicken-hawk” называют героя комиксов, ястреба-птенца по имени Генри, который, храбрясь, обращается к петуху со словами: “You’re a chicken and I’m a chicken hawk; are you coming quietly, or do I have to mess you up?” – «Ты – курица, а я – ястреб; ты будешь вести себя тихо, или мне нужно задать тебе трёпку?» (пер. наш, П.С.).

Неологизм “panda-hugger” означает аналитика, который верит, что Китай не несёт никакой военной угрозы, в том числе и США.

“The very name of Bill Gertz’s new book [“The China Threat”] is an affront to the pandahuggers in our nation’s capital. They deny the existence of a threat from China, suggesting that this view is a mindless holdover from the reflexive paranoia of the Cold War” [11]. – «Само название новой книги Билла Герца [«Китайская угроза»] является вызовом по отношению к сторонникам Китая в Вашингтоне. Они отрицают существование всякой угрозы со стороны КНР, считая данную точку зрения бессмысленным пережитком паранойи Холодной Войны» (пер. наш, П.С.).

Единица “panda-hugger” передаёт негативную коннотацию и образуется по аналогии со словом “tree-hugger”, которое обозначает человека, который беспокоится о проблемах сохранения окружающей среды, а именно проблемой сохранения лесов. В 1973 году жители одного из штатов Индии протестовали против вырубки гималайских лесов. В знак протеста они обнимали деревья, чтобы помешать их вырубке. В результате этого события единица “tree-hugger” в 1977 году вошла в языковую систему. “Panda-hugger” в буквальном переводе «тот, кто обнимает панду, уважительно к ней относится» (необходимо уточнить, что панда – один из национальных символов Китая), впервые был использован в прессе в 2000 году. Фоновые знания также необходимы для верного понимания и адекватного перевода следующих неологизмов. “Gulliver effect” («эффект Гулливера») обозначает явление, когда крупная цель прекращает сопротивление ввиду натиска огромного количества малых сил с нескольких направлений.

Словоформа “effect” принимает участие в образовании ещё одного военного неологизма – “CNN effect” («эффект CNN»). “The CNN effect refers to consumers who stayed home to watch coverage of war in Iraq instead of going out and spending” [6]. – «Эффект CNN указывает на людей, которые остались дома, чтобы посмотреть по телевидению военные события, происходящие в Ираке вместо того, чтобы ходить по магазинам и заниматься покупками» (пер. наш, П.С.).

Аббревиатура CNN (Cable News Network) – крупнейший американский новостной телеканал, который активно освещал американскую военную кампанию в Ираке. В начале войны внимание многих людей было приковано к этому телеканалу.

Таким образом, помимо того, что начинающий военный переводчик должен грамотно владеть военными словарными единицами, правильно интегрировать их в контекст и понимать значение данных единиц вне военного контекста, ему также необходимо обратить

большое внимание на перевод аббревиатур. Военные аббревиатуры достаточно трудны для перевода ввиду отсутствия их эквивалентов в терминосистеме языка перевода. Особенно это касается аббревиатур-омонимов. В таких случаях переводчику необходимо прибегать к таким трансформациям, как описательный перевод и смысловое развитие.

Список литературы

1. Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // IV Международная научная конференция «Язык, культура, общество». Пленарные доклады. М.: Научный журнал «Вопросы филологии», 2007. С. 86–95.
2. Суздиловский Л.А. Эмоционально окрашенные элементы военной лексики [Электронный ресурс]. URL: <http://zw-observer.narod.ru/slovar/emotion.html> (дата обращения: 25.03.2025).
3. Уланов А.В. Русский военный дискурс конца XIX – начала XX века: структура, специфика, эволюция: дисс. доктора филол. наук. Омск, 2014. 494 с.
4. A 'Plan' to End the Arms Race? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/1986/04/15/opinion/a-plan-to-end-the-arms-race.html> (дата обращения: 25.03.2025).
5. Chicken Hawk – Word Spy [Электронный ресурс]. URL: <https://wordspy.com/index.php?word=chicken-hawk> (дата обращения: 25.03.2025).
6. Don't sweat the CNN effect [Электронный ресурс]. URL: https://money.cnn.com/2003/03/19/news/economy/war_cnn_effect (дата обращения: 25.03.2025).
7. India-Pakistan Nuclear Tests and U.S. Response [Электронный ресурс]. URL: <https://www.everycrsreport.com/reports/98-570.html> (дата обращения: 25.03.2025).
8. Military Glossary [Электронный ресурс]. URL: https://www.mass.gov/files/documents/2019/02/21/3_5_2013_Military%20glossary.pdf (дата обращения: 25.03.2025).
9. Murray T. The Language of Naval Fighter Pilots / T. Murray – Durham, North Carolina: American Speech, 1986. 129 p.
10. Silkett W. Words of War // Military Affairs. 1985, No 1. P. 13–16.
11. The new Cold War [Электронный ресурс]. URL: <https://gertzfile.com/gertzfile/Mosherreview.html> (дата обращения: 25.03.2025).
12. The Way We Live Now: 3-02-03: Process; My Week at Embed Boot Camp [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2003/03/02/magazine/the-way-we-livenow-3-02-03-process-my-week-at-embed-boot-camp.html> (дата обращения: 25.03.2025).

**АБСУРД КАК СТИЛЕВАЯ ДОМИНАНТА РАССКАЗОВ Р. ДАЛЯ:
СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

Скидан О. Г.

Кандидат филологических наук, доцент

Федотова В. Е.

студент

**ABSURDITY AS THE STYLISTIC DOMINANT OF R. DAHL'S SHORT STORIES:
SEMANTIC AND TRANSLATIONAL PERSPECTIVES**

Olga G. Skidan

Viktoriya E. Fedotova

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию абсурда как стилевой доминанты рассказов Роальда Даля. Предпринята попытка описать лингвокогнитивный механизм, лежащий в основе формирования абсурда, а также проанализировать приемы передачи средств его текстового воплощения в переводе. В качестве материала исследования использовались рассказы из сборника “Tales of the Unexpected” и их переводы на русский язык. Абсурд в рассказах Р. Даля создается за счет лингвостилистических средств, содержащих семантическую антонимию, которая в русскоязычном переводе приобретает более выразительную вербализацию. Реализация на уровне прагматики происходит за счет эффекта обманутого ожидания, реализуемого в сюжетно-композиционной структуре текста.

Ключевые слова: Роальд Даль, абсурд, семантические процессы, гротеск, эффект обманутого ожидания, перевод, прагматический эффект.

ABSTRACT. This article explores absurdity as a key stylistic feature in Roald Dahl's short stories. It examines the linguistic and cognitive mechanisms that generate absurdity and analyzes how these are rendered in translation. The study focuses on stories from “Tales of the Unexpected” and their Russian translations. Linguo-stylistic devices which are employed in construing absurdity in R. Dahl's short stories are based on semantic antonymy. The Russian translations often amplify the embodiment of absurdity. The pragmatic effect relies on the defeated expectancy principle, which is woven into the plot and structure of the narratives.

Key words: Roald Dahl, absurdity, semantic processes, grotesque, defeated expectancy, translation, pragmatic effect.

Абсурд как художественный прием занимает центральное место в творчестве британского писателя Роальда Даля, создавая уникальный синтез черного юмора, иронии и философского подтекста. Его рассказы, сочетающие алогичные сюжеты, шокирующие финалы и социальную сатиру, стали эталоном абсурдистской прозы.

С позиций лингвистики абсурд определяют как нарушение логических, семантических и прагматических норм, приводящее к эффекту неожиданности, комическому или философскому осмыслению действительности [3, с. 59]. Важнейшими категориями анализа абсурдистского текста являются язык, речь, коммуникация [1, с. 632]. Среди механизмов создания явлений языкового абсурда выделяют десемантизацию (нарушение и искажение семантических ресурсов языка), депрагматизацию (ненормативное использование прагматических ресурсов языка) и деструктуризацию, в результате которой происходит разрушении когезии или когерентности текста [6, с. 255].

Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом к лингвистическим механизмам абсурда в контексте межкультурной коммуникации, а также недостаточной изученностью переводческих стратегий, направленных на сохранение его прагматического эффекта.

Цель данной статьи – описать лингвокогнитивный механизм порождения абсурда, являющегося стилиевой доминантой рассказов Р. Даля, а также проанализировать приемы передачи этого приема в переводе на русский язык с позиции воссоздания его прагматики.

Материалом исследования послужили короткие рассказы Роальда Даля, вошедшие в сборник “*Tales of the Unexpected*” и их переводы на русский язык.

Для достижения поставленной цели использовался комплекс методов, включающий в себя лингвостилистический, сопоставительный переводческий и прагматический анализ.

Исследование абсурда как философско-эстетического феномена уходит корнями в античность, но особую актуальность приобретает в XX веке, отражая кризис рационального восприятия мира. Согласно А. Камю, абсурд возникает из конфликта между человеческим стремлением к смыслу и хаотичностью бытия [4, с. 53]. В литературе это проявляется через нарушение причинно-следственных связей, алогизм ситуаций и диалогов, а также деконструкцию языковых норм. Но если у А. Камю абсурд отражает экзистенциальный кризис человека в бессмысленном мире, то у Р. Даля он становится источником черного юмора, обнажающего абсурдность социальных норм и человеческих пороков. Это комический вид абсурда, выполняющий двойственную функцию: развлечь читателя, вызывая смех через нелепость ситуаций, и одновременно заставить задуматься о глубинных противоречиях действительности [2, с. 134–135].

Ключевым инструментом создания абсурда в текстах Роальда Даля является эффект обманутого ожидания (“*defeated expectancy*”), введенный в научный дискурс Р. Якобсоном. Этот прием основан на нарушении нарративной предсказуемости: автор формирует у читателя устойчивые ассоциации, а затем резко разрушает их, заменяя ожидаемую логику алогизмом. Подобный «подрыв» не только усиливает комический эффект, но и отражает философскую идею абсурдности человеческого существования, где рациональность сталкивается с хаосом. У Р. Даля эффект обманутого ожидания реализуется через контраст тональности.

Например, в рассказе “*Lamb to the Slaughter*” идиллическое описание дома создает иллюзию семейной гармонии. Однако идиллия внезапно прерывается: жена убивает мужа бараньей ногой, символ домашнего уюта превращается в орудие убийства. Средством создания эффекта абсурда в рассказе “*Man from the South*” является подрыв жанровых клише: история начинается как курьезный анекдот о пари между стариком и моряком. Однако в финале выясняется, что старик коллекционирует отрезанные пальцы; происходит трансформация анекдота в психологический триллер. Р. Даль играет с жанровыми ожиданиями, смешивая комедию и ужас.

Как отмечает М. Эсслин, абсурдный текст «заставляет читателя пережить крах собственной логики» [5, с. 22]. У Р. Даля этот крах становится метафорой хрупкости социальных условностей. Например, в рассказе “*Parson’s Pleasure*” антиквар, выдающий себя за священника, оказывается мошенником, т.е. абсурд обнажает такое социальное явление как лицемерие.

На сюжетно-композиционном уровне автор мастерски играет с ожиданиями читателя, создавая нарративы, в которых логика подменяется алогизмом, а привычные жанровые рамки рушатся. В рассказе “*The Landlady*” безобидная, на первый взгляд, хозяйка пансиона оказывается маньячкой, балзамирующей своих жертв, а идиллическое описание дома оборачивается леденящей развязкой. Подобный прием Р. Даль использует и в рассказе “*The Way Up to Heaven*”, где героиня, годами терпевшая тиранию мужа, хладнокровно оставляет его умирать в застрявшем лифте, маскируя преступление под трагическую случайность. Эти неожиданные финалы не просто шокируют – они обнажают абсурдность социальных ролей и условностей, заставляя пересмотреть представления о «нормальности».

Гротескные образы персонажей усиливают ощущение абсурдности. В рассказе “*The Twits*” супруги-уроды, мистер и миссис Твит, соревнуются в жестокости: он подкладывает стеклянный глаз в напиток жены, а она кормит его спагетти с червями. Их уродство – не только физическое, но и моральное – становится метафорой человеческой порочности.

Нарушение причинно-следственных связей – еще один инструмент создания абсурда в

текстах Р. Даля. В рассказе “Pig” мальчик, воспитанный как вегетарианец вдали от цивилизации, внезапно решает съесть свинью, что символизирует крах идеализированного мировоззрения. В “Royal Jelly” отец, пытаясь спасти больную дочь, кормит ее маточным молочком, но вместо исцеления девочка превращается в гигантскую пчелу. Эти алогичные повороты подчеркивают тщетность рационального контроля над жизнью.

Абсурд создается и за счет семантических сдвигов или контраста значений, которые нарушают логические связи между словами, формируя комический или шокирующий эффект. Важную роль здесь играют эпитеты, контрастирующие с контекстом: например, в рассказе “Lamb to the Slaughter” описание уютного дома контрастирует со сценой убийства. Не менее значимы метафоры и сравнения, которые связывают несопоставимые понятия. Так, в рассказе “Man from the South” образ старика, заключающего жестокое пари, создается за счет сравнения “like a person organizing games at a children’s party”, что создает ироничный диссонанс. Переводчик адаптирует этот образ, используя локальный эквивалент «массовик-затейник», что может сужать универсальность, но сохраняет комический эффект. Симили “like the spokes of a turning wheel” передает механистичность движений персонажа, но в переводе опускается, что ослабляет сюрреалистичность сцены.

Перевод рассказов ставит перед переводчиком довольно сложную задачу, поскольку рассказы сочетают в себе психологическое напряжение, черный юмор и неожиданные развязки, которые часто опираются на языковые нюансы и культурные коды. Многие рассказы построены на двойных смыслах и скрытой иронии, которые подготавливают читателя к шокирующей развязке.

“The room was warm and clean, the curtains drawn, the two table lamps alight—hers and the one by the empty chair opposite. On the sideboard behind her, two tall glasses, soda water, whisky. Fresh ice cubes in the Thermos’ bucket. ... Now and again she would glance up at the clock, but without anxiety, merely to please herself with the thought that each minute gone by made it nearer the time when he would come. There was a slow smiling air about her, and about everything she did. The drop of the head as she bent over her sewing was curiously tranquil. Her skin – for this was her sixth month with child – had acquired a wonderful translucent quality, the mouth was soft, and the eyes, with their new placid look, seemed larger, darker than before” [10, с. 22]. – «**Теплая, чистая комната, шторы задернуты, лампа у стола зажжена, одна рядом с ней, другая – у пустого стула напротив. Позади нее, на буфете два высоких бокала, содовая, виски. В ведерке-термосе – кубики свежего льда... Она то и дело поглядывала на часы, но без всякой тревоги, просто ради удовольствия, которое доставляла ей мысль, что каждая проходящая минута приближала момент его возвращения. Ее облик, все, что она делала, пронизывала улыбка и медлительность. В повороте склоненной над шитьем головы чувствовался необычайный покой. Ее кожа – она была на шестом месяце беременности – приобрела великолепный, матовый блеск, рот был нежен, а глаза, с их новым, безмятежным выражением, казались больше и темнее, чем прежде**» [7].

В приведенном фрагменте абсурд возникает за счет контраста между внешней гармонией, спокойствием и бытовой рутинной – и неожиданным насилием, последовавшим за этой сценой. Эффект поддерживается за счет сочетания лингвистических средств, таких как эпитеты, описания деталей быта и тональности повествования. Постоянные эпитеты создают ощущение спокойствия и гармонии, что контрастирует с сюжетом повествования, последующим убийством. Перенесенный эпитет “slow smiling air” передан с помощью оригинальной фигуры неравенства – зевгмы – «пронизывала улыбка и медлительность». Данная конструкция с неоднородными связями подчиненных элементов с общим подчиняющим словом наводит читателя на мысль об абсурдности происходящего. При этом, отдельные языковые решения частично снижают эффект авторской иронии. Так, эпитет “curiously tranquil” в оригинале подчеркивает неестественность спокойствия, что усиливает абсурд. В переводе «необычайный покой» звучит скорее как комплимент, что снижает эффект диссонанса. Аналогично, “placid look” (с оттенком пассивности, близкой к отрешенности) заменяется на «безмятежное», что смягчает контраст между внешней безмятежностью и

последующей жестокостью героини. Интересным компромиссом становится интерпретация физиологической детали “*translucent quality*”. Используя оксюморонное сочетание «*матовый блеск*», переводчик создает парадоксальную комбинацию, усиливающую ощущение неестественности и скрытого напряжения, что в конечном итоге служит сохранению абсурда.

В следующем фрагменте переводчик решает задачу передачи внутреннего монолога, где повтор установки «вести себя естественно» конфликтует с абсурдностью ситуации. “*Do everything right and natural. Keep things absolutely natural*» [10, с. 27]. – «*Делай все естественно и правильно. Пусть все идет совершенно естественно*» [7].

На лексическом уровне сохранено семантическое ядро. Синтаксис максимально приближен к оригиналу: два коротких предложения с усилением во втором («*идет*» добавлено для естественности русской речи), воссоздает эффект навязчивой мысли. Ключевым достижением стала передача контраста между монологом и ситуацией. Повторы «*естественно*» и ироничное «*совершенно*» подчеркивают искусственность поведения героини. Ритмико-интонационный рисунок с рублеными фразами сохраняет гипнотическую монотонность, усиливая эффект самовнушения. Переводчик удержал все элементы абсурда: навязчивое повторение, контраст между речью и действиями, ритм, отражающий состояние персонажа, иронию через языковые средства. В результате сохраняется прагматика оригинального текста – диссонанс между декларируемой естественностью и явной театральностью поведения.

В рассказе “The Landlady” Р. Даль мастерски создает атмосферу тревожного абсурда, который постепенно раскрывается через внешне безобидные детали. Этот эффект строится на контрасте между кажущейся доброжелательностью и скрытой жутью, а также на намеренном смещении логики, из-за которого читатель сначала воспринимает ситуацию как странную, но объяснимую, а затем осознает ее истинную природу. Переводчик сталкивается с задачей не только точно передать сюжет, но и сохранить эту игру смыслов, чтобы абсурдность не потеряла своей силы.

“*She seemed terribly nice. She looked exactly like the mother of one’s best school-friend welcoming one into the house to stay for the Christmas holidays*» [10, с. 176]. – «*Она казалась ужасно милой – совсем как мамаша, приглашающая лучшего друга своего сына погостить на рождественские каникулы*» [9].

Образ хозяйки контрастирует с ее дальнейшими действиями, гостеприимство оборачивается чем-то зловещим. Переводчик сохраняет этот контраст, используя разговорные и даже слегка вульгарные формулировки, чтобы подчеркнуть ложную безопасность. Можно выделить несколько ключевых переводческих стратегий, направленных на передачу не только смысла, но и тонкой иронии с элементами абсурда, характерной для стиля Роальда Даля. Выражение “*terribly nice*” передается как «*ужасно милой*» – это удачная калька, сохраняющая английскую идиоматику, где “*terribly*” может восприниматься двусмысленно: нести в себе негативную коннотацию и выступать усилителем. В русском разговорном языке слово «*ужасно*» также может выполнять эти функции, что позволяет сохранить авторскую интонацию. Еще более интересен перевод фразы “*like the mother of one’s best school-friend*” – «*мамаша, приглашающая лучшего друга своего сына*». Переводчик сознательно заменяет безличную английскую конструкцию “*one’s*” на более конкретное «*своего сына*», что делает описание более персонализированным. Использование разговорного «*мамаша*» вместо нейтрального «*мама*» или «*мать*» служит сразу нескольким целям: усиливает эффект ложного, показного уюта, добавляет ироничный оттенок и создает карикатурный образ. Для сохранения прагматики абсурда, переводчику важно сохранить контраст между кажущейся доброжелательностью (которая в оригинале уже содержит зерно абсурда благодаря нарочито восторженным формулировкам) и последующим раскрытием истинной сущности персонажа. Переводчик успешно справляется с этой задачей. Разговорная лексика («*мамаша*», «*погостить*») создает иллюзию домашности и тепла, а усиленно восторженный тон подчеркивает неестественность этой идиллии.

Небольшой потерей можно считать исчезновение обезличенности английского “*one’s*”,

которое в оригинале добавляло ситуации оттенок странной условности. Однако переводчик компенсирует это другими средствами: например, введение оборота «своего сына» делает ситуацию более конкретной, что подсознательно настораживает читателя, а использование слова «мамаша» работает на ту же цель. В итоге перевод не только точно передает смысл, но и сохраняет ключевые элементы абсурда, а в чем-то даже усиливает их за счет удачно подобранной разговорной лексики и синтаксических решений.

Важной составляющей идиостиля Р. Даля являются зловещие детали, описываемые как нечто обыденное. Например, животные в доме сначала кажутся живыми, но затем выясняется, что это чучела:

“It’s most terribly clever way it’s been done, – he said. – It doesn’t look like the least bit dead. Who did it? – I did” [10, с. 184]. – «*Потрясающая работа! – восхитился Билли. – Абсолютно одушевленный вид. А кто его сделал? – Я*» [9].

Абсурдность ситуации усиливается тем, что Билли не пугается, а восхищается мастерством хозяйки. Переводчик сохраняет нейтрально-восхищенную интонацию, что делает сцену еще более жуткой. Переводчик усиливает эмоциональную окраску: если в оригинале используется довольно нейтральное “clever”, то русский вариант придает высказыванию восторженный характер. Это соответствует общей стилистике произведений Р. Даля, когда обыденные вещи описываются с преувеличенным энтузиазмом, что создает эффект абсурда. Переводчик выбирает более выразительное «одушевленный» вместо буквального перевода, что усиливает контраст между восхищением Билли и жуткой реальностью. Использование слова «абсолютно» дополнительно подчеркивает неестественность этой реакции. Особенно удачно передан контраст между содержанием и интонацией. В оригинале этот контраст создается за счет того, что Билли обсуждает чучело с тем же энтузиазмом, с каким можно обсуждать произведение искусства. Переводчик усиливает этот эффект, используя лексику из области высокого искусства («*потрясающая работа*», «*одушевленный вид*»), что делает сцену еще более жуткой в своей неестественности.

Особую роль играют абсурдные диалоги, в которых логика намеренно нарушается. Например, когда хозяйка говорит о прошлых постояльцах: *“They’re on the third floor, both of them together”* [10, с. 183]. – «*Они оба на четвертом этаже, в одной комнате*» [9]. Читатель понимает, что эти люди давно мертвы, но хозяйка говорит о них так, будто они просто спят наверху. Переводчик сохраняет эту двусмысленность, делая акцент на бытовой интонации, которая маскирует ужас происходящего.

В рассказе “Man from the South” абсурд создается через нарушение коммуникативных норм в диалогах. Переводчик сталкивается с комплексной задачей передачи не только содержания диалога, но и его стилистических особенностей, которые являются ключевыми для создания абсурдного эффекта.

“Yes. Why not? You win, you take de car. You looss, I take de finger” [10, с. 37]. – «*Да! Вы побеждать – забирать мой авто. Я побеждать – забирать ваш пальшик*» [8].

“Excuse pleess, but may I sit here? ... Dat will not work in dis wind” [10, с. 36] – «*Извэните, пжалста. Могу я здэсь сидеть? ... Эта ваша иштушка не зашшется при такой вэтер*» [8].

На фонетическом уровне переводчик использует графон, воспроизводя эффект иностранного акцента. Эти изменения имитируют особенности произношения неродного языка, аналогично тому, как в оригинале персонаж говорит с южноамериканским акцентом. Однако стоит отметить, что в русском переводе акцент передается несколько более экспрессивно, чем в оригинале, что может быть связано с необходимостью компенсировать отсутствие в русском языке некоторых фонетических особенностей английской речи иностранца.

Особого внимания заслуживает передача контраста между формой и содержанием. Использование уменьшительно-ласкательной формы «пальшик» вместо «палец» создает тот же эффект инфантилизации речи. Эту же функцию выполняют простые вопросы (“Yes? Why not?”). Детская простота речи и игровая форма предложения резко контрастируют с жестокостью ставки (отрезанный палец). Этот контраст, являющийся основой абсурдности

ситуации, успешно передан в переводе. Короткие, рубленые фразы передают обрывистый характер речи персонажа. В целом, переводчику удалось успешно передать ключевые элементы абсурда: контраст между детской речью и жестоким содержанием, нарушение языковых норм как характеристику персонажа, обрывистый синтаксис, создающий эффект алогичности, фонетические искажения, передающие акцент. При этом некоторые элементы перевода («пальшик», усиленный акцент) можно рассматривать как творческую интерпретацию, которая, возможно, даже усиливает абсурдность ситуации по сравнению с оригиналом, оставаясь при этом в рамках авторского замысла.

Таким образом, в основе формирования абсурда, являющегося стилевой доминантой рассказов Роальда Даля, лежат лингвокогнитивные процедуры столкновения и отклонения от общепринятых норм и ценностей. Контраст значений реализуется за счет характеристик персонажей и эпитетов, содержащих семантическую антонимию, которая в переводе на русский язык приобретает более выразительную вербализацию. Реализация на уровне прагматики происходит за счет эффекта обманутого ожидания, реализуемого в сюжетно-композиционной структуре текста, а также через нарушение причинно-следственных связей повествования. Р. Даль создал уникальные нарративы, в которых алогизм ситуаций и гротескные образы персонажей обнажают общественные противоречия, подчеркивая тонкую грань между рациональностью и хаосом, служат инструментом социальной сатиры и философского осмысления действительности. Адекватный перевод исследуемых произведений обусловлен сохранением абсурда как стилевой доминанты, однако его воссоздание в переводе часто сопровождается усилением контраста между видимой гармонией и скрытой дисфункцией, что позволяет добиться равенства эмоциональных и интеллектуальных реакций читателей оригинала и перевода.

Список литературы

1. Жиличев П.Е. Драма абсурда: этапы литературоведческого осмысления в отечественной и зарубежной науке // СибСкрипт. 2022. №5 (93). С. 626–634.
2. Ивлева С.В. Прагматические характеристики комического абсурда // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 3. С. 133–138.
3. Кравченко О.В. Лингвистический абсурд: динамика смысла в дискурсе // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2008. № 1 (7). С. 58–63.
4. Санников С.В. Экзистенциальный выбор. Эссе о трех африканцах (размышления над исповедью Августина) // Антропологические измерения философских исследований. 2017. №12. С. 50–59.
5. Эсслин М. Театр абсурда / пер. с англ. Г.В. Коваленко; ред. Е.С. Алексеева. СПб.: Балтийские сезоны, 2010. 527 с.
6. Яковлева Е.В. Особенности сохранения прагматики языкового абсурда при переводе // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. №1. С. 254–259.

Источники иллюстративного материала

7. Даль Р. Агнец на заклание / пер. А.И. Богданова // LibKing. URL: <https://libking.ru/books/short-story/549548-2-roald-dal-agnets-na-zaklanie.html#book> (дата обращения: 12.03.2025).
8. Даль Р. Пары / пер. И. Моничева // LibKing. URL: <https://libking.ru/books/short-story/549548-2-roald-dal-agnets-na-zaklanie.html#book> (дата обращения: 12.03.2025).
9. Даль Р. Хозяйка / пер. Г. Палагута // LibKing. URL: <https://libking.ru/books/det-thriller/516709-3-roald-dal-hozyayka.html#book> (дата обращения: 12.03.2025).
10. Dahl R. Tales of the Unexpected. New York: Vintage Books, 1990. 471 p.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81.27

АНАЛИЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ В ПРОЯВЛЕНИЯХ «КУЛЬТУРЫ ОТМЕНЫ»

Самойленко Н.Б.

доктор педагогических наук, профессор

Вержевская Л.В.

студент

ANALYSIS OF LINGUISTIC STRATEGIES IN THE MANIFESTATIONS OF “CANCEL CULTURE”

Natalia B. Samoylenko

Ludmila V. Verzhevskaya

АННОТАЦИЯ. Работа посвящена анализу лингвистических стратегий «культуры отмены», отражающей стремление общества к привлечению к ответственности за неприемлемые действия или высказывания, различным способам реализации этой практики, включая публичное осуждение, бойкоты, требования к извинениям, а также распространение информации и дезинформации.

Ключевые слова: медиадискурс, «культура отмены», дискурс отмены, лингвистические стратегии, медиатекст.

ABSTRACT. The paper analyzes the linguistic strategies of “cancel culture” which reflects society’s desire to hold people accountable for unacceptable actions or statements, and the various ways in which this practice is implemented, including public condemnation, boycotts, demands for apologies, and the dissemination of information and disinformation.

Keywords: media discourse, “cancel culture”, cancel discourse, linguistic strategies, media text.

Культура отмены (cancel culture) – это социально-политическое явление, характеризующееся публичным порицанием и бойкотом индивидов, групп людей или организаций за действия или взгляды, которые кем-либо считаются неприемлемыми. Суть «культуры отмены» заключается в попытке исключить человека, группу людей, даже целые государства из общественного дискурса и социальной жизни.

Определение «культуры отмены» часто вызывает споры. Некоторые считают её необходимым инструментом для борьбы с несправедливостью и нетерпимостью, способом привлечения внимания к важным социальным проблемам и наказания за вредные действия. Другие критикуют её за то, что она способствует травле, подавляет свободу слова и создаёт климат страха и самоцензуры [5; 3]. Часто бывает трудно провести четкую грань между конструктивной критикой и так называемой «отменой».

Культура отмены получила широкое распространение, особенно в СМИ западных стран и в онлайн-среде. Социальные сети играют решающую роль в её распространении, позволяя быстро и эффективно распространять информацию о «проступке» и мобилизовать общественное мнение. Влияние культуры отмены варьируется в зависимости от конкретного случая, социальных групп и культурных контекстов.

Хотя термин “cancel culture” («культура отмены») получил широкое распространение в

2020-х гг., задолго до этого уже существовали явления, которые можно считать его предшественниками. Например, бойкоты продуктов, кампании против определенных высказываний или действий знаменитостей. В то время акцент часто делался на экономической составляющей (не покупать что-либо, чтобы наказать компанию).

Истоки этого термина и концепции «отмены» часто связывают с афроамериканской культурой и сообществом, в частности афроамериканского сегмента социальной сети “Twitter”. В частности, с фразой “cancelled” или “being cancelled”, которая использовалась для обозначения отказа от поддержки чего-либо или кого-либо, кто совершил что-то оскорбительное или неприемлемое. Это мог быть отказ от прослушивания музыки артиста, сделавшего расистское заявление, или от покупки продуктов компании, практикующей дискриминацию.

Примерно в 2016–2017 гг. выражение «культура отмены» стало ассоциироваться с более широкими социальными движениями, такими как #MeToo и #BlackLivesMatter, и в 2017–2018 гг. термин «культура отмены» получил широкое распространение. Он обозначал публичное порицание и бойкот людей (чаще всего знаменитостей или публичных личностей), обвиняемых в предосудительном поведении [5, с. 3].

Изначально “cancel culture” часто связывалась с привлечением к ответственности за реальные проступки (например, сексуальные домогательства, расизм). Со временем понятие стало применяться и к менее серьезным нарушениям, а также к высказываниям, которые воспринимались как оскорбительные или неpolitкорректные.

Культура отмены является значительным социальным феноменом, который постоянно обсуждают в СМИ и академических кругах. Часто обсуждается не столько сама культура отмены как некая единая сила, сколько отдельные инциденты, которые описывают как проявления данного феномена.

На сегодняшний день «культура отмены» остается предметом активных дискуссий и споров. Обсуждаются ее последствия для общества, ее влияние на свободу слова, ее этичность и эффективность как инструмента социальной справедливости. Многие отмечают, что «отмена» часто носит временный характер, и многие «отмененные» фигуры возвращаются в публичное пространство.

Кроме того, «культура отмены» стала рассматриваться как инструмент политической борьбы, как способ давления на оппонентов и продвижения определенных идеологий. В 2020 г. Дональд Трамп в своей речи сказал о «культуре отмены», что это и есть определение тоталитаризма (“the very definition of totalitarianism”) [6]. В данном случае «культура отмены» описывает явление частых публичных нападок, критикующих человека, бизнес, движение или идею [2].

Понятие «культуры отмены» существует в медиа-дискурсе как само по себе, так и в виде дискурса «о культуре отмены», при этом многие осуждают это явление [5, с. 3].

Е. Нг в своей книге «Культура отмены» говорит, что целью (target) или предметом «отмены» может быть физическое лицо, бренд или компания, на которую распространяется то, что называется «отменой» или «практикой отмены».

Алан Дершовиц, либеральный юрист и политический комментатор, назвал культуру отмены «незаконным потомком» как маккартизма, так и сталинизма и обвинил ее в подавлении политической свободы слова и художественного творчества, а также в подрыве репутации известных политиков, руководителей предприятий и ученых [1].

Кристиан Дженкинс определил культуру отмены как «процесс, в котором активисты формируют мнение, заставляя учреждения «отменять» давно умерших знаменитостей из-за грехов, совершенных ими при жизни и противоречащих современной этике пробуждения (“wake”). Например, из-за того, что они не осуждали расизм с «достаточным рвением». Или, когда люди подвергаются нападкам со стороны онлайн-среды за нарушение кодексов пробуждения, что часто приводит к потере работы» [4].

Среди методов отмены наиболее часто встречаются:

- лишение общественной поддержки объекта отмены, например, отписку от него в социальных сетях;
- прекращение покупки соответствующих брендов или брендов, продвигаемых отменяемой знаменитостью;
- прекращение просмотра телепередач/фильмов или прослушивания музыки, с которыми они связаны;
- буквальная отмена, например, когда сети отменяют телешоу (или сериалы, или фильмы в работе) со звездами, которые вели себя проблематично.

Проявления лингвистических стратегий культуры отмены в медиадискурсе являются объектом данного исследования. Лингвистические стратегии – это целенаправленные планы действий, используемые индивидами или группами для достижения определённых целей в общении и взаимодействии с другими людьми в рамках социальных контекстов средствами языка. Эти стратегии ориентированы на влияние на поведение, отношение и восприятие других, а также на построение и поддержание социальных отношений. Они включают в себя выбор и использование различных коммуникативных средств, методов и приемов, учитывающих социальную ситуацию, аудиторию и желаемый результат.

Культура отмены использует разнообразные лингвистические стратегии, часто работающие одновременно и взаимоусиливающие друг друга. Рассмотрим ключевые стратегии.

1. Публичное осуждение и порицание.

– Хештеги и тренды: создание и использование специфических хештегов для организации кампании и фокусировки внимания на конкретном случае. Например, использование слова “cancelled” (e.g. #Elleniscancelled, #Youarecancelled), или без его использования “Get out (BTS is dead)”.

– Вирусный контент: использование социальных сетей для быстрого распространения информации о «проступке» индивида или организации с помощью эмоционально заряженных видео, мемов и коротких текстов. Цель – максимально широкий охват и привлечение внимания.

– Создание нарративов: формирование простой, понятной и эмоционально насыщенной истории о «преступлении» и «жертве», часто упрощающей реальность и игнорирующей контекст.

– Апелляция к эмоциям: использование слов, изображений и видео, вызывающих гнев, негодование, сочувствие, чтобы мобилизовать аудиторию и склонить ее к участию в кампании.

2. Социальное давление и бойкот.

– Требования к извинениям и публичному раскаянию: давление на «виновного», чтобы он публично признал свою вину и извинился. Отсутствие искреннего раскаяния может усилить кампанию.

– Отмена подписок, отписка от аккаунтов: демонстрация несогласия и недовольства путем прекращения поддержки «виновного» в социальных сетях, на платформах потокового вещания и т.д.

– Бойкот товаров и услуг: призыв к отказу от покупки товаров и услуг, связанных с «виновным» лицом или организацией.

– Запрос к работодателям/организациям на увольнение/изгнание: давление на работодателей с требованием уволить «виновного» сотрудника.

3. Распространение информации (и дезинформации).

– Домыслы и спекуляции: распространение слухов и недостоверной информации, часто усугубляющей «проступок».

– Вырывание из контекста: использование отдельных фраз или действий вне общего контекста для создания искаженного представления о ситуации.

– Игнорирование контекста: отказ учитывать обстоятельства, которые могли бы смягчить «проступок».

– «Культура отмены» как способ преследования: использование инструментов распространения информации для организации кампаний по отмене, нацеленных на конкретных людей или группы.

4. Карательная справедливость.

– Верификация фактов часто отсутствует: быстрое и нередко неправомерное осуждение без предоставления возможности «виновному» на адекватную защиту или объяснение.

– Самосуд в интернете, когда группа людей берёт на себя функцию суда и наказания.

– «Исправление» истории: попытки вычеркнуть «виновного» из истории, удалив его публикации, работы и т.д.

Лингвистические стратегии в проявлениях «культуры отмены» не всегда используются этично и эффективно. Часто культура отмены приводит к несправедливым обвинениям, публичному унижению и травле, нарушая права человека на справедливое разбирательство и защиту от клеветы. Кроме того, часто она является барьером для конструктивного диалога и примирения.

Список литературы

1. *Dershowitz A. Cancel Culture: The Latest Attack on Free Speech and Due Process.* New York: Hot Books et Skyhorse Publishing, 2020. 155 p.

2. How 'cancel culture' quickly became one of the buzziest and most controversial ideas on the internet // *Business insider*. URL: <https://www.businessinsider.com/cancel-culture-meaning-history-origin-phrase-used-negatively-2020-7> (дата обращения: 23.03.2025).

3. *Izuchukwu O.J. Analyzing motivations and negative implications for cancel culture engagements through natural language processing: A cross-country comparative study.* Thesis for the Degree of Doctor of Philosophy. Pukyong National University, 2023. 150 p.

4. *Jenkins K. Introduction.* In *Cancel culture: And the left's long march*, ed. Kevin Donnelly, 15–21. Melbourne: Wilkinson Publishing, 2021.

5. *Ng E. Cancel Culture. A critical analysis.* Palgrave Macmillan Cham, 2022. 153 p.

6. Trump defends America, calls cancel culture 'totalitarianism' in electrifying Mt. Rushmore speech // *Life site*. URL: <https://www.lifesitenews.com/news/trump-calls-out-far-left-fascism-totalitarianism-in-mt-rushmore-speech/> (дата обращения: 23.03.2025).

УДК 811.134.1

ОБРАЗ КАТАЛАНСКОГО ЯЗЫКА В СМИ В XXI ВЕКЕ

Тарасова К.Э.
преподаватель

CATALAN LANGUAGE CONCEPT IN MASS MEDIA IN THE 21ST CENTURY

Kira E. Tarasova

АННОТАЦИЯ. В статье формируется представление о каталанском языке в XXI веке на материале публицистических статей, опубликованных в каталонской газете “Crónica Global”. Актуальность исследования объясняется возрождением интереса к данному языку, особенно в контексте политических изменений в Испании после перехода к демократии в 1978 году. Изучение официальных документов и статей в современных испаноязычных газетах позволяет выявить, как каталанский язык функционирует в политической, образовательной и культурной сферах, сформировав фрагмент картины мира и выявив его языковое выражение в испанском языке. В статье исследуются концептуальные представления о каталанском языке, акцентируется внимание на его роли в формировании гражданской идентичности. Выявляются основные лексические единицы репрезентации концепта CATALÁN, которые

представлены лексемой “catalán” и словосочетанием «*la lengua* + прилагательное». В XXI веке восприятие каталанского языка строится на концептуальной метафоре, рассматривающей язык как политический инструмент для достижения определенных целей, при этом игнорируются закрепленные права граждан Каталонии на защиту от языковой дискриминации и обеспечение двуязычия в автономном сообществе.

Ключевые слова: каталанский язык, языковая личность, концепт, концептуальный анализ, картина мира.

ABSTRACT. The present article reveals the concept of the Catalan language in the 21st century based on journalistic articles published in the Catalan newspaper “Crónica Global”. The relevance of the study is explained by the revival of interest in this language, especially in the context of political changes in Spain after the transition to democracy in 1978. The study of official documents and articles in modern Spanish-language newspapers allows us to identify how the Catalan language functions in the political, educational and cultural spheres, forming a fragment of the world view and revealing its linguistic expression in the Spanish language. The article examines conceptual ideas about the Catalan language, focusing on its role in the civic identity formation. The main lexical units of the concept CATALÁN representation are identified; they are represented by the lexeme “catalán” and the word combination “*la lengua* + adjective”. In the 21st century, the perception of the Catalan language is based on a conceptual metaphor that considers language as a political tool to achieve certain goals, while ignoring the enshrined rights of Catalan citizens to protection from linguistic discrimination and to ensure bilingualism in the autonomous community.

Keywords: Catalan language, linguistic personality, concept, conceptual analysis, worldview.

С конца XX века наблюдается тенденция к возрождению национальных языков меньшинств, отстаивание своей языковой, а вследствие и культурной идентичности. Примером такого социального явления может быть стремление каталонцев отстаивать свою историческую и культурную самобытность, возродить использование каталанского языка во всех сферах жизни. С переходом Испании от диктатуры Франсиско Франко к парламентской монархии в 1978 году наблюдается возвращение каталанскому языку статуса официального, что способствует его возрождению: начинают издаваться словари и грамматики каталанского языка, активно ведет свою деятельность Institut d’Estudis Catalans, издаются книги и выходят в печать газеты на данном национальном языке. Референдум о независимости Каталонии 2017 года лишь еще больше подчеркивает актуальность вопроса использования национального языка как средства самоидентификации и орудия в достижении политических целей, ведь именно язык является не только средством коммуникации, но и транслятором культурного, исторического и социального кода этнического сообщества, являющегося его носителем.

Цель данной статьи заключается в составлении концептуального образа каталанского языка на материале испаноязычных газет в XXI веке. Исследование проводится на основе общетеоретических и лингвистических методов: анализ, синтез, метод сплошной выборки, описательный метод, этимологический анализ, контекстуальный анализ, концептуальный анализ и др.

Человек воспринимает окружающий его мир с помощью образов, схем и представлений, складывающихся в определенные концепты, т.е. кванты знания, оперативные содержательные единицы памяти, которые формируют концептуальную картину мира, которая через средства языка получает свое словесное выражение в языковой картине мира [2, с. 33–44; 4, с. 38]. Человек как языковая личность выступает носителем языковой картины мира. При этом он «организует содержание высказывания в соответствии с языковой картиной мира» [3, с. 402], что обуславливает зафиксированные в языке различия в концептуализации окружающей действительности носителями этнокультур. В данном исследовании авторы анализируемых публицистических статей выступают языковыми личностями и непосредственными участниками социо-исторических событий, влияющих на интерпретацию представлений о каталанском языке. Их статьи являются языковым выражением когнитивного

восприятия действительности, выражающие фрагмент концептуальной картины мира. Таким образом, в данной статье рассматривается концептуальная область знания, представленная в публицистических статьях, принадлежащих к медийному дискурсу, и непосредственно изучаются языковые средства, используемые авторами для описания современной языковой ситуации, связанной с каталанским языком. Изучение концептуальных представлений начинается с дефиниционного анализа понятия, в которое «закладывается как термин более широкой семантики, так и концептуальная область знака» [5, с. 7], после чего проводится контекстуальный анализ значений слов определенного текстового материала, что и составляет основу концептуального анализа [2, с. 46].

В испанском языке под лексемой *catalán* понимается романский язык, на котором говорят в Каталонии и других территориях бывшей Арагонской короны [11]. В толковом словаре каталанского языка слово *catalá* имеет схожую дефиницию, как и в испанском, но приводится название регионов, где говорят на данном языке (Каталония, часть Валенсии, Мурсия, Балеарские острова, Андорра, сардинский город Альгеро и др.) [12].

В начале IX века на отвоеванных у арабов территориях во время Реконкисты образуется Испанская марка (территория современной Каталонии). В это же время начинает складываться каталанский язык, употребление которого распространяется на Валенсию и Балеарские острова, а позже и на другие территории. С образованием в XII веке Королевства Арагон каталанский язык становится все более употребляемым среди населения, XIII–XV века характеризуются его расцветом, он используется как литературный и административный язык [6, с. 492–493]. Однако в XV веке ввиду объединения королевств Кастилии и Арагона посредством политического брака между Фердинандом Арагонским и Изабеллой Кастильской ситуация изменяется: кастильский язык становится официальным языком Испанской империи [1, с. 178–180]. Тенденция подавления каталанского языка и лишения его статуса официального, исключения из употребления в разных сферах наблюдается до XIX века, когда среди населения Каталонии появляется интерес к возрождению своей культуры и национального языка. Тем не менее этот короткий временной отрезок сменяется периодом жесткого подавления использования каталанского языка в период франкистского режима. Процесс индустриализации в Каталонии, начавшийся с 70-х годов XX века, характеризуется большим наплывом некаталаноговорящего населения. «К 1975 году только 60 процентов населения являются носителями каталанского языка, около 15 процентов не понимают его» [7, с. 129], что вызвано в первую очередь предпочтением использования кастильского как официального языка Испании, а также тем, что в системе образования долгое время исключалось изучение каталанского языка как родного, вследствие чего наблюдается снижение уровня грамотности и владения этим языком [7; 15]. В это же время происходит переход от диктаторского режима Франсиско Франко к парламентской монархии, что способствует возвращению национальных языков некоторых автономных сообществ. Каталонцы вновь начинают осознавать свою языковую и культурную идентичность, что ложится в основу каталонского сепаратизма, который потом все больше основывается на социо-политических и экономических факторах в стремлении к независимости Каталонии [9].

С 1978 года согласно Конституции Испании на территории данной страны кроме кастильского как официального языка государства признаются официальными и другие языки в соответствующих автономных сообществах согласно статутам (“las demás lenguas españolas serán también oficiales” [10]). Конституция защищает языковое богатство Испании, которое является его культурным наследием. В статуте об Автономии Каталонии от 1979 года в статье 3 прописано, что родным языком в данном автономном сообществе является каталанский, который наравне с кастильским имеет статус официального языка. Женералитет Каталонии гарантирует использование обоих языков во всех сферах жизни и обеспечение осведомленности граждан Каталонии относительно этого [14, р. 2]. В статуте об Автономии Каталонии от 2006 года в статье 6 можно прочесть уже более развернутые положения о родном и официальных языках: каталанский язык – официальный язык Каталонии, используемый в повседневном общении и как язык органов общественного управления и

средств массовой информации, а также является языком преподавания в образовательной сфере. В данном документе, как и в статуте от 1979 года, говорится об официальном статусе каталанского и кастильского языков, последний из которых является официальным для всей Испании. Граждане Каталонии имеют право и обязанность знать оба языка, и оговаривается, что не может быть никакой дискриминации по признаку использования того или иного языка. Жене́ралитет и централизованное правительство Испании должны предпринимать необходимые действия для признания официального статуса каталанского языка в Европейском Союзе, содействовать продвижению и распространению этого языка за рубежом [13, p. 4].

На основе фоновых знаний контекста социо-исторических событий в Каталонии, а также официальных документов и словарных толкований понятия *catalán*, можно говорить о том, что в данный исторический отрезок времени этот романский язык предстает национальным языком каталонцев как нации и официальным языком в ряде автономных сообществ Испании наравне с кастильским, о чем свидетельствует употребление таких словосочетаний, как *la lengua propia, el idioma catalán, el idioma oficial, la oficialidad del catalán, las dos lenguas oficiales, la lengua vehicular*.

Опираясь на изученный социо-исторический контекст, характеризующий языковую ситуацию в Каталонии, представляется необходимым обратиться непосредственно к анализу языковых единиц статей, описывающих представлений о каталанском языке в синхроническом аспекте, что будет составлять языковую репрезентацию фрагмента концептуальной картины мира.

Было проанализировано семь статей из каталанской газеты “Crónica Global”, опубликованных с 2014 по 2025 годы [16; 17; 18; 19; 20; 21; 22]. Стоит отметить, что, исходя из анализа заголовков, можно говорить о том, что в данный промежуток времени отмечается две тенденции в описание каталанского языка:

1. Период с 2014 года по 2019 года отмечается националистическими настроениями, при этом язык выступает как орудие для достижения политических целей, единения народа, что вызывает повышенный интерес к употреблению каталанского языка.

2. Период с 2020 по 2025 года характеризуется снижением роли каталанского языка в обществе (большинство каталонцев все еще говорят на кастильском языке) и стремлением правительства Каталонии к нормализации языковой ситуации и увеличению числа говорящих на этом национальном языке, однако в действительности это проявляется в заявлениях членов правительства о многоязычии, что ведет к языковой дискриминации.

Проведя контекстуальный анализ рассматриваемых статей, можно говорить о том, что концептуальная область представлений о каталанском языке связана с несколькими основными сферами: политикой, образованием и культурой. Концепт CATALÁN в основном актуализируется в статьях с помощью следующих слов и словосочетаний: *catalán, la lengua catalana, la lengua cooficial, una lengua minoritaria, la lengua habitual, la lengua materna, la lengua propia de Cataluña*.

Каталанский язык в политике. Жене́ралитет Каталонии использует национальный язык как инструмент: 1) для единения каталонцев в националистических стремлениях к независимости, взывая к историческим корням и этнической идентичности, на основе которой сформировалась уже гражданская идентичность; 2) для социальной интеграции не только местного населения, но и мигрантов. При этом, с политической точки зрения, важную роль играет статус каталанского как официального языка, поэтому каталонское правительство стремится к его сохранению. В анализируемых текстах авторы прибегают к использованию следующих словосочетаний для продвижения данной идеи: *lengua cooficial junto al castellano, el independentismo, el nacionalismo catalán en la sociedad civil, el apoyo a la independencia de Cataluña, mecanismo de integración social, el patriotismo constitucional y cívico, demostrar conocimientos de catalán, el conocimiento del catalán para dar permisos de residencia, forzar el uso del catalán, rechazar sistemáticamente el español en la vida pública*.

Здесь также стоит оговорить вопросы языковой политики, которая направлена на

нормализацию языковой ситуации: подавление каталанского языка во время режима Франсиско Франко сменяется подавлением кастильского языка в настоящее время, что ведет к ситуациям языковой дискриминации, которые, согласно Статуту от 2010 года, является нарушением прав каталонцев. В контексте языковой политики авторы анализируемых статей прибегают к использованию таких словосочетаний и выражений, как *el proceso de normalización lingüística del catalán*, *“derechos lingüísticos” de los catalanohablantes*, *“discriminación” hacia la lengua catalana*, *seguir discriminando a los catalanes castellanohablantes*, *el catalán está amenazado y en riesgo de desaparecer*. Таким образом, можно говорить, что в выделенные два условных периода наблюдается сначала притеснение каталанского языка, а затем с изменением языковой политики – кастильского языка, что в реальности не способствует нормализации языковой ситуации в автономном сообществе.

Каталанский язык в образовании. Стоит отметить, что авторы поднимают вопросы использования каталанского языка в области образования, при этом можно проследить изменения от модели обучения на двух официальных языках к моновязычной: *el aprendizaje de ambos idiomas, restablecer el bilingüismo en las escuelas* (2014 год), *enseñanza en la lengua materna* (2014), *la inmersión lingüística es sólo un instrumento político* (2023), *dejar de hablar español* (2024), *monolingüe obligatorio en catalán* (2025). В связи с данной тенденцией в образовании авторы анализируемых статей ставят под вопрос современную модель моновязычия, ссылаясь на желание народа следовать билингвальной (обучение на кастильском и каталанском языках) или трилингвальной (обучение на кастильском, каталанском и английском языках) модели, что выражается в предложении *“población que reclame un modelo bilingüe en español y catalán (o trilingüe, con el inglés)”* [21].

Каталанский язык в культуре. Несмотря на культурное значение рассматриваемого языка и его роль в формировании этнической и гражданской идентичности каталонцев, наблюдается незначительное использование лексических средств авторами, подчеркивающих историческое наследие и значимость каталанского языка в современных социальных условиях языковой ситуации в Каталонии: *la historia de persecución del catalán*, *el bilingüismo de nuestra sociedad*, *este bilingüismo tan nuestro, además de ser un signo de identidad*, *fortalecer la presencia de la historia y de la cultura común española en Cataluña*, *patrimonio cultural*. Используемые словосочетания репрезентируют билингвальную языковую ситуацию, а также многовековое взаимовлияние и развитие двух официальных языков на территории Каталонии. Стоит также отметить постоянное противопоставление каталанского и кастильского языков (каталанский язык – *la lengua propia de Cataluña*; испанский язык – *la lengua de Cervantes es la mayoritaria*), что вызвано не только современной социо-политической ситуацией в Испании, но и многовековым противостоянием за доминирование между этими двумя языками, о чем говорилось выше, и что ведет к продолжению языкового конфликта, начавшегося еще в XV веке.

Обратимся также к статистике: согласно проводимому в 2020 году опросу касательно родного языка для каталонцев, 45% опрошенных выбрали основным языком кастильский, 40,2% – каталанский и 13,2% – оба языка; кроме того, стоит отметить, что языком общения кастильский язык выбрало 60% опрошенной молодежи, а каталанский – 26,9% [17]. Сегодня носителями каталанского языка является рекордное число людей: 2,2 миллиона граждан Каталонии говорят на нем как на родном, еще 636 000 человек использует его регулярно наряду с кастильским. По данным исследования, опубликованного Департаментом языковой политики, количество говорящих на каталанском увеличилось на 127 000 человек за последние годы. Несмотря на это, приверженцы каталонского национализма утверждают, что язык находится под угрозой исчезновения, отмечая снижение числа говорящих на нем в повседневной жизни (с 36,1% до 32,6%). При этом количество двуязычных каталонцев увеличилось до 9,4%. Недовольство Женералитета вызвано незначительным ростом числа носителей каталонского языка и сохранением значительного числа испаноговорящих. Эта риторика способствует оправданию программы обязательного изучения каталонского в школах (создание моновязычной модели обучения), о чем упоминалось выше [22].

Таким образом, исходя из концептуального анализа, можно говорить о том, что каталонский язык в сознании граждан Каталонии видится полноправным языком являющимся транслятором их идентичности и культурного кода. Основными актуализаторами концепта CATALÁN является слова *catalán* и *la lengua*, последнее из которых выступает частью словосочетания «*la lengua + прилагательное*»: *la lengua catalana*, *la lengua cooficial*, *la lengua minoritaria*, *la lengua habitual*, *la lengua materna*, *la lengua propia*. В рамках контекстуального анализа рассматриваемых публицистических статей авторы как языковые личности представляют каталанский язык основным инструментом в политической борьбе за независимость правительства Каталонии и основным элементом в создании гражданской идентичности и социализации общества, что позволяет сформировать концептуальную метафору «ЯЗЫК-ОРУДИЕ». Концептуальная область представления о данном языке складывается из его роли в политике, образовании и культуры, в рамках которой формируется понимание того, что для консолидации языка меньшинства в двуязычном сообществе, где он сосуществует с доминирующим кастильским, необходимы две ключевые силы: во-первых, непосредственно жители Каталонии должны воспринимать его как свой родной язык, имеющий культурную ценность, а не только как показатель гражданской сплоченности, насильственно прививаемой правительством Каталонии. Во-вторых, стране необходимо позиционировать себя как открытое и консолидированное сообщество, способное уважать желание населения и мигрантов на двуязычие. Авторы видят неоднозначное трактование каталонского языка в рамках современной языковой ситуации: языковая дискриминация идет в разрез с тем, что прописано в Конституции Испании и Статуте Каталонии. В рассматриваемых статьях подчеркивается право каталонцев на то, что двуязычие в обществе не подвергалось угрозе со стороны политических и корпоративных интересов.

Представления о каталанском языке XXI веке выстраиваются на основе концептуальной метафоры, представляющей язык как политический инструмент для достижения определенных целей, игнорирующий прописанные права граждан Каталонии на недопустимость языковой дискриминации и обеспечение двуязычия в автономном сообществе.

Список литературы

1. Алисова Т.Б. Введение в романскую филологию. М.: Высш. шк., 2007. 453 с.
2. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов, 2014. 236 с.
3. Гончарова Н.Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2012. №2. С.396–405.
4. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012. 208 с.
5. Манерко Л.А. «Концептуальная область» как механизм концептуализации терминологической единицы в специальной коммуникации // Вопросы романо-германской и русской филологии: межвузовский сборник науч. статей. Пятигорск: ПГУ, 2021. С. 6–11.
6. Нарумов Б.П. Каталонский язык // Языки мира: Романские языки. М.: Academia, 2001. С. 492–517.
7. Тарасова К.Э. Репрезентация языкового конфликта в Каталонии // Вопросы романо-германской и русской филологии. 2021. Т. 1. С. 127–133.
8. Alberich J. En defensa del catalán [Электронный ресурс] // *Crónica Global*. 2022. URL: https://cronicaglobal.elespanol.com/pensamiento/20220109/en-defensa-del-catalan/641315866_13.html (дата обращения: 25.03.2025).
9. Catalans in Spain // Language conflict encyclopedia. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.languageconflict.org/conflict/catalans-in-spain/> (дата обращения: 25.03.2025).
10. Constitución española // Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado. Madrid, 1978. 54 p.
11. Diccionario de la lengua española [Электронный ресурс]. URL: <https://dle.rae.es> (дата обращения: 25.03.2025).

12. Diccionari de la llengua catalana de l'Institut d'Estudis Catalans (DIEC2) [Электронный ресурс]. URL: <https://dlc.iec.cat/> (дата обращения: 25.03.2025).
13. Estatuto de Autonomía de Catalunya. [Электронный ресурс]. 1979. URL: <https://portaldogc.gencat.cat/utillsEADOP/PDF/38/1602691.pdf> (дата обращения: 25.03.2025).
14. Estatuto de Autonomía de Catalunya [Электронный ресурс]. 2006. URL: <https://portaldogc.gencat.cat/utillsEADOP/PDF/4680/1957056.pdf> (дата обращения: 25.03.2025).
15. *Martí y Castell J.* Conflicto lingüístico en Catalunya: Análisis de la situación actual y perspectivas // *Revista de filología románica*. 1985. №3. P. 13–25.
16. *Mateo G.* El castellano es la lengua propia de la mayoría de los catalanes. [Электронный ресурс] // *Crónica Global*. 2020. URL: https://cronicaglobal.lespanol.com/politica/20200801/el-castellano-la-lengua-de-mayoria-catalanes/509699055_0.html (дата обращения: 25.03.2025).
17. *Mateo G.* Cataluña exige desde hace años el conocimiento del catalán para dar permisos de residencia [Электронный ресурс] // *Crónica Global*. 2025. URL: https://cronicaglobal.lespanol.com/politica/20250307/cataluna-exige-desde-conocimiento-catalan-permisos-residencia/929157182_0.html (дата обращения: 25.03.2025).
18. *Moreno F.* Catalán y castellano [Электронный ресурс] // *Crónica Global*. 2014. URL: https://cronicaglobal.lespanol.com/pensamiento/20140201/catalan-castellano/22247850_0.html (дата обращения: 25.03.2025).
19. *Moreno F.* Lengua, escuela e independentismo [Электронный ресурс] // *Crónica Global*. 2018. URL: https://cronicaglobal.lespanol.com/pensamiento/20180219/lengua-escuela-independentismo/286351369_13.html (дата обращения: 25.03.2025).
20. *López R.* Plataforma per la Llengua considera "discriminar" el catalán dar un 25% de clases en castellano [Электронный ресурс] // *Crónica Global*. 2025. URL: https://cronicaglobal.lespanol.com/politica/20250115/plataforma-llengua-considera-discriminar-catalan-clases-castellano/916658405_0.html (дата обращения: 25.03.2025).
21. *Tercero A.* La coartada del catalán en peligro [Электронный ресурс] // *Crónica Global*. 2024. URL: https://cronicaglobal.lespanol.com/pensamiento/zona-franca/20241115/la-coartada-del-catalan-en-peligro/901289867_13.html (дата обращения: 25.03.2025).
22. *Tercero A.* Justicia lingüística [Электронный ресурс] // *Crónica Global*. 2025. URL: https://cronicaglobal.lespanol.com/examen-protagonistas/20250221/justicia-linguistica/925787418_13.html (дата обращения: 25.03.2025).

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА И СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81-114.4

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ ГРЕЦИЗМОВ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ТЕРМИНОВ «ЭКОНОМИКА» И «ECONOMY»

Брагина Э.Р.

Кандидат филологических наук, доцент

ECONOMIC TERMINOLOGY IN THE CONTEXT OF GREEKISMS: A COMPARATIVE COMPREHENSIVE ANALYSIS OF THE EQUIVALENCE OF THE TERMS “ЭКОНОМИКА” AND “ECONOMY”

Elmira R. Bragina

АННОТАЦИЯ. Целью данного исследования является сопоставительный анализ эквивалентности грецизмов в экономической терминологии русского и английского языков на примере терминов «экономика» и «economy». В ходе работы был проведен комплексный анализ, включающий этимологический, семантический, контекстуальный, культурный, исторический, а также анализ синонимов, антонимов и словообразовательных рядов. Результаты исследования выявили значительные различия: термин «экономика» имеет три значения и утратил первоначальное значение, тогда как «economy» обозначает пять понятий, в том числе и первоначальное. Культурный анализ показал, что адаптация термина «экономика» происходила также в контексте перехода к рыночной экономике в 1990-х годах. Было установлено, что количество компонентов в парадигматическом ряду термина «экономика» превышает таковое у «economy», однако в словообразовательном ряду ситуация обратная. Полученные результаты могут быть использованы для стандартизации терминологии и в образовательных курсах по переводу и деловому английскому языку.

Ключевые слова: экономическая терминология, грецизмы, сопоставительный анализ, экономика, economy, семантическая адаптация, словообразовательные ряды.

ABSTRACT. The aim of this study is a comparative analysis of the equivalence of Greekisms in the economic terminology of the Russian and English languages, using the terms “экономика” and “economy” as examples. A comprehensive analysis was conducted, including etymological, semantic, contextual, cultural, historical aspects, as well as an analysis of synonyms, antonyms, and word formation patterns. The results of the study revealed significant differences: the term “экономика” has three meanings and has lost its original meaning, whereas “economy” denotes five concepts, including the original one. The cultural analysis showed that the adaptation of the term “экономика” also occurred in the context of the transition to a market economy in the 1990s. It was established that the number of components in the paradigmatic series of the term “экономика” exceeds that of “economy”, while the situation is reversed in the word formation series. The findings can be used for standardizing terminology and in educational courses on translation and business English.

Keywords: economic terminology, Greekisms, comparative analysis, экономика, economy, semantic adaptation, word formation patterns.

Анализ и понимание экономических терминов обуславливает владение экономическим лексиконом, которое приоритетно на данный момент в рамках интенсификации

международных отношений и экономики, глобализации торгового пространства. Целью нашего исследования является сопоставительный комплексный анализ эквивалентности грецизмов в терминологии экономики в русском и английском языках на примере терминов «экономика» и «εσoπoтy», который включает себя этимологический анализ, семантический анализ, контекстуальный анализ, культурный анализ и анализ исторического контекста, анализ синонимов и антонимов, анализ активности в образовании словообразовательного и парадигматического рядов, анализ в образовании паронимических пар, лексико-графический анализ, определение степени семантической адаптации с целью выявления сходств и отличий на этимологическом, морфологическом, семантическом и морфологическом уровнях. Такого рода анализ проводится впервые, что и определяет актуальность данной работы.

В ходе исследования мы используем методы сопоставительного, контрастивного, морфологического, лексикографического анализа, метод корпусного анализа текстов, методику количественного подсчёта. В работе использовалась информация из следующих источников: Большая Советская энциклопедия (БСЭ) [1], электронный журнал Совкомблог [2], электронная версия «Парламентская газета» [5], Сборник сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса [3], Записи Федеральной Конвенции [4], статья Beladjine K. и Cheriet A. “Transition towards a green economy for sustainable development – The German experience” [6], сайт “Consumer Financial Protection Bureau” [7], электронная версия книги “The Contested World Economy: The Deep and Global Roots of International Political Economy” [9], электронный журнал “Invensis” [10], Online Etymology Dictionary [11], электронная версия книги Gerard Yad “Smart Financial Moves for Tough Times” [8], The Collaborative International Dictionary of English [12].

Мы делим все заимствования на три категории: «инертные», «модифицированные» и «эвфонии». Заимствования, которые не претерпели морфологической адаптации, не участвуют в синтаксическом образовании терминов и не подверглись семантическому переосмыслению, мы относим к «инертным» (от латинского слова *inertiae* – «инертность»). Этот термин подчеркивает, что такие заимствования остаются «неактивными» в языке, который их принимает. В отличие от этого, заимствования, которые подверглись морфологическим изменениям и/или участвуют в синтаксическом образовании терминов и/или были семантически переосмыслены, мы называем «модифицированными». Этот термин акцентирует внимание на изменениях в форме, синтаксической функции и переосмыслении заимствований в языке-реципиенте.

Степень адаптации заимствованного термина оценивается по его деривационному потенциалу, который может достигать 5 баллов. В этот потенциал входят наличие словообразовательного ряда (1 балл), парадигматического ряда (1 балл), а также синонимических (1 балл), антонимических рядов (1 балл) и паронимических пар (1 балл). Учитываются также метонимический перенос (1 балл), обрастание дополнительными значениями внутри одной терминосистемы (1 балл) и включение термина в несколько терминологических систем (1 балл). Максимальная оценка, отражающая степень адаптации заимствованного термина, составляет 8 баллов. Мы полагаем, что термины с 8-балльной степенью адаптации занимают промежуточное положение между «модифицированными» заимствованиями и исконными терминами, и предлагаем называть их «эвфониями». Этот термин происходит от греческого слова *ευφoνία* (euphonia), что переводится как «приятное звучание». Будучи высоко адаптированным заимствованным термином, «эвфония» символизирует гармоничное и естественное интегрирование слова в язык, что делает его звучание и использование более удобным и привычным для носителей языка.

Таким образом, мы предлагаем следующую схему, отражающую эволюцию адаптации заимствованных терминов, завершающуюся созданием исконного термина: «инертные» заимствования – «модифицированные» термины – «эвфонии» – исконные термины.

Обсуждение. Термин «экономика» в русском языке является результатом заимствования из греческого языка сложного слова *oikonomia* управление домом (*oikos* – дом и *nomos* – закон, управление), языком посредником является древнеславянский язык, где он

имел форму «иконом», но под влиянием латинской формы *oecopotus* стал «экономика» [11]. Первоначальное значение этого слова было связано с бережливым, экономным ведением домашнего хозяйства, которое сохранялось в русском языке до конца XVII века. Трижды происходит расширение значения термина от более узкого понятия к более широкому в результате метонимического переноса, в основе которого лежит управление. В XVIII–XIX веках в результате активного экономического развития в Европе этот термин стали употреблять в контексте экономических теорий и практик, управления предприятиями и национальной экономики. В конце XX века и начале XXI века в результате изменений в обществе (социально-политической ситуации в стране, например, транзит от плановой экономики к рыночной после распада Советского Союза) и технологического прогресса расширение значения термина «экономика» обуславливает возникновение таких экономических понятий и явлений, как макроэкономика, макроэкономика, экономическая политика, цифровая экономика, экологическая экономика и т.д.

Лексикографический анализ термин представлен в виде 3 дефиниций [1]:

1) совокупность производственных отношений, экономический базис общества; «Совокупность... производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания» [3, с. 6–7];

2) народное хозяйство данной страны или его часть, включающая соответствующие отрасли и виды производства; «Набиуллина: Экономика России находится в зоне повышенной неопределенности» [5];

3) отрасль науки, изучающая производственные отношения или их специфические стороны в определённой сфере обществ. производства и обмена. «Экономика в современном мире: что за наука и зачем нужна» [2].

Синонимами термина «экономика» являются следующие термины: антропоэкономика, веб-экономика, геоэкономика, домоводство, евроэкономика, каталлактика, киноэкономика, логистика, макроэкономика, мегаэкономика, мезоэкономика, микроэкономика, наноэкономика, народное хозяйство, нейроэкономика, хозяйство, экономикс (16); антонимами – неэкономика, неэкономическое состояние (2); паронимом – экономия (1); словообразовательный ряд состоит из 26 терминологических словосочетаний: экономика высокой заработной платы, огосударствление экономики, математическая экономика, социология экономика, военная экономика, экономика промышленности, экономика связи, экономика труда, экономика торговли, экономика транспорта, экономика строительства и т.д.; парадигматический ряд (15 терминов) – экономика – эконометрия – экономист – экономический – экономико-правовой – экономико-статистический – экономико-географический и т.д.

Результаты. Степень адаптации термина «экономика» составила 8 из 8 баллов (словообразовательный ряд: 1, парадигматический ряд: 1, синонимический ряд: 1, антонимический ряд: 1, паронимическая пара: 1, наличие метонимического переноса: 1, увеличение значений термина внутри одной терминосистемы: 1, вхождение в несколько терминологических систем: 1), что указывает на достаточно высокую степень адаптации термина и позволяет отнести его к эвфониям.

Обсуждение. Термин “economy” в английском языке является результатом заимствования из греческого языка сложного слова *oikonomia* управление домом (*oikos* – дом и *nomos* – закон, управление), языком-посредником является латинский *oecopotus* [11]. Изначально греческая трактовка термина – это бережное управление домохозяйством, с этим значением термин входит в английский язык в 1530-х годах. Расширение семантического значения с метонимическим переносом на основе управления происходит в 1660-х годах с появлением значения «бережливость, разумное использование ресурсов». Смысл «богатство и ресурсы страны» (сокращение от политической экономики) зафиксирован с 1650-х годов, но даже в 1780-х годах основатели Америки, закладывая основы новой республики, в основном использовали термин экономика только в значении «бережливость»:

“He had moved without success for a power to make sumptuary regulations. He had not yet lost sight of his object. After descanting on the extravagance of our manners, the excessive consumption of foreign superfluities, and the necessity of restricting it, as well with oeconomical as republican views, he moved that a committee be appointed to report articles of Association for encouraging by the advice the influence and the example of the members of the Convention, oeconomy, frugality” [4; 11].

Перевод: *«Полковник Медисон – Он безуспешно пытался получить полномочия для введения сумптарных регуляций. Он еще не потерял из виду свою цель. После того как он подробно рассказал о расточительности наших обычаев, чрезмерном потреблении иностранных излишеств и необходимости ограничить это как с экономической, так и с республиканской точки зрения, он предложил назначить комитет для подготовки статей Ассоциации, направленных на содействие экономии, бережливости и американским производствам через советы, влияние и пример членов Конвенции».*

В конце XVIII–XIX веках в результате 3-х расширений с метонимическом переносом на основании управления термин приобретает значение «управление предприятиями, совокупностью предприятий на национальном уровне», в это же время начала формироваться наука «экономика». Мы полагаем, что одним из ключевых моментов, повлиявших на развитие экономики и соответственно на количество метонимических переносов исследуемых терминов, является работа Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов», написанная в 1776 году о факторах, влияющих на производство и дистрибуцию товаров.

Лексикографический анализ термина представлен в виде 5 дефиниций [12]:

1) экономия, хозяйственность, бережливость:

“In times of financial uncertainty, practicing economy by reducing unnecessary expenses can help families stay afloat” [8].

Перевод: *«В условиях финансовой неопределенности практикование экономии путем сокращения ненужных расходов может помочь семьям оставаться на плаву».*

2) экономика, народное хозяйство:

“The rapid growth of the field of international political economy since the 1970s has revived an older tradition of thought from the pre-1945 era” [9].

Перевод: *«Быстрый рост области международной политической экономики с 1970-х годов возродил более старую традицию мысли из периода до 1945 года».*

3) экономическая система, экономический строй,

“...advances an inclusive green economy: rationale and context, this unit lays the conceptual groundwork for the Green economy approach” [6, с. 56].

Перевод: *«Продвигает инклюзивную зеленую экономику: обоснование и контекст, этот раздел закладывает концептуальную основу для подхода зеленой экономики».*

4) сбережение:

“Building an emergency economy is crucial for individuals to prepare for unexpected financial challenges” [7].

Перевод: *«Создание экстренной экономики имеет решающее значение для того, чтобы люди могли подготовиться к неожиданным финансовым трудностям».*

5) выгодность, экономичность:

“They can weather economy downturns or unexpected market shifts more effectively if they have efficient, cost-effective operations” [10].

Перевод: *«Они могут более эффективно справляться с экономическими спадами или неожиданными рыночными изменениями, если у них есть эффективные и экономически целесообразные операции».*

Синонимами термина “economy” являются слова – frugality, thrift, thriftiness, good husbandry, good housewifery / arrangement, regulation, management, administration / system, plan, dispensation, established order (14), антонимами – wastefulness, extravagance, profligacy, overspending, indulgence (5), паронимами – economics; словообразовательный ряд – absolute

economy, actual economy, farming economy, khutor economy, national economy, planned economy, relative economy, rural economy, political economy и т.д. (92), парадигматический ряд – econometric – economic – economist – economize – economics – econometrics (6).

Степень адаптации термина “economy” составила 8 из 8 баллов (словообразовательный ряд: 1, парадигматический ряд: 1, синонимический ряд: 1, антонимический ряд: 1, паронимическая пара: 1, наличие метонимического переноса: 1, увеличение значений термина внутри одной терминосистемы: 1, вхождение в несколько терминологических систем: 1, что указывает на достаточно высокую степень адаптации термина и относит его к эвфониям.

Таким образом, в ходе нашего исследования эквивалентности грецизмов «экономика» и «economy» в терминологии экономики в русском и английском языках были выявлены следующие различия:

- в ходе этимологического анализа было выявлено, что языком-посредником для термина «экономика» является древнеславянский, латынь оказала влияние на фонетическую и графическую оболочку термина, языком-посредником для термина “economy” является латинский язык;

- в ходе контекстуального, лексикографического анализа и анализа паронимов было определено, что термин «экономика» имеет 3 значения, первоначальное значение термина из языка-донора утрачено, а термин, обозначающий это понятие, является паронимом («экономия»). Термин “economy” обозначает 5 понятий, одно из которых является первоначальным значением, с которым он вошел в английский язык из греческого и транзитного латинского, однако понятие «экономическая наука» отсутствует в списке дефиниций термина в отличие от русского языка и является паронимом для термина “economy” (“economics”);

- в ходе культурного анализа, анализа исторического контекста и синонимов был сделан вывод, что в отличие от английского эквивалента семантическая адаптация русского термина «экономика» происходила также и в период перехода от плановой экономики к рыночной в 1990-х годах, вследствие чего этот термин образует терминологические словосочетания, отвечающие тематике планового народного хозяйства, и имеет большее количество синонимов (16 и 14 соответственно);

- в ходе анализа активности в образовании словообразовательного и парадигматического рядов было установлено, что в виду флективного характера русского языка и синтаксического английского число компонентов термина «экономика» в парадигматическом ряду превышает количество компонентов термина “economy” (15 и 6 соответственно), однако в словообразовательном ряду – практически в 4 раза меньше (26 и 92 соответственно).

Результаты и методы проведенного исследования могут быть использованы в разработке способов стандартизации терминологии, в качестве методических материалов для курсов «Теория и практика перевода», «Деловой английский язык», повышения квалификации специалистов экономических сфер.

Список литературы

1. Большая Советская энциклопедия (БСЭ) [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/bse> (дата обращения: 24.03.2025).
2. Журнал Совкомблог [Электронный ресурс]. URL: <https://journal.sovcombank.ru/glossarii/ekonomika-v-sovremennom-mire-chto-za-nauka-i-zachem-nuzhna> (дата обращения: 24.03.2025).
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2 изд. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1959. Т. 13. С. 6–7. URL: <https://www.marxists.org/russkij/marx/cw/t13.pdf> (дата обращения: 24.03.2025).
- 4 Мэдисон Дж. Записи Федеральной Конвенции [Электронный ресурс] // Фарранде. 1787. 13 сентября. URL: <https://archive.org/details/recordsfederalc00farrgoog/page/492/mode/2up> (дата обращения: 24.03.2025).

5. *Набиуллина Э.С.* Экономика России находится в зоне повышенной неопределенности [Электронный ресурс] // Парламентская газета. 2025. URL: <https://www.pnp.ru/economics/nabiullina-ekonomika-rossii-nakhoditsya-v-zone-povyshennoy-neopredelennosti.html> (дата обращения: 24.03.2025).
6. *Beladjine K., Cheriet A.* Transition towards a green economy for sustainable development – The German experience // *Revue Internationale des Sciences de Gestion*. 2020. Т. 3, № 3. С. 54–74.
7. Consumer Financial Protection Bureau [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consumerfinance.gov/an-essential-guide-to-building-an-emergency-fund/> (дата обращения: 24.03.2025).
8. *Gerard Yad.* Smart Financial Moves for Tough Times. [Электронный ресурс] URL: <https://vocal.media/education/strategies-for-managing-your-budget-during-economic-downturns> (дата обращения: 24.03.2025).
9. *Helleiner Eric.* The Contested World Economy: The Deep and Global Roots of International Political Economy [Электронный ресурс]. Cambridge: Cambridge University Press, 2023. ISBN: 9781009337526. URL: <https://www.cambridgebookshop.co.uk/products/the-contested-world-economy?pos=1psq=economyss=ev=1.0> (дата обращения: 24.03.2025).
10. Invensis [Электронный ресурс]. URL: <https://www.invensis.net/blog/cost-reduction-strategies-for-manufacturing-companies> (дата обращения: 24.03.2025).
11. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.etymonline.com> (дата обращения: 24.03.2025).
12. The Collaborative International Dictionary of English [Электронный ресурс] URL: <https://cide.en-academic.com/56092/economy> (дата обращения: 24.03.2025).

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

УДК 378.147

ПОДГОТОВКА ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗОВ К ЭПОХЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

Самойленко Н.Б.

доктор педагогических наук, профессор

PREPARING UNIVERSITY EDUCATORS FOR THE AGE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: FROM THEORY TO PRACTICE

Natalia B. Samoylenko

АННОТАЦИЯ. В статье освещается проблема обучения студентов вузов анализировать и использовать искусственный интеллект (ИИ) для преподавания и изучения английского языка (АЯ) в образовательной среде университета. Целью исследования является выявление преимуществ и проблем использования искусственного интеллекта в обучении иностранным языкам (ИЯ) студентов высших учебных заведений, как будущих преподавателей вуза, а также изучение особенностей использования электронных учебных материалов, разработанных и созданных ИИ, для преподавания АЯ для профессиональных целей. В статье описан опыт использования ИИ в процессе обучения АЯ в профессиональных целях студентов лингвистических вузов. Представлены теоретические исследования по использованию ИИ, связанные с профессиональной деятельностью студентов лингвистических университетов, а также для развития у студентов цифровых навыков в практической деятельности. Автор акцентирует внимание на практической составляющей исследования, которая предполагает применение искусственного интеллекта в иноязычной подготовке студентов лингвистических вузов к овладению АЯ и преподаванию ИЯ в вузе.

Ключевые слова: ИИ, преподаватель университета, студент лингвистического университета, лингвистический университет, профессионально-ориентированный английский язык, профессиональная подготовка.

ABSTRACT. The article highlights the problem of university students' training to analyze and use artificial intelligence (AI) for teaching and learning English in the university educational environment. The aim of the research is to clarify the advantages and challenges of using artificial intelligence in foreign language training for university students as future university educators and to study the peculiarities of using electronic educational materials developed and created by AI for teaching professional-oriented English. The article presents the experience of using AI in the process of teaching linguistic university students English for professional purposes. Theoretical research on the use of AI, which is relevant to the professional activities of students from linguistic universities, as well as developing students' digital skills in practical activities, is provided. The author emphasizes the practical component of the research, which involves the implementation of AI in the foreign language training of linguistic university students in mastering English and teaching foreign language at university.

Keywords: AI, university educator, linguistic university student, linguistic university, professional-oriented English language, professional training.

At present, the development of neural networks and AI in many areas of life, including education, has an impact on the training of specialists in higher education.

The possibilities of using artificial intelligence (AI) in the students' and teacher trainings are increasing: generation of lesson plans, presentations, images, texts, questions, intelligence maps, and other educational materials [1; 2]. In this regard, the students, teachers, and university educators ask questions: How to prepare the teacher in such conditions?, What is his/her role in the educational process at the university?, How to train students to use AI tools to develop their professional skills and abilities?

The purpose of the study is to analyze the possibilities of AI in the students' professional training for teaching and studying a foreign language at university. One of the main goals of master's degree training in the field of 45.04.01, "Philology", is the development of professionally oriented foreign language competence, which is impossible without mastering the skill of using digital technologies and AI tools.

Nowadays, it is important to train qualified foreign language teachers and tutors.

The implementation of AI into the educational process facilitated access to AI tools in teaching a foreign language and contributed to the improvement of not only the professionally oriented foreign language communicative competence of students but also to the improvement of the methodological and digital competence of future foreign language teachers.

Among the problems hindering the integration of artificial intelligence technologies into the education system, noted in UNESCO documents (2019), we consider such as:

- 1) the lack of a clear and structured policy for the use of artificial intelligence in the teaching and learning process;
- 2) the unpreparedness of teachers to use these technologies;
- 3) the insufficient use of artificial intelligence in education compared to its application in other fields, such as industry, and this leads to difficulties in its application in universities, schools, and pedagogical institutes [11].

In the research the authors analyze the impact of AI on educational processes and emphasize the importance of developing new competencies among teachers, such as digital literacy and critical thinking. They offer recommendations for the implementation of training programs that will help teachers effectively integrate AI into learning and adapt to the rapidly changing demands of the educational environment [4; 5].

The findings identify the implementation of AI for personalized learning in the teaching and learning process; AI technologies that enable personalized instruction and learning and generative AI that supports intuitive learning through tracking data [7].

The authors focus on:

- 1) identifying substantial drawbacks in the current curricula and the challenges to developing AI-driven curricula;
- 2) the educational stakeholders should integrate AI into the curriculum with the aim of developing students' critical thinking and interdisciplinary and real-world problem-solving in alignment with digital and contemporary educational settings [8];
- 3) the curricula should explicitly teach students AI fundamentals, including data literacy, ethics, and coding, while others advocate curricula that foster uniquely human skills like creativity, empathy, and complex communication [9];
- 4) how to improve the process of learning foreign languages at university, make it more individual and motivating for students, integrating artificial intelligence into educational programs [1].

The researchers suggested conducting a literature review on these topics, identifying the components related to the specific characteristics of curricula in 21st-century education, and critically examining the potential impact that the development and further integration of AI could have on education [10].

We concur that incorporating AI into curricula and classrooms enables educators to develop adaptive and dynamic learning experiences tailored to diverse student abilities, comprehension levels, and learning styles [3].

One of the valuable complements to traditional teaching methods, helping to foster a more

dynamic and effective learning environment, is virtual assistance. With the help of virtual assistants, the university educators can rapidly transform the educational environment.

These AI-driven tools offer personalized support, enhancing student engagement and improving learning outcomes; they can answer questions instantly, clarify complex concepts, and create tailored study plans. By automating routine tasks and providing on-demand assistance, they free up educators to concentrate on more advanced instructional activities [10].

Artificial intelligence (AI) has provided numerous learning benefits due to and beyond its personalization capabilities. AI significantly alters the interaction dynamics among students, teachers, and technology, necessitating the collaborative integration of AI in education instead of the mere mechanical use. The author investigates pre-service teachers' perceptions and capabilities within the framework of social cognitive theory, focusing on their attitudes, intentions, self-efficacy, and AI literacy for effective AI integration. The researchers discuss how these perceptions and capabilities help pre-service teachers prepare for the changing identities of being a teacher in AI-integrated education. The findings indicate a need for more awareness of the possible changes in teachers' functions and roles in collaborative AI-integrated education, leading to specific teacher-training demands that aid them in success in AI-integrated education [9].

The scientific and methodological literature presents the experience of using an online education platform *Edvibe.com* in teaching foreign scientific speech to students of a non-linguistic university. The features of the online platform *Edvibe.com* are described. And developed tasks posted on the platform [6].

The authors have identified the regulatory and legal bases for the use of artificial intelligence technologies in the field of education; based on the study and systematization of the research prerequisites, the known and used expedient aspects of the use of AI in education have been identified [2].

The scientists have identified the economic and ethical issues of introducing artificial intelligence algorithms into the higher education system, the possibility of applying an interdisciplinary approach to teaching today's students how to interact with artificial intelligence technologies, and the use of the *ChatGPT* program in the educational process [4].

As a result, AI requires the educators to establish connections between digital tools, content knowledge, and teaching approaches, while also adapting the learning environment before instruction to provide continuous educational experience.

In our teaching experience we use AI technologies in the process of preparing master students for teaching foreign languages at university. The examples of students' assignments (assignments and the content may vary for different students' training programs, and in practice they should be formulated in a foreign language) are described in our research: present definitions (with sources) of the concepts "neural network" and "artificial intelligence"; analyze the advantages and disadvantages of AI in AI at university students' training programs; analyze 3 resources for learning English created using AI, highlighting the pros and cons: (for example: *TalkPal* is an application for learning languages using artificial intelligence, designed to develop speaking, listening, reading and writing skills (real-time conversations with feedback; a conversation recording function, which allows you to work on mistakes; a variety of learning mechanics; limited features in the free version; lack of ability to create a dictionary); develop the microteaching lesson of the future using AI.

As one of the final presentations of their course material, the undergraduates present their materials on practical assignments:

1) Create a test (10 questions) based on the materials of the prepared lecture using the *Chat GPT Online* – AI Chatbot resources (chat-gpt.org).

2) Prepare the images (3-4) for the prepared lecture or test using the Image Creator in Microsoft Designer (bing.com) Fusion Brain – a platform for image generation using the Kandinsky neural network.

Thus, considering the need to train foreign language educators/tutors at language university in the era of artificial intelligence (AI), it is concluded that the integration of AI into higher language education depends on the training of foreign language teachers and their desire to change.

The prospect for further scientific research in this area and clarifying the strategy to overcome the challenges of implementing AI into the university educational process is the development of AI courses for university educators focused on designing tasks that AI cannot generate as well as increasing awareness among the teachers and the students about the advantages of AI.

Список литературы

1. *Баринов А.М., Романов А.В.* Влияние искусственного интеллекта на использование и изучение английского языка // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. Сер.: Методика преподавания языка и литературы. 2024. №06 (29). URL: <https://scipress.ru/fam/articles/vliyanie-iskusstvennogo-intellekta-na-ispolzovanie-i-izuchenie-anglijskogo-yazyka.html> (дата обращения: 30.02.2025).
2. *Воевода Е.В., Шпынова А.К.* Применение технологий искусственного интеллекта при изучении делового английского (на примере письменных заданий) // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 5. С. 237–241.
3. *Ковальчук С.В., Тараненко И.А., Устинова М.Б.* Применение искусственного интеллекта для обучения иностранному языку в вузе // Современные проблемы науки и образования. 2023. №6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=33000> (дата обращения: 22.01.2025).
4. *Котлярова И.О.* Технологии искусственного интеллекта в образовании // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». 2022. Т. 14. № 3. С. 69–82.
5. *Лукичев П.М., Чекмарев О.П.* Применение искусственного интеллекта в системе высшего образования // Вопросы инновационной экономики. 2023. Том 13. № 1. С. 485–502.
6. *Самойленко Н.Б., Зыбина Л.Д.* Применение онлайн-платформы Edvibe.com в процессе обучения иноязычной научной речи студентов неязыкового вуза // Модернизация современного образования и совершенствование педагогической деятельности: материалы международной научно-практической конференции. М. Издательство: ООО «Социально-культурная инициатива». 2024. С. 3–7.
7. *Hardaker G., Glenn L.E.* Artificial Intelligence for Personalized Learning: A Systematic Literature Review // International Journal of Information and Learning Technology. Vol. 42 No. 1. P. 1–14. URL: <https://doi.org/10.1108/IJILT-07-2024-0160> (дата обращения: 18.03.2025).
8. *Jaramillo J.J., Chiappe A.* The AI-driven Classroom: A Review of 21st Century Curriculum Trends // Prospects, 2024, pp. 645–660. URL: <https://doi.org/10.1007/s11125-024-09704-w> (дата обращения: 12.03.2025).
9. *Lihang Guan a, Yue Zhang a, Mingyue Michelle Gu.* Pre-service Teachers' Preparedness for AI-integrated Education: An Investigation from Perceptions, Capabilities, and Teachers' Identity Changes // Computers and Education: Artificial Intelligence. Vol. 8. June 2025. URL: <https://doi.org/10.1016/j.caeai.2024.100341> (дата обращения: 05.03.2025).
10. *Singh Ajit.* The Future of Learning: AI-Driven Personalized Education (December 28, 2024). URL: <https://ssrn.com/abstract=5076438> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.5076438> (дата обращения: 10.02.2025).
11. UNESCO. Artificial Intelligence in Education: Challenges and Opportunities for Sustainable Development // Working Papers on Education Policy. Paris, France. 2019. URL: <https://en.unesco.org/news/challengesand-opportunities-artificial-intelligence-education> (дата обращения: 12.02.2025).

**ПРИМЕНЕНИЕ ИНСТРУМЕНТОВ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТА В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ И
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ ВУЗА**

Глотова А.В.
старший преподаватель

**GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE TOOLS IN THE PROCESS OF
SOCIOLINGUISTIC AND LINGUOCULTURAL COMPETENCES' DEVELOPMENT OF
UNIVERSITY STUDENTS**

Aleksandra V. Glotova

АННОТАЦИЯ. Профессионально ориентированная иноязычная подготовка в системе высшей школы организуется с применением комплекса культуросообразных подходов, что обеспечивает качественное изучение иностранного языка и позволяет студентам познакомиться с культурными реалиями страны, особенностями социального контекста и речевого этикета. В исследовании рассматриваются аспекты педагогической проблемы формирования социолингвистической и лингвокультурологической компетенций студентов вуза с применением инструментов генеративного искусственного интеллекта. Отдельное внимание отводится определению специфики знаний и умений, которые составляют структуру данных компетенций. Образовательный процесс в системе высшей школы предполагает совершенствование подходов и активное использование современных технологий. Автором работы также выделены некоторые дидактические возможности применения технологий генеративного искусственного интеллекта (большие языковые модели, нейронные сети-трансформеры, конструкторы курсов) на занятиях по иностранному языку, которые способствуют формированию и развитию компонентов социолингвистической и лингвокультурологической компетенций студентов.

Ключевые слова: социолингвистическая компетенция, лингвокультурологическая компетенция, генеративный искусственный интеллект, иностранный язык.

ABSTRACT. Professional foreign language training in the system of Higher Education is based on a variety of culture-based approaches, ensuring high-quality of foreign language learning and allowing students to get acquainted with the cultural realities of the country, the peculiarities of the social context and basic rules of speech etiquette. The study focuses on the issues of sociolinguistic and linguocultural competence development in the system of Higher Education using various Generative Artificial Intelligence tools. The paper will review the specifics of knowledge and skills that make up the structure of these competences. The educational process in the Higher Education assumes enhancing teaching approaches and vast application of modern technologies. Generative Artificial Intelligence is fast becoming a key teaching instrument. The author also considers the capabilities and some didactic possibilities of Generative Artificial Intelligence (e.g., large language models, generative adversarial networks, course generators and transformer-based models) in the process of foreign language acquisition.

Key words: sociolinguistic competence, linguocultural competence, Generative Artificial Intelligence, foreign language.

Профессионально ориентированная подготовка студентов вуза предполагает формирование и развитие социолингвистической и лингвокультурологической компетенций в процессе изучения иностранных языков. Знание культурных и лингвистических особенностей обеспечивает продуктивность коммуникации и эффективность решения профессиональных задач в деятельности будущих выпускников.

Вопросы разработки, внедрения и совершенствования подходов к обучению

иностранным языкам в условиях современных образовательных парадигм остаются актуальными в исследовательской повестке отечественных и зарубежных ученых. В языковом образовании особе место отводится анализу системы культуросообразных подходов к изучению иностранных языков, основанных на положениях антропоцентрической парадигмы [2; 7]. Стоит отметить, что в рамках представленной парадигмы И.Б. Ворожцова выделяет следующие ключевые ориентиры для организации обучения: «центральная позиция человека в обучении (*homo docens*), коммуникация как форма организации обучения (*homo loquens*), деятельность как сущность обучения (*homo agens*) и культура как содержание образования (*homo sapiens*) [2, с. 17]. Е. Г. Тарева также рассматривает «человека как субъекта культуры», что определяет гуманистическую направленность науки об образовании [7, с. 303]. Принцип культуросообразности реализуется на основе формулы «культура – образование – обучающийся» [7, с. 304].

В процессе изучения иностранного языка студенты осваивают не только сам язык, но и приобретают фоновые знания о культуре и реалиях страны языка, в том числе, в сравнении с родной культурой. Данный подход значительно расширяет кругозор обучающихся, закладывает прочную систему знаний, а также позволит выпускникам в будущем эффективно решать коммуникативные задачи личной и профессиональной направленности, учитывая особенности диалога культур.

Современная образовательная стратегия реализуется с учетом значимости взаимосоставляющих «язык-культура». В рамках данного исследования рассматривается специфика формирования социолингвистической и лингвокультурологической компетенций в процессе профессионально ориентированной иноязычной подготовки в вузе. Во время обучения в университете студенты высшей школы в Российской Федерации имеют возможность изучать дисциплины «Иностранный язык» (для общих целей) и «Иностранный язык. Профессиональный» (для профессиональных целей на определенном направлении подготовки).

В основном язык для профессиональных целей направлен на изучение терминологии научной и профессиональной области, овладение базовыми понятиями и концепциями, принятыми в данной сфере. Социолингвистическая компетенция, которую студенты приобретают в процессе изучения иностранного языка для общих и профессиональных целей, предполагает формирование знаний и умений, необходимых для применения языка и осуществления коммуникации с учетом социального контекста (i.e. регистры общения, принятые нормы и параметры в социальной и языковой среде, лингвистические маркеры, вариативность языка). Таким образом, у студента развивается способность самостоятельно осуществлять выбор языковых средств и форм построения речевого высказывания, стилистических приемов в зависимости от коммуникативной направленности, социального контекста и специфики речевого этикета. Овладение основами и тонкостями коммуникации на иностранном языке в рамках определенного социального контекста помогает студентам эффективно справляться с решением профессиональных задач, а также с вопросами в разных сферах жизнедеятельности.

Формирование лингвокультурологической компетенции студентов вуза обеспечивает наличие фоновых знаний и необходимо для развития способности обучающихся ориентироваться в культурных особенностях страны изучаемого языка для продуктивной трудовой деятельности и взаимодействия с представителями других культур. Помимо изучения самого языка студенты знакомятся с кодами, реалиями, историческими традициями, символами, концептами, категориями культуры и национальными особенностями носителей языка.

Наличие фоновых знаний существенно облегчает работу с лексикой, терминологическим аппаратом, представленными категориями в процессе восприятия содержания текстов, аудио и видеоматериалов, а также полного понимания лингвистического и культурного наследия изучаемого языка. Например, при освоении модуля «Политическое устройство Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии» студенты

Филиала МГУ имени М.В. Ломоносова работают с глоссарием, включающим лексические единицы, требующие знания исторического контекста для интерпретации языковой семантики (Chancellor of the Exchequer – Министр финансов, канцлер казначейства; Lord Chancellor – Лорд-канцлер, председатель палаты лордов, высшее судебное должностное лицо в Великобритании; Witenagemot – Витенагемот, народное собрание в англосаксонский период истории Англии, предшественник парламента Британии и др.).

Образовательный процесс в высшей школе предполагает постоянное совершенствование методологических подходов для повышения качества профессионально ориентированной иноязычной подготовки студентов. С этой целью также активно внедряются различные инновации и прогрессивные технологические решения. Современные технологии, широко используются в языковом образовании для решения различных дидактических задач. Новые образовательные программы и продукты предоставляют преподавателю возможность разнообразить учебные материалы, разработать гибкую систему тренировочных и тестовых заданий для формирования прочной базы лингвистических и фоновых знаний. Инновационные решения способствуют развитию иноязычных коммуникативных умений и навыков, составляющих структуру социолингвистической и лингвокультурологической компетенций студентов.

Примером актуальных и перспективных технологий в образовании являются разнообразные инструменты искусственного интеллекта. Согласно Федеральному закону №123-ФЗ от 24.04.2020 «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации-городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных», технологические решения на основе искусственного интеллекта включают в себя:

- информационные системы;
- информационно-телекоммуникационные сети и иные технические средства обработки информации;
- программное обеспечение (в том числе с использованием методов машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений [10].

На основе различных алгоритмов искусственного интеллекта разработаны следующие технологии: машинное обучение, обработка естественного языка, компьютерное зрение, автоматизированный перевод и многие другие.

Педагогическая проблема внедрения технологий искусственного интеллекта в образовательный процесс в высшей школе вызывает широкий интерес у отечественных исследователей. История возникновения и этапы развития технологий искусственного интеллекта, а также возможности некоторых программ рассматриваются в работе Бобуновой А.С. и Сергеевой М.Г. [1]. Частичный обзор систем искусственного интеллекта, перспективы и ограничения применения анализируемых технологий представлены в публикации Вешневой И.В. [3]. Методологические аспекты использования различных инструментов искусственного интеллекта в процессе преподавания иностранного языка рассматриваются в научных трудах преподавателей факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (Титова С.В. и др.), а также исследователей из Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина (Евстигнеев М.Н., Сысоев П.В.) [1–2; 4–9]. Публикации Титовой С.В. содержат подробные аналитические обзоры, примеры интегрирования продуктов на базе искусственного интеллекта в языковое образование и возможности решения дидактических задач [8]. Евстигнеев М.П. и Сысоев П.В. уделяют внимание уточнению терминологического аппарата в области искусственного интеллекта, а также вопросам разработки классификации программных решений на основе анализируемой технологии [6; 9].

В данной работе мы рассматриваем дидактические возможности технологии генеративного искусственного интеллекта (англ. Generative Artificial Intelligence или GenAI),

которые могут быть направлены на формирование компонентов социолингвистической и лингвокультурологической компетенций студентов вуза. Генеративный искусственный интеллект (далее генеративный ИИ) относят к прогрессивному типу искусственного интеллекта благодаря возможностям разработки нового продукта на основе синтеза и определения закономерностей из предоставленной исходной информации. Генеративный ИИ обладает способностью создавать творческий контент с уникальными свойствами в разном формате, включая текст, изображения, аудио и видео материалы, а также написание кода. Технология разработана на основе обучения больших массивов данных, что позволяет «генерировать» необходимый для использования продукт, его тип, стиль предъявления и тональность.

Среди решений и подмножеств генеративного ИИ стоит выделить:

- большие языковые модели (англ. LLM), предназначенные для распознавания, обработки и создания текстов, исходя из понимания контекста (e.g., ChatGPT, YandexGPT, Mistral);
- потоковые и мультимодальные модели, которые могут обрабатывать несколько типов и потоков данных одновременно (e.g., LLaVA, CLIP, DALL-E);
- генеративно-состязательные нейросети (англ. GANs) и нейронные сети-трансформеры (e.g., Gliglish, Notion AI, Kandinsky, Perplexity, Semantris, Suno, Twee);
- конструкторы курсов и заданий (e.g., Diffit, Teachguin.ai, Quizizz) и другие.

Для эффективного формирования компонентов социолингвистической и лингвокультурологической компетенций в процессе изучения иностранного языка в вузе преподаватель может задействовать комплекс инструментов генеративного искусственного интеллекта. Разнообразные технологические решения на базе генеративного ИИ целесообразно использовать для:

- введения нового учебного материала (визуальный ряд, опорные тексты, предтекстовые задания);
- закрепления пройденного ранее материала (лексика, грамматика, терминология);
- организации самостоятельной работы;
- автоматизации процесса создания образовательных и тренировочных текстов, а также заданий к тексту, аудио или видеофрагменту;
- разработки вспомогательных дидактических полимодальных материалов, направленных на отработку лингвистических единиц, закрепление понятий в предопределённом контексте в рамках изучаемой темы;
- создания материалов с учетом уровня владения языком обучающихся;
- проведения контрольных мероприятий с возможностью адаптации уровня сложности заданий.

Нейросети-трансформеры, конструкторы курсов и прочие технологические решения на базе генеративного ИИ способны создавать и синтезировать изображения социокультурной направленности, аудио и видео. Полученные продукты можно использовать на занятии по иностранному языку с целью формирования структурных компонентов выделенных компетенций, развития коммуникативных навыков, иноязычных речевых умений, а также для создания контента определенной социокультурной тематики и направленности.

Более того, применение инструментов генеративного интеллекта может быть направлено на развитие критического мышления и творческого потенциала студентов. Обучающиеся могут самостоятельно использовать программы на основе генеративного искусственного интеллекта для разработки индивидуального контента (текста, реалистичных графических изображений с опорой на изучаемый материал, аудиосопровождения, видеофрагментов, интерактивных квизов, презентаций и проектов) в рамках изучаемой темы для последующей совместной работы на занятии.

Современные инструменты генеративного искусственного интеллекта имеют хороший дидактический потенциал и могут быть использованы в качестве прогрессивного обучающего средства при изучении иностранного языка. Популярные сегодня технологические решения

на базе генеративного искусственного интеллекта (например, ChatGPT, YandexGPT, Monica, Midjourney) способствуют реализации комплекса культуросообразных подходов в современном языковом образовании студентов вуза. Изучение свойств и возможностей инструментов генеративного искусственного интеллекта, а также результаты исследований в области методического обеспечения образовательного процесса с применением инновационных технологических решений существенно обогащают сферу цифровой дидактики высшей школы. Внедрение программ и образовательных платформ, разработанных на основе искусственного интеллекта, позволяют существенно повысить качество профессионально ориентированной иноязычной подготовки студентов вуза.

Список литературы

1. *Ворожцова И.Б.* Основы лингводидактики. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальностям «Филология», «Теория и методика преподавания иностранных языков и литератур». Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2007. С. 17.
2. *Евстигнеев М.Н.* Планирование учебного занятия по иностранному языку с помощью технологий генеративного искусственного интеллекта // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Т. 29. № 3. С. 617–634.
3. *Евстигнеев М.Н.* Принципы обучения иностранному языку на основе технологий искусственного интеллекта // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. 2024. Т. 29. № 2. С. 309–323.
4. *Тарева Е.Г.* Система культуросообразных подходов к обучению иностранному языку // Язык и культура. 2017. № 40. С. 302–320.
5. *Титова С.В.* Технологические решения на базе искусственного интеллекта в обучении иностранным языкам // Вестник Московского университета. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27. № 2. С. 18–37.
6. *Сысоев П.В., Евстигнеев М.Н.* Интеграция технологий искусственного интеллекта в лингвометодическую подготовку будущих учителей иностранного языка // Язык и культура. 2025. № 69. С. 204–219. doi: 10.17223/19996195/69/10

УДК 81

РОЛЬ ОСОБЕННОСТЕЙ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Жарко Л.Н.
преподаватель
Зубцов Д.С.
учащийся

THE ROLE OF SPEECH ETIQUETTE IN INTERCULTURAL COMMUNICATION USING THE EXAMPLE OF THE FRENCH LANGUAGE

Ludmila N. Zharko,
Dmitriy S. Zubtsov

АННОТАЦИЯ. Цель данной статьи – рассмотреть особенности речевого этикета в межкультурной коммуникации на примере французского языка. Авторы констатируют факт, что одним из ключевых аспектов успешного общения между представителями разных культур является речевой этикет, который включает в себя нормы и правила, регулирующие поведение людей в процессе общения. Авторами дано определение понятия «речевой этикет».

Рассмотрены основные аспекты французского речевого этикета. Сделан вывод, что речевой этикет в межкультурной коммуникации играет важную роль для успешного взаимодействия представителей разных языковых культур.

Ключевые слова: этикет, речевой этикет, коммуникация, межкультурная коммуникация, французский язык.

ABSTRACT. The purpose of this article is to consider the features of speech etiquette in intercultural communication using the example of the French language. The authors state the fact that one of the key aspects of successful communication between representatives of different cultures is speech etiquette, which includes norms and rules governing the behavior of people in the process of communication. The authors' definition of the concept of "speech etiquette" is given. The main aspects of French speech etiquette are considered. It is concluded that speech etiquette in intercultural communication plays an important role for the successful interaction of representatives of different linguistic cultures.

Key words: etiquette, speech etiquette, communication, intercultural communication, French.

XXI век характеризуется беспрецедентными процессами глобализации и цифровизации, которые радикально трансформируют жизнь современного человека. Глобализация современного мира характеризуется в том числе стиранием границ, культурным сближением, увеличением мобильности как преподавателей, так и обучающихся и т.д. Все эти процессы сопряжены с межкультурной коммуникацией.

В Федеральном государственном образовательном стандарте основного общего образования прописаны результаты обучения иностранным языкам, одним из которых является развитие у учащихся чувства толерантности и стремления к изучению культур различных стран, включая страну, язык которой они изучают [7]. Одна из задач изучения иностранного языка заключается в формировании языковой личности, которая обладает способностью к коммуникации с представителями других культур. Для взаимопонимания и культурного диалога на международном уровне необходимы такие способы общения, в основе которых лежит толерантное отношение к другим народам, их традициям, обычаям и культурному наследию [5].

Одним из ключевых аспектов успешного общения между представителями разных культур является речевой этикет, который включает в себя нормы и правила, регулирующие поведение людей в процессе общения. «Il n'est qu'un luxe véritable, et c'est celui des relations humaines» (Антуан де Сент-Экзюпери) – «Есть единственная настоящая роскошь, и это роскошь человеческого общения» (авторский перевод). Отметим, что речевой этикет различается в зависимости от культурных традиций. Этот факт актуализирует тему данного исследования.

В рамках проводимого исследования нами использованы: метод лингвистического наблюдения (анализ русского и французского речевого этикета); сравнительно-сопоставительный метод (выявление особенностей французского речевого этикета).

Проведя анализ научных исследований, мы пришли к выводу, что специальные, комплексные работы по рассматриваемой теме отсутствуют. В лингвистических работах освещены теоретические вопросы речевого этикета (Н.И. Формановская) [10], условия использования единиц речевого этикета в зависимости от видов речевой деятельности (А.А. Акишина) [1; 2], способы управления коммуникативной деятельностью людей (И.А. Стернин, В.Е. Гольдин) [8]. А.Н. Байкулова приводит классификацию общения [3]. Т.В. Ларина рассматривает понятие «вежливость / невежливость» и утверждает, что оно шире понятия «речевого этикет» [6].

Понятие «речевого этикет» трактуется учеными по-разному (таблица 1).

Таблица 1. Контент-анализ определения понятия «речевого этикет»

Dictum – factum: от исследований к стратегическим решениям

№	Автор	Определение
1	Формановская Н.И.	Регулирующие правила речевого поведения, система национально специфичных стереотипных, устойчивых формул общения, принятых и предписанных обществом для установления контакта собеседников, поддержания и прерывания контакта в избранной тональности [9].
2	Балакай А.Г.	Система специфических языковых символов и правил их использования, принятых в данном обществе в данное время, с целью установления и поддержания речевых связей между собеседниками в соответствии с речевой ситуацией [4].
3	Стернин И.А.	Совокупность правил «хорошего тона», принятых в обществе для регулирования поведения и взаимодействия людей [8].

Таким образом, ученые сходятся в том, что речевой этикет – это система правил, которые используются в момент общения между людьми.

По нашему мнению, речевой этикет – это совокупность норм и правил вербального / невербального общения между людьми с соблюдением национальных особенностей и традиций говорящих, с использованием экстралингвистических элементов общения.

Речевой этикет, по нашему мнению, формируется под влиянием культурных, социальных и исторических факторов.

Французский язык, как любая языковая система, имеет свои уникальные особенности речевого этикета. Рассмотрим основные аспекты французского речевого этикета (таблица 2).

Таблица 2. Основные аспекты французского речевого этикета

№	Аспекты речевого этикета		Характеристика
1	Нормативный аспект	Формы обращения к собеседнику	• Вежливо-уважительная и формальная форма – на «Вы» (<i>vous</i>), дружеская – на «ты» (<i>tu</i>) (неправильный выбор формы обращения может привести к недопониманию или даже обиде). • Обязательное употребление имени собеседника или <i>Madame, Monsieur</i>, реже <i>Mademoiselle</i>.
		Вежливость и комплименты	• Употребление <i>s'il vous plaît, s'il te plaît; merci, excusez-moi</i> (игнорирование этих норм может быть воспринята как грубость). Прощание, как правило, заканчивается пожеланием <i>Bonne chance!</i> Используются и другие формулы: <i>Bon voyage! Bonne journée! Bonne soirée!</i> • Комплименты используются часто, но следует избегать навязчивости.
2	Коммуникативный аспект	Невербальная коммуникация	• Обязательный зрительный контакт с собеседником, что является проявлением заинтересованности к обсуждаемому вопросу. • Расстояние между собеседниками более близкое (нарушение установленной дистанции может вызвать дискомфорт). • Значение жестов может не совпадать или иметь разные толкования.
		Язык общения	Предпочтение отдается французскому языку, даже если собеседник допускает ошибки.

Dictum – factum: от исследований к стратегическим решениям

		Структура общения	• Обязательное представление себя, своей роли, затем переход к рассмотрению проблемы, что способствует созданию доверительной атмосферы. • Соблюдение иерархии.
3	Этический аспект	Уважение к собеседнику	Уважение мнения собеседника, даже если вы с ним не согласны. Следует избегать прямой, резкой критики.
		Темы для обсуждения	Как правило, не обсуждаются темы здоровья, финансового положения, политики, вероисповедания.

Таким образом, межкультурная коммуникация с французами требует осознанного и внимательного отношения к особенностям французского речевого этикета. Знание языковых тонкостей позволит избежать недоразумений, создать благоприятную атмосферу для общения и построить позитивные отношения.

Речевой этикет в межкультурной коммуникации играет важную роль для успешного взаимодействия представителей разных языковых культур. Он не только помогает избежать недопонимания, но и способствует созданию доверительных отношений в процессе общения. В условиях глобализации знание и соблюдение норм речевого этикета становится неотъемлемой частью эффективной коммуникации.

Список литературы

1. Акишина А.А., Формановская Н.И. Русский речевой этикет. Практикум вежливого речевого общения. М.: Ленанд, 2021. 184 с.
2. Акишина А.А., Формановская Н.И. Этикет русского письма. Учебное пособие. Издание 8-е. М.: Ленанд, 2016. 208 с.
3. Байкулова А.Н. Дружеское общение в парадигме обыденного общения / А.Н. Байкулова. Саратов: Известия Саратовского университета, 2010. № 4. С. 12–17.
4. Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета / А.Г. Балакай. М.: АСТ-ПРЕСС, 2001. 672 с.
5. Жарко Л.Н., Зубцов Д.С. Лингвострановедение как средство формирования вторичной языковой личности // Интеграция науки, технологий и образования: сборник материалов межвузовской конференции преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов с международным участием. Симферополь: АНО «ООВО» «УЭУ», 2023. С. 453–457.
6. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. С. 167–169.
7. Приказ Министерства образования и науки РФ от 17 декабря 2010 г. № 1897 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» С изменениями и дополнениями от 29 декабря 2014 г., 31 декабря 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.beledu.ru/storage/files/obschee_obrazovanie/fgos/fgos_ooo31122015.pdf (дата обращения 10.03.25).
8. Стернин И.А. Основы речевого воздействия. Учебное издание. Воронеж: «Истоки», 2012. 178 с.
9. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М.: Русский язык, 2002. 186 с.
10. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. 2-е изд. М.: Русский язык, 1987. С. 9.

**ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКО-ЭКСПЕДИЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ИНСТИТУТА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ СЕВАСТОПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

УДК [811.112.2-112:39]:001.891-057.875

**ЭКСПЕДИЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОТРЯДА
ИНСТИТУТА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
СЕВАСТОПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В 2024 ГОДУ**

Лобков А.Е.

кандидат филологических наук, доцент

**EXPEDITIONARY ACTIVITIES OF THE SEVASTOPOL STATE UNIVERSITY
INSTITUTE OF SOCIAL SCIENCES AND INTERNATIONAL RELATIONS
LINGUISTICS STUDENT GROUP IN 2024**

Aleksandr Ye. Lobkov

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена учебно-исследовательской экспедиционной деятельности лингвистического отряда ИОНМО по изучению истории возникновения и бытования немецких поселений в Крыму. Автор дает характеристику четырем этапам организации экспедиций и выделяет навыки и умения, формируемые у студентов во время поездок. Подробно рассматриваются результаты двух полевых исследований 2024 года, проведенных в местах расположения бывших немецкоязычных колоний Кроненталь, Судак и Герценберг. Особенное внимание уделяется проблеме выявления и фиксации языкового материала на надгробных памятниках старых немецких кладбищ.

Ключевые слова: учебно-исследовательская экспедиция, полевое исследование, языковое многообразие Крыма, эпиграфика, немецкие колонии Крыма, Кроненталь, Судак, Герценберг, Феодосия

ABSTRACT. The article is devoted to the educational and research expeditionary activities of the Institute of Social Sciences and International Relations Linguistics Student Group focused on the study of the establishment and existence of the German colonies in Crimea. The author characterises the four stages of expedition organisation and highlights skills and abilities acquired by students during the expeditions. The results of two 2024 field studies conducted in the former German-speaking colonies of Kronental, Sudak and Herzenberg are discussed in detail. Special attention is paid to the issue of identifying and documenting linguistic material from the tombstones of old German cemeteries.

Key words: educational and research expedition, field study, language diversity of the Crimea, epigraphy, German colonies of Crimea, Kronental, Sudak, Herzenberg, Feodosia.

Экспедиционная деятельность студентов переводческого и лингвистического отделений кафедры «Теория и практика перевода и зарубежная филология» Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета – направление молодое. Лингвистический отряд был сформирован в сентябре 2023 года. За два года его работы в экспедиционной деятельности приняли участие около 30 студентов.

Экспедиции являются формой выездной внеурочной учебно-исследовательской деятельности и помогают преодолеть межпредметную обособленность знаний, объединить теоретическую и практическую стороны изучаемого материала, поддержать и развить интерес

к профильным языковым дисциплинам, сплотить на основе общих увлечений и опыта.

Первоначально в качестве основного иностранного языка при проведении экспедиционной работы был выбран немецкий, который многие студенты изучают как второй иностранный. Исходя из этого, был разработан тематический план, предусматривающий системное изучение истории возникновения и бытования немецких поселений в Причерноморье.

Однако при подготовке и проведении экспедиций помимо немецкого оказались задействованы и другие языки, изучаемые на кафедре (латинский, английский и французский). Как известно, культурное многоязычие является характерной чертой истории Крыма. Но надписи на греческом, арабском, армянском и древнееврейском представляли для участников экспедиций определенный вызов, который, возможно, послужит некоторым из них мотивацией к дальнейшему изучению языков и выбору профессии лингвиста. Так что можно с уверенностью утверждать, что деятельность лингвистического отряда в дальнейшем будет расширена за счет других языков.

Каждая учебно-исследовательская экспедиция проходит в четыре этапа:

1) подготовительный этап, предполагающий проработку специальной литературы, выработку маршрута, определение задач и плана экспедиции, освоение методов полевых исследований;

2) непосредственно полевые исследования: фиксация текстов надписей на надгробиях немецких кладбищ, интервьюирование местных жителей, работа с материалами при посещении музеев, ознакомительные прогулки для знакомства с ландшафтом и историей места, общение с краеведами;

3) камеральный этап, заключающийся в обработке, осмыслении и обобщении собранного материала, оформлении экспедиционного дневника, определении перспектив дальнейших исследований;

4) презентационный этап, связанный с подготовкой докладов и статей по собранным материалам и представление итогов экспедиционной работы научному сообществу.

В ходе экспедиций активно развивается познавательная самостоятельность студентов, в особенности ее мотивационная, содержательно-операционная и волевая стороны. У студентов появляется опыт в сфере будущей профессиональной деятельности и вырабатывается целый ряд навыков и умений, среди которых отметим следующие:

- поиск и критическая оценка исторических источников;
- лингвистический анализ и перевод текстов, отстоящих от современности порой на столетия;
- филологическое и историческое комментирование текстов;
- документирование, описание и публикация эпиграфических надписей;
- самостоятельная научная работа и научное мышление;
- поддержание межкультурной коммуникации (понимание причин межкультурного барьера и механизмов его преодоления);
- культура публичного выступления (взаимодействие с аудиторией).

Во время первого экспедиционного сезона 2023 года были организованы две поездки, в ходе которых отрабатывались разные аспекты экспедиционной деятельности и методы сбора лингвистического и этнографического материала. 5 октября состоялась однодневная поездка в село Золотое Поле Кировского района Республики Крым, на месте которого в 1805–1941 гг. располагалась швейцарско-немецкая колония Цюрихталь. В период с 30 ноября по 12 декабря прошла экспедиция в город Сухум Республики Абхазия, вблизи которого в 1884–1941 гг. существовали немецкие колонии Гнаденберг и Нейдорф. По результатам поездок были оформлены экспедиционные дневники «Судьбы немецкоязычных поселений в Крыму: колония швейцарцев Цюрихталь» и «По местам немецких поселений и следам культурного присутствия немцев в Абхазии», хранящиеся в дирекции ИОНМО СевГУ.

Во время экспедиционного сезона 2024 года также были совершены две поездки. 30 мая прошла экспедиция в немецкую колонию Кроненталь, существовавшую в 1810–1941 гг. (ныне

село Кольчугино Симферопольского района Республики Крым), а 12–14 декабря экспедиция в города Судак и Феодосию, рядом с которыми в 1805–1941 гг. располагались немецкие колонии Судак (ныне городской район Уютное) и Герценберг (ныне село Пионерское). Дневники экспедиций «Судьбы немецкоязычных поселений в Крыму: колония Кроненталь» и «Немецкоязычные поселения в Восточном Крыму: колонии Судак, Отузы и Герценберг и немецкий форштадт Феодосии» также хранятся в дирекции ИОНМО СевГУ.

Кратко охарактеризуем ход и итоги этих экспедиций.

В однодневной поездке в Кроненталь приняли участие 11 студентов переводческого и лингвистического отделений. Цель – изучение истории появления немецкой колонии Кроненталь (известной также под названием Булганак), выявление следов материальной культуры, сбор языковых и этнографических материалов, связанных с жизнью и деятельностью колонистов.

Полевой этап состоял из двух частей. Первая – прямое знакомство с местностью исследуемой колонии и с сохранившимися материальными объектами. Данные непосредственного наблюдения сверялись со сведениями, полученными в ходе предварительной проработки старых топографических карт и различных описаний колонии на немецком и русском языках.

Ядро бывшей немецкой колонии Кроненталь имеет компактную планировку: две улицы, первоначально расположенные в виде перевернутой буквы «Г». На перекрестке улиц сохранилось здание земской больницы, открытой в 1891 г. и работающей по сей день. Инициатором ее постройки была Мария Матвеевна Шлее-Люстих, многие годы проработавшая в Кронентале врачом. Ее имя, как и имена других представителей немецкоязычных семейств Шлее и Люстих, тесно связано с историей Крыма. На улицах сохранилось множество старых одноэтажных домов, причем большинство с просторными чердачными крышами. Можно говорить о сохранившейся целостной застройке последней трети XIX – начала XX вв. Черты какой-то особенной, типично немецкой архитектуры зданий не выявлены. Центр колонии образовывали две церкви: католическая, построенная в 1863 г., и лютеранская, освященная в 1866 г. Обе они сохранились, однако в настоящее время бывшая католическая церковь действует как православный храм Рождества Христова, а бывшая лютеранская как римско-католический храм Успения Пресвятой Девы Марии.

Вторая часть исследований проходила на немецком кладбище (площадью около 14 000 м²), непосредственно примыкавшем к колонии. Оно использовалось для захоронения как католиков, так и лютеран. По некоторым сведениям, католиков хоронили с левой стороны от входа, а лютеран – с правой. Кладбище находится в запущенном состоянии. Часть памятников скрыта в густых зарослях сирени, другая – практически скрылись под землей. Большинство надгробий опрокинуты, часть плит и крестов разбиты, фрагменты разбросаны по всей территории, склепы разрушены. По словам местных жителей, надгробные камни часто использовались при строительстве разных зданий. После выселения немцев в 1941 г. кладбище продолжало функционировать, причем новые захоронения располагались зачастую поверх старых могил колонистов. Помимо антропогенного, на уничтожение памятников, и в особенности надписей на них, влияют и природные факторы – атмосферные осадки, лишайники и мхи.

Учитывая вышесказанное, документирование памятников представляло определенную трудность. Поэтому было решено провести обход территории некрополя, чтобы составить общее представление о состоянии и расположении надгробий для организации специальной экспедиции по полноценному документированию сохранившихся памятников. Для практики методов фиксации эпиграфического материала около 20 памятников были изучены более подробно (включая непосредственное наблюдение надписи, ее фотодokumentирование с разных сторон и под разными углами, снятие эстампажа).

В ходе исследования использовался и метод устного опроса. Общение с местными жителями носило спонтанный характер, они охотно шли на контакт, однако знали явно мало об истории села и его довоенном населении. Несмотря на то, что сообщенные сведения имели

недостоверный или малодостоверный характер, они представляют интерес для исследования процесса мифологизации исторического прошлого крымских немцев в памяти современного населения Крыма. В дальнейших исследованиях колонии Кроненталь целесообразным представляется подробное интервьюирование старожилов и местных краеведов, а также онлайн-интервьюирование потомков колонистов.

В трехдневной экспедиции в Судак и Феодосию участвовали 5 студентов разных курсов (пятого, четвертого и второго) переводческого отделения. Цель – изучение истории появления немецких колоний Судак (район Уютное г. Судака), Отузы (ныне Щebetовка), Герценберг (ныне Пионерское) на Восточном берегу Крыма и немецкого форштадта в Феодосии, сбор языкового и документального материала, связанного с жизнью и деятельностью немецких колонистов и горожан.

Первые два дня экспедиции были посвящены полевым исследованиям в Судакe. Проникнуться «духом места» помогали описания колонии на разных этапах ее существования на немецком и русском языке и старые открытки с видами поселения начала XX в., с которыми мы соотносили наши непосредственные наблюдения.

Немецкая колония Судак располагалась у подножия Генуэзской крепости и состояла из нескольких десятков одноэтажных домиков с черепичными крышами, окруженными садами и виноградниками (отметим также, что к судакской колонии относилось несколько дворов немецких колонистов в татарской деревне Отузы). Старые фотографии передают идиллическую картину жизни немецкого поселения. Ее следов в современности обнаружить практически не удалось: вся территория плотно застроена, а дома колонистов, если и сохранились, надстроены и перестроены до неузнаваемости. По центру колонии пролегла ранее мощенная, а сейчас заасфальтированная улица. Ядро колонии формировала лютеранская церковь, построенная в 1887 г. К настоящему времени внешний вид церкви претерпел изменения – утрачена колокольня. Здание принадлежит музею-заповеднику «Судакская крепость» и на данный момент, очевидно, никак не используется. Сразу за лютеранской «киркой» стоит средневековый храм (XIII–XV вв.), ныне – православная церковь святой Параскевы. Вплоть до постройки собственной церкви немецкая община использовала этот храм для своих богослужений. Справа от лютеранской церкви располагалось здание школы, оно не сохранилось, а на его месте сейчас находится лапидарий, в котором представлены могильные памятники со старого городского кладбища, уничтоженного при строительстве поликлиники в 1980-х гг. Всего в лапидарии находится 32 надгробия, в том числе три с немецкими надписями. Все они были задокументированы и расшифрованы.

Параллельно с исследованиями на месте колонии осмотрели Генуэзскую крепость с целью сбора материала для большого сопоставительного исследования «Морская торговля и особенности культурного обмена в зрелое и позднее Средневековье: Ганзейский союз (побережье Северного и Балтийского морей) и итальянские торговые республики Венеция и Генуя (побережье Средиземного и Черного морей)».

Дальнейшие исследования проходили на немецком кладбище (площадью около 3 000 м²), расположенном на склоне холма на въезде в немецкую колонию со стороны Судака. Вероятно, ранее кладбище занимало большую территорию. На настоящий момент оно с двух сторон огорожено забором из металлических прутьев; в верхней части его ограждает сплошная глухая бетонная стена, отделяющая территорию от прилегающих домов. Со стороны дороги сохранилась кладка старой стены, очевидно, времен существования колонии. Вход не обустроен, единственный доступный заход – с левого нижнего края со стороны дороги.

В связи с краткостью светового дня полевая работа на немецком кладбище проводилась в ограниченном объеме. За кладбищем никто не ухаживает, практически все надгробия опрокинуты, многие из них разбиты на куски, вся территория изобильно поросла опунциями и колючими кустарниками, затрудняющими подход к памятникам. Обход кладбища показал, что на нем сохранилось не менее пятидесяти надгробий самых разных форм – в виде крестов, стел, тумб, горизонтальных и вертикальных плит, кубов и необычных монументов.

Сохранность надписей на большинстве памятников крайне неудовлетворительна. Это

объясняется как воздействием атмосферы и органической среды (лишайники, мхи), так и непрофессиональной очисткой памятников с применением абразивных инструментов. Несколько надгробий изучили более подробно с целью документации трудночитаемых надписей. Снятие эпиграфики – работа трудоемкая, требующая особой тщательности. Для очистки поверхности памятника от грязи использовали мягкую тряпку, а для прочистки рельефа надписи – щетку с мягкой щетиной. Для фиксации надписей применяли различные методы: снимали эстамп (прикладывали лист бумаги на надпись и бережно заштриховывали мягким карандашом, чтобы перенести текст на бумагу); подсвечивали фонариком под разными углами, чтобы сделать рельеф более контрастным; фотографировали с разных ракурсов для последующей обработки через графические редакторы; наносили небольшой слой мела; протирали надпись тряпкой с глинистым раствором, заполняющим рельеф букв.

Эпиграфика надгробных памятников является уникальным источником по истории колонии. Как правило, надгробные надписи содержат основные сведения об усопшем – его имя, даты рождения и смерти. Нередко они дополнены эпитафией, представляющей библейскую цитату или фрагмент из евангелическо-лютеранского песнопения.

По результатам исследовательско-разведочной работы на немецком кладбище в Судаке можно с уверенностью предположить, что большинство надписей, а также часть надгробных памятников в течение ближайших нескольких лет будут полностью утрачены. Одним из возможных путей противостояния энтропии является создание «цифрового двойника» кладбища.

Познавательным было знакомство с коллекцией Судакского исторического музея. Он расположен в двухэтажном особняке Федора Федоровича Функа, немецкого винодела и управляющего имением князя К.А. Горчакова «Архадерессе»; биография Функа на данный момент остается неразработанной. В экспозиции музея, рассказывающей об истории региона в разные периоды, есть также материалы, связанные с жизнью в немецкой колонии (шкаф из дома колонистов, вышивки, семейные фотографии и ряд других документов), а также отдельная выставка, посвященная жизни и деятельности московского аптекаря-немца Владимира Карловича Феррейна (а также членов его семьи), приобретшего во второй половине XIX в. в Судаке дачу и землю для выращивания винограда и лечебных трав. Дача Феррейна не сохранилась, а вот ее местонахождение закрепилось в языковой памяти судакчан под названием «фирейка» или «гора Фирейная».

Третий день экспедиции был посвящен исследованиям в Феодосии. В первой половине дня мы изучали немецкую колонию Герценберг, располагавшуюся посреди восточного склона хребта Тепе-Оба, в нескольких километрах от города; знакомились с особенностями ландшафта и искали, но пока безуспешно, материальные свидетельства существования немецкого поселения, что неудивительно, так как колония насчитывала в лучшие годы не более десяти дворов. Герценберг связывали с Феодосией две проселочные дороги – одна, с восточной стороны, проходила по Немецкой балке, другая, с южной стороны, спускалась в старую часть города, где располагались базары. Первоначально размещение колонии вблизи города было вызвано необходимостью организации снабжения горожан овощами, молочными и мясными продуктами.

Так как кладбище колонистов обнаружить не удалось, то за сбором эпиграфического материала отправились на старое городское кладбище (Всесвятское). Оно занимает большую территорию и находится в полузапущенном состоянии. Выборочно в разных частях кладбища провели осмотр надгробий самых разных видов, на которых встретились и были задокументированы надписи на греческом, французском, итальянском и немецком языках. В качестве примера можно привести некоторые из них.

Надпись на надгробии (аналой) четы Шмиттов: *Mein Gott, ich / hoffe auf Dich; / laß mich nicht / zu Schanden / werden! / Und ich / werde bleiben / im Hause / des Herrn / immerdar. / Georg Schmit<t> / † 6. October 1880 / Alt 80 Jahr. / Elisabetha Schmitt / geb. Oster / Alt 80 Jahr. / † 5. October 1888 («Боже мой! на Тебя уповаю, да не постыжусь [Пс 24: 2]. И я пребуду в доме*

Господнем многие дни [Пс 22: 6]. Георг Шмитт, сконч. 6 октября 1880 в возрасте 80 лет. Элизабет Шмитт, урожденная Остер, в возрасте 80 лет скончалась 5 октября 1888»).

Надпись на надгробии (в виде прямоугольной вертикальной тумбы) Софии Кованько: *ci-git / Sophie Kovagnko / née Lagorio / 1814–1882 / priez pour elle. / Bienheureux ceux / qui ont le coeur net, / car ils verront Dieu* («Здесь покоится София Кованько, урожденная Лагорио. 1814–1882. Молитесь за неё. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят [Мт 5: 8]»).

Надпись на надгробии (в виде горы Голгофы – композиции из основания, сложенного из камней, и креста в форме ствола дерева с обрубленными ветвями) Иосифа Викентьевича Дуранте: *Giuseppe / Durante / di Vincenzo / natoli 2 Agosto 1846 / mortoli 8 Giugno 1895. / Он был человек! («Джузеппе Дуранте ди Винченцо, родился 2 августа 1846, скончался 8 июня 1895. Он был человек!»).*

Надпись на надгробии (в виде часовни-столба) матушки Константины: *ΕΙΘΑΔΕΚΗΤΕ / ΗΔΟΥΑΙΤΟΥΘΕΟΥ / ΣΟΙΙΣΠΡΕΖΒΗ / ΤΕΡΑΣ / ΚΟΙΣΤΑΙΤΙΗ / ΑΔΟΥ / ΓΕΙΗΘΙΣ 1812 / ΙΘΑΙΠΤΙΣ 1878*. Надпись, вероятно, вырезал русский мастер, который некоторые греческие буквы передал в русском написании: И вместо Ν, Д вместо Δ, У вместо Υ; перепутал в одном месте Ζ и Σ; а также допустил другие неточности. Наиболее вероятным греческим вариантом было бы: *ΕΝΘΑΔΕ ΚΗΤΕ Η ΔΟΥΛΙ ΤΟΥ ΘΕΟΥ ΣΩΝΙΣ ΠΡΕΣΒΗΤΕΡΑΣ ΚΟΝΣΤΑΝΤΗΝΙΑΔΟΥ. ΓΕΝΗΘΙΣ 1812. ΙΘΑΝΙΤΙΣ 1878* (Здесь покоится раба Божия священника Сониса жена Константины. Родилась 1812. Скончалась 1878).

Работа на феодосийском некрополе требует в дальнейшем системного исследования. Многоязычие надгробных надписей ярко свидетельствуют о мультикультурном характере городской среды.

Вторая половина дня была посвящена осмотру башен и стен Генуэзской крепости, знакомству с экспозицией Музея древности (где представлено много каменных плит и других артефактов с надписями на арабском, армянском, греческом и латинском языках) и с творчеством великого уроженца Феодосии И.К. Айвазовского в Картинной галерее, носящей его имя. Общение с местными краеведами и музейными работниками показало, что специальных исследований о колонии Герценберг и горожанах немецкого происхождения не существует, что позволяет говорить о новаторском характере научно-исследовательской деятельности лингвистического отряда.

Полевые исследования завершались вечерним ежедневным подведением итогов, на котором участники делились своими наблюдениями и впечатлениями, разбирали проделанную за день работу и формулировали задачи на следующий день. Конечно, предусматривалось время и на досуг (совместное чтение художественной книги, тематически связанной с данным местом, экскурсия по достопримечательностям, праздничный ужин с неформальным общением).

Следует особо отметить содержательное взаимодействие во время экспедиции научного руководителя (наставника) и студентов на предмет личностного развития обеих сторон, когда в ходе живого непосредственного общения две стороны чувствуют, что их слышат, уважают и ценят.

Пока все учебно-исследовательские экспедиции носили разведочный характер с широким охватом самых разных аспектов изучения следов материального присутствия немецких колонистов. Как это ни странно, тема бытования немецких поселений в Крыму и в Абхазии в исторической науке и в краеведении изучена довольно слабо. Поэтому экспедиции-разведки имеют целью выявление и обследование мест немецких поселений, сбор и накопление источников для создания достоверной базы знаний об истории и культуре немцев Крыма. Такая работа необходима также для проведения сравнительных исследований немецких колоний, располагавшихся в разных частях Российской империи.

Экспедиции-разведки постепенно необходимо дополнять стационарными экспедициями, предполагающими исследование узкой направленности. Так, в ходе поездки в Судак было выявлено старое немецкое кладбище. Группа провела его первичное обследование. В план экспедиционной работы на 2025 год включена многодневная поездка в

Судак с конкретной целью изучения данного некрополя. В ходе полевых исследований планируется подробно описать современное состояние кладбища, являющегося своеобразным материально представленным местом памяти, связанным с историей немецкой колонизации Причерноморья. Исследование предполагает выявление и фотофиксацию всех имеющихся надгробий, документирование надгробных надписей и их расшифровку, рассмотрение типов надгробий и их декоративных особенностей, сбор сведений о погребенных лицах с опорой на исторические документы.

По материалам экспедиций участниками сделано 8 докладов на научных конференциях: II Молодежная научно-практическая конференция, посвященная дню Российской науки в Севастопольском государственном университете (8 февраля 2024 г., г. Севастополь), VIII Международная научная конференция «Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока» (3–8 июня 2024 г., г. Севастополь), II Межрегиональная научно-практическая конференция «Севастополь: история и этнология» (19 июля 2024 г., г. Севастополь) и I Международная научно-практическая конференция «Климентовские чтения» (29 ноября 2024 г., г. Севастополь) и подготовлено 7 публикаций [1–7].

Завершить отчет об экспедиционной деятельности хочется впечатлениями самих студентов от поездок: «Поездка была отличная! Было очень интересно побывать в бывшей немецкой колонии, походить по ней, взглянуть в ее историю. К тому же, попрактиковать немецкий язык всегда полезно! Хотелось бы чаще бывать в таких поселениях»; «Почувствовала себя настоящим исследователем. Так здорово узнавать, как раньше в этих местах жили настоящие немцы! Кроме того, учиться читать готический шрифт было очень увлекательно»; «Экспедиция в Кроненталь показала, как оживает сухая история фактов! Было классно!»; «Всегда приятно быть в кругу единомышленников! Общение и взаимопонимание – ключ к решению прикладных и теоретических задач»; «Сохранение истории – самый главный аспект подобных поездок»; «Это были продуктивные три дня, мы много работали и общались, любуясь прекрасными видами. Мы получили незабываемые эмоции и уникальный опыт, который пойдет нам на пользу при дальнейших исследованиях»; «После экспедиции в Судак и Феодосию убедилась в том, что правильно выбрала профессию. Было очень радостно, когда нам удавалось разглядеть какую-то букву или цифру, которых не было в предшествующих исследованиях. Помимо нашей работы по изучению эпитафий, где я узнала много методов их расшифровки, мы увидели много достопримечательностей, а для меня, как для заядлого путешественника – это особый вид наслаждения!».

Список литературы

1. *Лысенко Е.В.* К вопросу о годе основания и числе немецких колоний в Абхазии // Сборник материалов II Молодежной научно-практической конференции, посвященной дню Российской науки в Севастопольском государственном университете, Севастополь, 08 февраля 2024 г. Севастополь: СевГУ, 2024. С. 241–242.
2. *Лобков А.Е.* К истории появления немецких колоний в Абхазии в 1879–1884 годах // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: в 2-х т. Материалы VIII Международной научной конференции, Севастополь, 03–08 июня 2024 г. М.: Институт востоковедения РАН, 2024. Т. 2. С. 38–41.
3. *Лобков А.Е., Колесникова В.А.* О первом историческом обзоре раннего периода существования немецкой колонии Кроненталь в Крыму // Парадигмы истории и общественного развития: сборник научных трудов. Вып. 31. Севастополь: Севастопольский государственный университет, 2025. С. 83–87.
4. *Лобков А.Е., Покрышук С.А.* Основные источники для изучения истории первого периода существования немецкоязычной колонии Цюрихталь // Парадигмы истории и общественного развития: сборник научных трудов. Вып. 31. Севастополь: Севастопольский государственный университет, 2025. С. 88–92.

5. Лобков А.Е., Покрышук С.А. Первый постоянный лютеранский пастор в Севастополе: попытка реконструкции биографии Франца Гильденгагена // Севастополь: история и этнология. Сборник материалов II Межрегиональной научно-практической конференции, Севастополь 19 июля 2025 г. Симферополь: Антиква, 2025. (в печати)

6. Лобков А.Е., Колесникова В.А. О периодах в развитии немецкой колонии Кроненталь // Севастополь: история и этнология. Сборник материалов II Межрегиональной научно-практической конференции, Севастополь 19 июля 2025 г. Симферополь: Антиква, 2025. (в печати)

7. Лобков А.Е., Шагин А.В. Предварительные результаты полевых исследований кладбищ немецких колоний в Крыму и Абхазии // Севастополь: история и этнология. Сборник материалов II Межрегиональной научно-практической конференции, Севастополь 19 июля 2025 г. Симферополь: Антиква, 2025. (в печати)

УДК 81-112:908(292.47)

ЯЗЫКОВАЯ МОЗАИКА КРЫМА: ПРОЕКТЫ ЭКСПЕДИЦИОННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОТРЯДА

Лобков А. Е.

кандидат филологических наук, доцент

Покрышук С. А.

студент

LANGUAGE MOSAIC OF CRIMEA: PROJECTS OF THE LINGUISTICS STUDENT GROUP

Aleksandr E. Lobkov

Sofiiia A. Pokryshchuk

АННОТАЦИЯ. В статье представлены проекты студенческого лингвистического отряда ИОНМО, посвященные языковому многообразию Крыма в разные исторические периоды. Несмотря на первоначальную нацеленность на поиск и изучение немецких надписей, в ходе экспедиций члены отряда сталкивались с памятниками письменности на других языках, что расширило сферу их интересов и позволило определить новый вектор развития экспедиционной деятельности. Отмечено, что в рамках лингвистической деятельности внимание уделяется не только иностранным языкам, но и русскому. Перечислены уже завершённые исследования и те, работа над которыми ведется в настоящее время. Описаны идеи будущих проектов по сбору письменного, речевого и фольклорного материалов.

Ключевые слова: языковая мозаика, Крым, экспедиционная деятельность, надпись, эпиграфика, топоним, заимствование, речевой материал, фольклор.

ABSTRACT. The article presents the projects of the Institute of Social Sciences and International Relations Linguistics Student Group, devoted to the language diversity of Crimea throughout different historical periods. Despite the group's initial focus on the search and study of German inscriptions, during the expeditions its members came across written records in other languages, which broadened the scope of their interests and allowed to define a new direction for the development of the expeditionary activities. It is noted that within the framework of linguistic activities attention is paid not only to foreign languages, but also to the Russian language. Completed studies as well as those still in progress are listed. Ideas for future projects involving the collection of written, speech and folklore materials are described.

Key words: language mosaic, Crimea, expeditionary activities, inscription, epigraphy, toponym, borrowing, speech material, folklore.

Наверное, всем с детства знакома игрушка калейдоскоп – цилиндр с разноцветными стеклышками самых разных размеров и форм внутри. Заглянув в него, видишь яркое соцветие, но стоит только повернуть в руке трубочку, как этот пестрый ковер с хрустящим шорохом рассыпается, а на его месте возникает новая мозаика.

По такому принципу раскрывается и многоязычность Крымского полуострова. Сейчас в мозаике языков преобладают русский, украинский, крымскотатарский и татарский. Слабо мерцают армянский, греческий, караимский, крымчакский, болгарский, немецкий и другие языки. Но если поворачивать калейдоскоп вспять, то в разные исторические эпохи языковая мозаика будет складываться самым причудливым образом.

История Крыма связана со многими этносами. Некоторые из них (тавры, киммерийцы, скифы) не обладали письменной культурой, о них нам известно из письменных источников других народов или благодаря археологическим находкам. О бытовании других этносов свидетельствует эпиграфика на древнегреческом, латинском, армянском, арабском и древнееврейском языках, встречающаяся на памятниках в самых различных местах.

Разобраться в многообразии пестрой языковой мозаики полуострова пытаются члены экспедиционного лингвистического отряда Института общественных наук и международных отношений СевГУ.

Первоначально экспедиционная деятельность была направлена на изучение истории немецких поселений в Крыму. Основным языком, с которым велась работа при планировании экспедиций и в полевых условиях, был немецкий. Хотя на подготовительном этапе востребованными оказались также английский и французский. Более того, в ходе экспедиций встречались письменные памятники и на других языках. Члены лингвистического отряда фиксировали их, чтобы в дальнейшем проводить целевые экспедиционные поездки для изучения элементов крымской языковой мозаики.

Опишем ряд лингвистических проектов, реализуемых в настоящий момент и планируемых к реализации в ближайшее время.

Во время полевых исследований значительная часть работы связана с описанием старых немецких кладбищ с целью создания базы сохранившихся могил. Некрополи в бывших немецких поселениях находятся в крайне запущенном состоянии, надгробные памятники опрокинуты и разрушены, декоративные элементы и надписи повреждены.

Конечно, предметом сугубо лингвистического интереса является надгробная надпись, которая строится по определенной системе: начальная формульная фраза (*Hier ruht in Gott, Hier ruhet im Frieden* – «Здесь покоится в Господе», «Здесь покоится в мире»), базовый формуляр (имя и фамилия погребенного, у замужних женщин указывается также девичья фамилия; даты рождения и смерти), заключительная формульная фраза (*Sanft ruhe seine Asche, Friede deiner Asche* – «Покой его праху», «Мир твоему праху»). Реже встречаются эпитафии. Обычно они расположены сразу после надгробной надписи, либо с обратной стороны надгробия. Эпитафии могут быть как стихотворными, так и прозаического характера; они могут быть представлены цитатой из Библии; стихом из гимна или церковного песнопения; цитатой из литературного произведения; надписью, выражающей горе и скорбь близкого усопшему/усопшей человека.

В качестве примера приведем надгробную надпись на могиле Якоба Зебольда на колониистском кладбище в Судак: *Hier ruhet in Gott / Jakob / Sebold / geb. d. 22. November / 1848 / gest. d. 9. Juni 1888. / Friede deiner Asche! / bis dich einst dein Jesus ruft! / Lehre uns bedenken, daß / wir sterben müssen, auf daß / wir klug werden* (Здесь покоится в Господе Якоб Зебольд, род. 22 ноября 1848, сконч. 9 июня 1888. Мир твоему праху. Пока тебя снова не призовет твой Иисус. Научи нас так счислять дни наши, чтобы нам приобрести сердце мудрое).

Особенность этой надписи заключается в том, что в ней используется еще одна заключительная формульная фраза (в сокращенном виде) – цитата из псалма 90 Библии Лютера 1545 года (псалм 89 в русском синодальном переводе).

Затрагивая вопрос расшифровки, следует отметить, что помимо плохой сохранности надписей сложность представляют и особенности их написания, готический шрифт. При переводе библейских текстов, как правило, используется русский синодальный перевод, поэтические эпитафии переводятся как буквально, так и в поэтическом переложении. Имена собственные также представляют определенную трудность: в некоторых случаях их удается найти в сохранившихся источниках на русском языке, в других – придерживаться стоит традиции транслитерации имен, принятой в XIX веке.

К лингвистическим проектам междисциплинарного характера относится работа с источниками по истории немецких колоний в Крыму. Из-за языкового барьера многие из них не введены в научный оборот и не востребованы в кругу отечественных специалистов. В их число входит один из ценных документов – донесения общин причерноморских немецких поселений за 1848 г., среди которых имеются также краткие обзоры истории становления первых колоний в Крыму, основанных в 1804–1810 гг. Шесть обзоров (Цюрихталь, Гейльбрун, Нейзац, Фриденталь, Кроненталь, Судак, Герценберг) были опубликованы в сборнике «Донесения общин немецких поселений в Причерноморье за 1848 год», подготовленном М. Вольтнер в 1941 г. [9]. Еще два (Кроненталь, Розенталь) были включены в сборник «Немецкие католические колонии в Причерноморье. Донесения сельских правлений касательно возникновения и развития этих колоний в первой половине XIX века», подготовленном Й. А. Малиновским в 1927 г. [8]. Участниками лингвистического экспедиционного отряда уже сделан ряд докладов и публикаций, раскрывающих контекст появления обзоров и их особенности [4; 5]. В настоящее время готовится перевод всех восьми донесений на русский язык с подробным историко-филологическим комментарием и сопоставительным анализом.

Среди текущих проектов можно выделить и работу по изучению языкового материала колонистов (на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях), которая требует накопления письменных источников за авторством крымских немцев. Промежуточным результатом здесь выступает попытка систематизации русских заимствований в подобных текстах, сделанная на основе уже выявленных документов.

Еще одним направлением лингвистической деятельности является изучение особенностей местной топонимики, так как многочисленные этносы, населявшие Крымский полуостров в разные исторические периоды, давали населенным пунктам и прочим местам собственные названия, либо приспосабливали уже существовавшие к нормам своего языка. В работе экспедиционного отряда подход к топонимам – комплексный, с применением разных методов (этимологический, исторический, формантный), что позволяет проследить историю их появления и выделить топонимообразующие элементы.

К примеру, немецкие поселения в Крыму возникли на местах брошенных татарских деревень, поэтому нередко имели двойное название – новое, данное колонистами, и старое, татарское, закрепленное в языковой памяти крымских татар и на топографических картах. Так, в указателе к карте Южного Крыма Петра Кеппена приведены названия первых восьми немецких колоний, причем рядом с немецким названием большинства из них указано татарское: Гейльбрун (Heilbrunn) – Утемиш эли, Нейзац (Neusatz) – Чукурча, Розенталь (Rosenthal) – Шабан (Чобан?) Ова, Фриденталь (Friedenthal) – Хантокуз, Цюрихталь (Zürichthal) – Яйлав (Джайлау) [7].

Особенности топонимики прослеживаются и в других случаях. Например, колония Судак была основана рядом с развалинами генуэзской крепости Солдайя и не носит немецкого названия. Любопытна судьба появления названия колонии Герценберг (Herzenberg), которая первоначально называлась Феодосийской немецкой колонией или Терлиценберг (Terlitzenberg) и возникла на месте татарского Паша-баг.

Еще одна колония – Кроненталь (Kronenthal) была основана на реке Булганак, на землях, приобретенных властями специально для расселения колонистов. В современной литературе нередко можно встретить следующую интерпретацию топонима: «царская долина» или «королевская долина», что якобы свидетельствует о самых благоприятных

условиях для проживания. Но такое понимание идет в разрез с историей, поскольку на первых порах колонисты, столкнувшись с крайне неблагоприятными погодными условиями и общей необустроенностью, просили власти о переселении в другие места, в чем им было отказано. Кроме того, название поселению дали не сами жители, а смотритель крымских колоний И.И. Гзель [9, S. 38]. В таком контексте топоним может быть рассмотрен как образование из двух слов *Krone* – «казна» и *Tal* – «долина», т. е. буквально – «казенная долина», селение в долине на казенных землях. Удивительно еще и то, что уже с начала 1890-х гг. Кроненталь стал официально именоваться Булганак: в 1891 г. Таврическое губернское правление приняло постановление о переименовании поселений с нерусскими названиями; новые имена должны были отвечать специфике исторического развития населенных пунктов. У сельского правления Кроненталья документы, подтверждающие немецкое название, почему-то, отсутствовали. Поэтому колония получила имя Булганак по названию протекающей вблизи реки, гидронима, образованного от тюрк. «мутный», «грязный».

С краеведческой, лингвистической и литературоведческой точек зрения интерес представляет изучение фольклора колонистов. Сохранилось множество текстов немецких народных песен, записанных во второй половине 1920-х гг. в ходе фольклорно-диалектологических экспедиций в Крым. Сейчас они хранятся в Санкт-Петербурге, в архивах собирателей: Э.Г. Иогансон, Л.Р. Зиндера и В.М. Жирмунского. Примером работы с таким материалом может служить песня «Швейцарский парень» (*Der Schweizerbursch*) в исполнении Вильгельмины Реберг из колонии Кроненталь (видеозапись, сделанная в 1996 году, доступна в интернете). Эта песня, выражающая острую тоску по родине, представлена разными вариантами в Германии и в других странах. Сопоставительный анализ даст возможность выявить особенности кронентальской версии. Кроме того, можно сравнить текст песни в исполнении В. Реберг и Бенно Вебера (фонографическая запись сделана Л.Р. Зиндером в августе-сентябре 1928 г. в колонии Кроненталь).

Фольклорные исследования могут быть интересны и студентам с крымскотатарскими корнями: на русском и немецком языках сохранилось множество соответствующих материалов. Попытка их обратного перевода на крымскотатарский любопытна как своего рода реконструкция оригинала с максимальным соблюдением всех стилевых особенностей.

Также разрабатывается идея создания интерактивной карты легенд и преданий Крыма, связанных с определенным географическим местом.

Как было отмечено выше, лингвистический отряд, в основном работающий с немецким языком, во время экспедиций сталкивается с памятниками письменности, свидетельствующими о языковом и культурном многообразии Крымского полуострова. Подавляющее большинство находок – иноязычные надписи на надгробных плитах и на объектах архитектуры (культовых постройках, фонтанах, зданиях разного типа). Письменность такого рода, как старинная, так и современная, обладает историко-культурной значимостью и вызывает неподдельный интерес с лингвистической точки зрения. Поэтому планируется расширить область лингвистической деятельности и включить в нее проекты, связанные с языковыми предпочтениями участников. Отметим, что студенты Института общественных наук и международных отношений СевГУ имеют возможность изучать латинский, английский, немецкий, французский, испанский, японский, арабский языки.

Например, при посещении музея-заповедника «Судакская крепость» внимание привлекала надпись на латинском языке на алтарном обрамлении в средневековом храме: *IN : XIPI : NOMINE AMEN : M <> XXII DIE : III : IANUA <...> OPUS FECI / T : FIERI DOMINE : <...> : <CA>T ALANU<S> : XIP CUSTODIAT (Во имя Христа, аминь. В лето 1<>23, января в день 4, <...> сооружение повелел возвести господин <> <Каталано>. Христос защитит).* Еще одна латинская надпись разобрана нами на закладной плите в феодосийском Музее древностей, извлеченной из одной из башен Генуэзской крепости в Каффе: *TENPORE * MAGNIFICI * DOMI<N>I * BATISTE * IVSTI / NIANI * CONSVLIS * M * CCC<C>LXXIII (В год пребывания в должности консула великого господина Батисты Джустиниани 1474).*

Но если основы латыни изучали все члены лингвистического отряда, то вычурная

письменность других языков вызывала у них эстетический восторг. Надписи на древнегреческом, армянском, древнееврейском и арабском, зафиксированные во время полевых исследований, пока еще представляют трудность, а может – даже вызов, для участников экспедиций.

Отдельный проект сфокусирован на сборе и изучении иноязычной эпиграфики периода Крымской войны 1853–1856 гг. В первую очередь речь идет о надписях на памятниках французским и английским воинам, погибшим или умершим во время осады Севастополя. На данный момент их осталось совсем немного. Кроме того, изучается эпиграфика на могилах воинов русской армии, в состав которой входили представители разных этнических групп, в том числе и русские немцы. Приведем несколько примеров иноязычных надписей.

На Третьем бастионе (Большом Редане) сохранился монумент в память о павших англичанах: *In memory / of / those who fell / in the trenches / and assaults upon the / Redan, / 1855* («В память тех, которые пали в траншеях и при атаках на Редан. 1855»).

На Малаховом кургане в 1856 году в память о погибших французских и русских (а по другой версии – британских) воинах был установлен памятный деревянный крест (позднее, в 1871 году, он был заменен на каменный монумент) с надписью: *8 Septembre 1855. / Unis pour la victoire / Réunis par la mort / Du soldat c'est la gloire / Des braves c'est le sort* (Смысловой перевод: «8 сентября 1855. «Они сошлись победы ради, И смерть соединила их; Погибнуть для солдата – слава, У храбрецов такой удел»).

На Братском кладбище сохранилось несколько надгробий защитников Севастополя с надписями на немецком языке. На надгробной плите Карла фон Турского значится: *Karl v. Tursky / Lieutenant von der / 14 Artillerie Brigade / Fiel für's Vaterland / den 4. August 1855. / Ei wie so selic schläfst du / nach manchem schwerem Stand, / und liegst nun da in süßser Ruh, / in deines Heilands Hand* («Карл фон Турский, поручик 14-й артиллерийской бригады. Пал за Отечество 4 августа 1855. Ах, как блаженно упокоился ты после долгих тяжелых испытаний и отныне находишься в сладостном покое в объятиях Спасителя»).

Два историко-лингвистических проекта посвящены средневековым готам и англосаксам.

«Готский» вопрос – один из спорных в истории Крыма. В последнее время вновь наблюдается повышенный интерес к проблеме пребывания готов на полуострове, что связано с открытием А.Ю. Виноградовым в 2015 г. пяти готских граффити на двух фрагментах мангупской базилики (сер. IX–X вв.), а позднее – готской надписи на скале в Староселье, Бахчисарай (XIV–XV вв.) [1]. Упомянутые письменные свидетельства пребывания готов в Крыму опровергают общепринятую версию, согласно которой крымско-готский язык был бесписьменным. Следствием такого открытия может быть, например, пересмотр некоторых надписей, которые, как считается, сделаны на греческом языке. Вернуться стоит также к наскальным граффити или знакам и вновь рассмотреть их на предмет готского происхождения.

Еще более спорным является вопрос о возможности существования средневековых английских поселений в Крыму. Речь идет об англосаксах, которые после нормандского завоевания в 1066 г. покинули родину и поступили на службу к византийскому императору. В благодарность за оказанные услуги последний передал им во владение земли, которые, как предполагают исследователи, находились на Крымском полуострове и сопредельных с ним территориях.

Наиболее серьезной публикацией по этой теме является статья Джонатана Шепарда «Еще одна “Новая Англия”? – Поселение англосаксов на побережье Черного моря» (1974) [12]. После воссоединения Крыма с Россией британские историки вновь обратили внимание на этот «примечательный» эпизод в мировой истории, о чем свидетельствуют две статьи Кейтлин Грин, популяризирующей идеи Дж. Шепарда, одна из которых была опубликована в самом читаемом британском историческом журнале «Би-би-си хистори мегазин» [10; 11].

В рамках переводческой практики студентами 4 и 5 курсов был выполнен перевод

статей Дж. Шепарда и К. Грин на русский язык. Обсуждение содержащихся в них сведений и источников станет предметом специального заседания историко-филологического кружка студентов и преподавателей ИОМО, на котором будет принято решение о публикации выполненных переводов и целесообразности организации специальной экспедиции по местам предполагаемых англосаксонских поселений в рамках научно-просветительской летней школы «Крымская кругосветка».

Конечно, большое внимание уделяется не только мертвым и живым иностранным языкам, но и русскому. Исследования русского языка продвигается в самых разных направлениях. Так, вслед за А.Г. Горнфельдом ведется работа по выявлению крымских заимствований и их системному изучению, что позволит выявить особенности крымско-русских языковых контактов на разных исторических этапах. Русский язык пополнился лексикой самого разного характера – географической, бытовой, сельскохозяйственной, рыболовецкой и пр. Примерами проникновения крымских слов в русский язык могут служить «суровская лавка», «кафимский узел», «кефекиль», «корсунчик», «султанка», «катавлаг», «тальян» и др. [2; 3].

Интерес представляют и особенности русского языка, используемого жителями Крыма в обиходе. Уже ведется подготовка к экспедициям для изучения лингворегиональной специфики и сбора фольклорных материалов. Исследование устной речи носителей русского языка в процессе живого общения позволит выявить и зафиксировать ее фонетическое, лексическое и грамматическое своеобразие. На основе собранных в ходе полевых исследований сведений планируется составить лингворегионоведческий словарь с лексикой, отражающей исторические и культурные реалии Крыма.

Приведем возможный пример словарной статьи: «топик» – название микроавтобусов, закрепившееся в языке севастопольцев. В конце 1990-х гг. городскими властями для решения транспортной проблемы была закуплена большая партия южнокорейских 15-местных микроавтобусов модели *Asia Topic*. Они не были первыми в городе, так как по улицам уже курсировали советские «рафики», произведенные на Рижской автобусной фабрике. Но «топики», как их сразу окрестили, оказались очень востребованными, ведь позволяли, пусть и по коммерческой цене, быстро передвигаться по городу. И хотя уже в начале 2000-х гг. эти автобусики исчезли с городских улиц, уступив место другим автобусам особо малого класса – «Газелям», «Фордам Транзитам», «Мерседес-Бенцам Спринтерам» и «Фольксвагенам», многие севастопольцы по языковой памяти все еще продолжают называть все маршрутные такси «топиками». Примеры языкового употребления: «Сейчас на топик сяду и приеду», «Какой топик идет в центр?», «А этот топик куда идет?».

Предметом исследования является также языковая политика, проводимая структурами региональной власти Севастополя и Крыма и общественными институтами. Анализируется опыт молодежного словарика, изданного Государственным комитетом молодежной политики Республики Крым, содержащий предложения по замене иностранных и сленговых слов русскими литературными [6]. Идея языковых запретов и чистоты языка нам, лингвистам, не близка. Уже сейчас в речи молодежи появляется большое количество новых слов, многие из которых отличаются явной экзотичностью. Например, от подростков часто можно услышать что-то вроде: «Твои наушники просто имба!»; существительное «имба» (от англ. *imbalance*) – англицизм, вошедший в употребление во многом благодаря компьютерным играм. На молодежном сленге лексема означает «мощный, лучший», образует прилагательное «имбовый» с теми же значениями. Другие примеры языкового употребления: «Ты видел его новую куртку? Это просто имба!», «Этот фильм – имба, такой крутой!», «Шашлычки на даче в такую погоду – имба!», «Ты видел этот имбовый мем, Я смеялся два часа», «Твой друг реально имбовый игрок, никогда не пропускает голы». Тем не менее, несмотря на возможные трудности в понимании новых слов, стоит помнить о том, что язык – это открытая, динамичная система, которая развивается и непрерывно пополняется, а также – непосредственно откликается на общественно-политические процессы.

В заключение обзора проектов экспедиционной деятельности лингвистического отряда

отметим, что культурное и языковое разнообразие Крыма следует рассматривать как ценное достояние России. Крым – место пересечения великих цивилизаций Запада и Востока, свидетельством чему являются не только многочисленные артефакты, но и языковое наследие, составляющее удивительную мозаику.

Благодаря экспедиционной деятельности студенты, осознанно выбравшие специальности, связанные с иностранными языками, получают возможность реализовать на практике знания, умения и навыки, приобретенные в процессе обучения, и открывают для себя новые сферы в мире лингвистики.

Описанные выше проекты, реализация которых уже идет, только начинается или планируется, отражают круг интересов участников на данный момент. Но языковая палитра может расширяться за счет экспедиционной деятельности в другие регионы России и в зарубежные государства, в частности – Абхазию, Египет и Марокко, с которыми ИОНМО СевГУ развивает сотрудничество.

И последняя – по счету, но не по значению – ремарка заключается в том, что, хотя костяк лингвистического отряда составляют переводчики, лингвисты и филологи кафедры «Теория и практика перевода и зарубежная филология», его участниками могут стать студенты других специальностей, готовые разрабатывать и реализовывать междисциплинарные проекты.

Список литературы

1. Виноградов А.Ю., Коробов М. Крымско-готский язык и письменность в позднее Средневековье: доклад на конференции «Языки народов России на социолингвистической карте Восточной Европы XV–XVII вв.» (ПСТГУ, 30 августа 2021 г.). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=NtjxjlojXsw> (дата обращения 27.03.2025).
2. Лобков А.Е. Слово в диалоге культур: о крымских заимствованиях в русском языке // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы V Международной научной конференции, Севастополь, 02–06 июня 2021 года. М.: Институт востоковедения Российской академии наук, 2021. С. 159–162.
3. Лобков А.Е. Крымские заимствования как источник пополнения и развития лексики русского языка // Эпистола. Филологический журнал. 2021. Т. 1, №2. С. 32–44.
4. Лобков А.Е., Колесникова В.А. О первом историческом обзоре раннего периода существования немецкой колонии Кроненталь в Крыму // Парадигмы истории и общественного развития: сборник научных трудов. Вып. 31. Севастополь: Севастопольский государственный университет, 2025. С. 83–87.
5. Лобков А.Е., Покрыщук С.А. Основные источники для изучения истории первого периода существования немецкоязычной колонии Цюрихталь // Парадигмы истории и общественного развития: сборник научных трудов. Вып. 31. Севастополь: Севастопольский государственный университет, 2025. С. 88–92.
6. Молодежь, говори по-русски: Молодежный словарь. Симферополь, 2023.
7. Указатель к карте южного Крыма, принадлежащей к Крымскому сборнику Петра Кеппена. СПб.: при Императорской Академии Наук, 1836. 70 с.
8. Die deutschen katholischen Kolonien am Schwarzen Meere: Berichte der Gemeindeämter über Entstehung und Entwicklung dieser Kolonien in der ersten Hälfte des neunzehnten Jahrhunderts / Hrsg. v. J. A. Malinowsky. Stuttgart: Ausland und Heimat Verlags-Aktiengesellschaft, 1927. 36 S.
9. Die Gemeindeberichte von 1848 der deutschen Siedlungen am Schwarzen Meer / Bearb. v. M. Woltner. Leipzig: S. Hirzel, 1941. XVIII, 230 S.
10. Green C. The medieval ‘New England’: a Forgotten Anglo-Saxon Colony on the North-Eastern Black Sea Coast [Электронный ресурс]. URL: <https://www.caitlingreen.org/2015/05/medieval-new-england-black-sea.html> (Дата обращения: 18.12.2024).

11. Green C. A Medieval New England: the Anglo-Saxons' Eastern Odyssey // BBC History Magazine. Christmas 2019. P. 43–47.
12. Shepard J. Another New England? – Anglo-Saxon Settlement on the Black Sea // Byzantine Studies. Vol. I. 1974. № 1. P. 18–39.

УДК 811.112.2'373.45:161.1(=112.2:292.47)

РУССКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЯЗЫКЕ НЕМЕЦКИХ ПОСЕЛЕНЦЕВ КРЫМА

Лобков А. Е.

кандидат филологических наук, доцент

Колесникова В. А.

студент

RUSSIAN LOANWORDS IN THE LANGUAGE OF GERMAN SETTLERS IN CRIMEA

Aleksandr E. Lobkov

Valentina A. Kolesnikova

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются особенности процесса лексических заимствований из русского языка в язык немецких поселенцев Крыма. Для понимания причин заимствований выделяются три этапа в истории крымских немцев, отличающихся разной степенью интеграции колонистов в российское общество и языковой политикой властей. Материалом исследования послужили тексты, написанные крымскими немцами. Отмечается, что в первую очередь в немецкий язык поселенцев заимствуются реалии, имеющие отношение к быту и административно-общественному укладу, необходимые для коммуникации с русскоязычным окружением.

Ключевые слова: лексические заимствования, реалии, языковые контакты, немецкие колонии Крыма.

ABSTRACT. The article highlights the features of the process of lexical borrowing from Russian into the language of the German settlers in Crimea. Three stages in the history of the Crimean Germans are suggested, characterised by varying degrees of the colonists' integration into Russian society and by the language policy of the authorities. The research is based on texts written by the Crimean Germans. It is noted that, first of all, into the German language of the settlers were borrowed realia necessary for communication with Russian-speaking people, which are related to everyday life, as well as the administrative and social structure.

Key words: lexical borrowings, realia, language contacts, Crimean German colonies.

В развитии любого языка процесс лексических заимствований вполне естествен и обычен. Языковые контакты немецких колонистов, переселившихся в Россию в XVIII-XIX вв., также повлекли за собой множество заимствований из русского языка в немецкий. Вопрос о русских заимствованиях в языке поволжских немцев был подробно рассмотрен в работах Г.Г. Дингеса [1] и Ф.П. Шиллера [5] конца 1920-х гг. По их данным, за период с момента переселения в Россию и до окончательного установления советской власти в язык немцев Поволжья проникло около 1500 русских заимствований. В.М. Жирмунский, в 1920-е гг. изучавший фольклор и диалекты немецких колонистов Ленинградской губернии, Украины, Крыма и Закавказья, отмечал, что «влияние русского языка заметнее на Волге, чем у черноморских немцев, которые, именно благодаря своей зажиточности, более обособлены от окружающего населения. При этом русское влияние обнаруживается почти исключительно в области лексики: от своих соседей колонисты заимствовали ряд названий для предметов и деятельности крестьянского обихода, с которыми они впервые познакомились на новой

родине» [3, с. 181].

Первый этап немецкой колонизации Крыма пришелся на начало XIX в. В 1804-1810 гг. появились первые немецкие колонии – Цюрихталь, Гейльбрун, Нейзац, Фриденталь, Розенталь, Герценберг, Судак с небольшим поселком в Отузах, Кроненталь. Колонисты были выходцами из разных земель Германии (в основном из Вюртемберга и Бадена) и Швейцарии (в основном из кантона Цюрих). Многие из этих колоний к середине XIX в. достигли определенного уровня благосостояния, что позволило им покупать земли и образовывать «дочерние» поселения или выселки. Второй этап массовой немецкой колонизации Крыма пришелся на 1860-е гг. и связан с переселением немцев как из Германии, так и из разных регионов Российской империи (в частности, в Крыму поселяются немцы-меннониты).

Понятно, что немцы в Крыму в силу различного происхождения и религиозной принадлежности не представляли единой этнокультурной общности. Факт формирования особого типа крымских немцев как цельного языкового и культурного сообщества (подобно поволжским или балтийским немцам) требует подтверждения конкретными материалами. В настоящее время следует признать, что языковые особенности немцев Крыма остаются малоизученными.

Основная цель данного исследования состоит в выявлении лексических заимствований, проникших из русского языка в язык немецких поселенцев Крыма. Под русскими заимствованиями понимаются не только исконно русские лексемы, но и все лексические единицы, вошедшие в немецкий язык через посредство русского.

Материалом исследования послужили источники на немецком языке, имеющие непосредственное отношение к немецким поселениям в Крыму, в том числе шесть «кратко изложенных исторических обзоров основания и существования колоний», составленных сельскими правлениями в 1848 г. [6]; письма немцев Крыма, опубликованные в разных изданиях; газетные статьи и различные печатные издания, ориентированные на немцев в Крыму. Обнаруженные заимствования в зависимости от времени их первой печатной публикации отнесены к нижеописанным трем интеграционным этапам, но такое распределение является предварительным и основано только на непосредственно проработанных источниках. Естественно, что по мере работы с новыми текстами время появления некоторых заимствований в языке немецких колонистов Крыма может корректироваться в пользу более ранних этапов.

Практически все заимствования связаны с проникновением в язык колонистов русских реалий. В толково-словообразовательном словаре Т.Ф. Ефремовой реалии определяются как «предметы или явления материальной культуры, этнонациональные особенности, обычаи, обряды, а также исторические факты или процессы, обычно не имеющие лексических эквивалентов в других языках» [2]. Основными типами реалий являются: реалии государственного строя и общественной жизни, бытовые реалии, этнографические реалии, реалии мира природы, исторические реалии, ономастические реалии и ассоциативные реалии.

На протяжении долгого времени немецкое население Крыма было одноязычно. В соответствии с этим и процесс заимствования не отличался интенсивностью. Предварительная гипотеза состоит в том, что появление русских заимствований в немецком языке зависело от степени социальной, экономической или политической интеграции немецких переселенцев в российское общество.

На данный момент можно выделить следующие три этапа:

1. Этап культурной самоизоляции (1804–1871 гг.).

Особый статус колониста выделял немецких переселенцев от прочих групп населения в Крыму. Места, отведенные немецким колонистам, естественно, были заселены исключительно немецкоязычным населением. Немецкий язык доминировал как в повседневной, так и во всех сферах общественной жизни.

В этот этап заимствования относятся, прежде всего, к сфере быта, а точнее к единицам измерения и денежным единицам: *die Dessjatine/Dessetine, die Werst, das Tschetwert, der Werschok, das Wedro, der Rubel, die Kopeke*.

Встречаются и этнографические реалии, описывающие этнические общности Крыма: *der Tartare/Tatar*, вероятно, уже был знаком колонистам, а вот этноним *Nogaizen* является явным заимствованием.

К реалиям общественно-политического устройства следует отнести слово *der Mursa*.

В большом количестве в язык колонистов заимствовались ономастические реалии, представленные в большей степени топонимами *Kosslow/Kasslow*, *Baktschisarai*, *Sewastopol*, *Simferopol/Simpheropol*, *Karasubazar/Karassubasar*, *Suja*, *Teodosia/Feodosia*, *Kertsch*, *Armjansk*, *Cherson*, *Perekop* и многими другими. У составных топонимов слова-определения могут переводиться на немецкий язык: *Старый Крым* – *Alt-Krimm*, *Сухой Индол* – *trockener Jeindol*.

2. Этап мягкой русификации (1871–1914 гг.).

В 1870-х гг. принимается ряд законов, направленных на интеграцию немецких колонистов в российское общество: они утрачивали статус колониста и приравнивались к крестьянам как поселенцы. Также для них отменялись привилегии и внутреннее самоуправление, вводилась в обязанность воинская служба, делопроизводство переводилось на русский язык, преподавание в школах большинства предметов должно было вестись на русском языке.

В данный период происходит дальнейший рост числа заимствований из бытовой сферы: единицы измерения *das Pud*, *der Arschin*; лексемы жилищно-имущественного характера *das Chutor*, *das Ambar*, *der Bastan*; народные праздники *die Mosljanize*.

В употребление входят реалии административно-территориального и общественно-политического устройства Российской империи *der Urjadjnik*, *der Pristav*, *der Stanowoi*, *der Mursak*, *der Tschumak*, *die Duma*, *die Wolost*, *der S'chod*. Немцы усваивают такие реалии общественных отношений, как *das Bakschisch* и *der Magaritsch*. Встречается также военная реалия *das Pulemet*.

3. Этап принудительной интеграции в общественную жизнь (1914–1941 гг.).

Во время Первой мировой войны, революции 1917 года, Гражданской войны и первых двух десятилетий советской власти происходит значительное расширение языковых и культурных контактов немецких поселенцев и их вовлечение в кардинальные политические процессы в стране. Моноэтничность немецких деревень размывается за счет подселения представителей других национальностей, в основном – русских. Закон о «Ликвидации немецкого землепользования в России» 1915 года и принудительная коллективизация 1920-х гг. разрушили основы частного крестьянского хозяйства и оторвали зажиточных немецких поселенцев от земли, послужив толчком для разных миграционных потоков – эмиграция, ссылка в лагеря и переселение в города (в двух последних случаях с капитальным погружением в русскую языковую среду).

Среди бытовых реалий в это время встречаются *die Lineika*, *die Arbuse*.

Реалии государственно-административного устройства и общественной жизни представлены словами *das Semstwo*, *Ujesdnaja Semskaia Uprawa*, *der Bolschewik*, *der Kulak*, *der Nöpmann*, *der Komsomol*, *der Opportunist*.

Источники на немецком языке, из которых выше приведены примеры русских заимствований, фиксируют определенный период их появления. Оговоримся еще раз, что он имеет ориентировочный характер и будет уточняться по мере обработки новых источников.

Кроме того, интересный материал по бытованию русских заимствований в языке крымских немцев можно почерпнуть из воспоминаний Теодора Эйзенбрауна, происходившего из семьи колонистов Фриденделя [7]. С языковой и культурной точек зрения этот источник представляет для исследователей высокую ценность [4].

В 1879 г. отец Эйзенбрауна вместе с несколькими другими колонистами выкупил земли владельческой деревни Булатчи, где они основали выселок Ней-Фридендель (ныне село Прямое). Личная биография автора, полная трагических перипетий, вписана в более широкий контекст, охватывающий временной отрезок с момента поселения немцев в Крыму в начале XIX века и до их выселения в августе 1941 года. Воспоминания Эйзенбрауна были опубликованы в 1960 г. в ФРГ и адресованы немецкому читателю, незнакомому с

особенностями жизни и быта крымских колонистов, что проявляется, в частности, в подборе немецких эквивалентов или пояснений к русским реалиям.

В тексте воспоминаний содержатся русские заимствования, представляющие: бытовые реалии *Deßjatine, Sashen, Pud, Sorokowka, Rubel, Chutor, Lobogrejka, Baraban, Kascha, Machorka*; реалии государственного строя и общественной жизни *Zar, Mursak, Rasylnoi, Kasjonka, Magaritsch, Wolost, Semskaia uprawa, Duma, Sowjet, Sowchosa, Bolschewik, Kulak, Exploitor, Agitor, die GPU*; реалии мира природы *Zyrenke*. Последнее слово примечательно тем, что у этого кустарника, растущего практически в каждом палисаднике, в немецком языке есть прямой эквивалент *Flieder*, но, вероятно, русское уменьшительно-ласкательное название «сиренька», звучало для немецкого уха более мелодично, потому и было заимствовано колонистами.

Подводя краткий итог предварительных наблюдений над языком немцев Крыма, можно отметить следующее:

1. Вполне предсказуемо, что рост числа заимствований в немецком языке наблюдается по мере постепенного изменения социально-политического статуса немецких колонистов и языковой политики государства по отношению к ним.

2. В XIX веке в первую очередь заимствуются реалии, имеющие отношение к быту и административно-общественному укладу, необходимые для коммуникации с окружающим колонистов русскоязычным населением.

3. Немецкие колонисты считали свой уровень культурного развития более высоким, чем у окружающих их национальностей, что во многом определяло изолированное проживание и минимальные языковые контакты.

4. Изменения социально-экономического уклада и социально-политического устройства России в 20–30-х гг. XX века повлекли за собой отрыв немецких крестьян от собственной земли и привели к фактическому двуязычию как неизбежному следствию интеграции в общественную жизнь нового коллективного строя.

Список литературы

1. Дингес Г.Г. О русских словах, заимствованных поволжскими немцами до 1876 года // Ученые записки Саратовского государственного университета. Т. VII. Вып. 3: Педагогический факультет. Саратов: Саратовский государственный университет, 1929. С. 195–236.

2. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/279123/реалии> (дата обращения 27.03.2025).

3. Жирмунский В.М. Проблемы колониальной диалектологии // Язык и литература. Т. III. Л.: Научно-исследовательский институт сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока, 1929. С. 179–220.

4. Меркурьева В.Б. Воспоминания крымских немцев (лингвокультурологические наблюдения) // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. 2016. № 2. С. 193–203.

5. Шиллер Ф.П. О влиянии войны и революции на язык немцев Поволжья // Ученые записки института языка и литературы. Т. III. Лингвистическая секция. М.: Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук, 1928. С. 67–87.

6. Die Gemeindeberichte von 1848 der deutschen Siedlungen am Schwarzen Meer / Bearb. v. M. Woltner. Leipzig: S. Hirzel, 1941. XVIII, 230 S.

7. Eisenbraun Th. Ausschnitte über die Ansiedlung, sowie die wirtschaftliche und kulturelle Entwicklung und der Untergang der deutschen Siedlungen in der Krim // Heimatbuch der Deutschen aus Rußland. Stuttgart: Landsmannschaft der Deutschen aus Rußland, 1960. S. 5–31.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бармина Евгения Александровна

Кандидат филологических наук, доцент, кафедра «Теория и практика перевода и зарубежная филология», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: e.a.barmina@mail.sevsu.ru.

Белюсова Екатерина Дмитриевна

Студент, кафедра «Теория и практика перевода и зарубежная филология», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: ekaterina.belousova.2003@gmail.com.

Брагина Эльмира Раясовна

Кандидат филологических наук, доцент, отдел междисциплинарных научных исследований, инноваций и подготовки научно-педагогических кадров, Государственное бюджетное учреждение «Институт экономических исследований»; г. Донецк, Россия, e-mail: elmirabragina1973@mail.ru.

Вержевская Людмила Владимировна

Студент, кафедра «Теория и практика перевода и зарубежная филология», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: liudmyla.ver@yandex.ru.

Глотова Александра Валерьевна

Старший преподаватель, кафедра дисциплин общего профиля, Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, Севастополь, Россия, e-mail: glotova@glotova.com.

Жарко Людмила Николаевна

Преподаватель цикловой методической комиссии экономических дисциплин и гостиничного дела, Симферопольский политехнический колледж, Симферополь, Россия, e-mail: luda041@yandex.ru.

Зубцов Дмитрий Сергеевич

Учащийся 10 класса, «Скворцовская школа», Скворцово, Россия, e-mail: luda041@yandex.ru.

Колесникова Валентина Александровна

Студент, кафедра «Теория и практика перевода и зарубежная филология», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: valentina.kolesnikova02@yandex.ru.

Кострыкина Маргарита Андреевна

Студент, кафедра «Теория и практика перевода и зарубежная филология», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: ritakostrykina@gmail.com.

Лобков Александр Евгеньевич

Кандидат филологических наук, доцент, кафедра «Теория и практика перевода и зарубежная филология», Институт общественных наук и международных отношений,

Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: aelobkov@sevsu.ru.

Москаленко Ольга Александровна

Кандидат филологических наук, доцент, кафедра «Теория и практика перевода и зарубежная филология», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: kerulen@bk.ru.

Патрашку Сергей Олегович

Ассистент, кафедра «Теория и практика перевода и зарубежная филология», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: houndofjustice44@gmail.com.

Покрышук София Артемовна

Студент, кафедра «Теория и практика перевода и зарубежная филология», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: s.pokryshchukk@mail.ru.

Самойленко Наталия Борисовна

Доктор педагогических наук, доцент, кафедра «Теория и практика перевода и зарубежная филология», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: sevschool@yandex.ru.

Сдобников Вадим Витальевич

Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка и перевода, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, e-mail: sdobnik@lunn.ru, artist232@rambler.ru.

Скидан Ольга Геннадьевна

Кандидат филологических наук, доцент, кафедра «Теория и практика перевода и зарубежная филология», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: skidan_ua@mail.ru.

Стадник Анна Алексеевна

Студент, кафедра «Теория и практика перевода и зарубежная филология», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: anuta-sta@yandex.ru.

Тарасова Кира Эдуардовна

Преподаватель, кафедра «Теория и практика перевода и зарубежная филология», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: tarasova.kira@gmail.com.

Федотова Виктория Евгеньевна

Студент, кафедра «Теория и практика перевода и зарубежная филология», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: fedotova_evp@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Barmina Evgenia A.

PhD in Philology, Associate Professor, the Department of Theory and Practice of Translation and Foreign Philology, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: e.a.barmina@mail.sevsu.ru.

Belousova Ekaterina D.

Student, the Department of Theory and Practice of Translation and Foreign Philology, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: ekaterina.belousova.2003@gmail.com.

Bragina Elmira R.

PhD in Philology, Associate Professor, the Department of Interdisciplinary Scientific Research, Innovations, and Training of Scientific and Pedagogical Personnel, State Budgetary Institution “Institute of Economic Research”, Donetsk, Russia; e-mail: elmirabragina1973@mail.ru.

Fedotova Viktoriya E.

Student, the Department of Theory and Practice of Translation and Foreign Philology, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: fedotova_evp@mail.ru.

Glotova Aleksandra V.

Senior Lecturer, the Department of General Disciplines, Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, Sevastopol, Russia, e-mail: glotova@glotova.com.

Kolesnikova Valentina A.

Student, the Department of Theory and Practice of Translation and Foreign Philology, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: valentina.kolesnikova02@yandex.ru.

Kostrykina Margarita A.

Student, the Department of Theory and Practice of Translation and Foreign Philology, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: ritakostrykina@gmail.com.

Lobkov Alexandr Ye.

PhD in Philology, Associate Professor, the Department of Theory and Practice of Translation and Foreign Philology, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: aelobkov@sevsu.ru.

Moskalenko Olga A.

PhD in Philology, Associate Professor, the Department of Theory and Practice of Translation and Foreign Philology, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: kerulen@bk.ru.

Patrashku Sergei O.

Assistant, the Department of Theory and Practice of Translation and Foreign Philology, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: houndofjustice44@gmail.com.

Pokryshchuk Sofiia A.

Student, the Department of Theory and Practice of Translation and Foreign Philology, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: s.pokryshchukk@mail.ru.

Samoylenko Natalia B.

Doctor of Science in Pedagogy, Associate Professor, the Department of Theory and Practice of Translation and Foreign Philology, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: sevschool@yandex.ru.

Sdobnikov Vadim V.

Doctor of Science in Philology, Associate Professor, Professor, the Department of English and Translation, Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, e-mail: sdobnik@lunn.ru, artist232@rambler.ru.

Skidan Olga G.

PhD in Philology, Associate Professor, the Department of Theory and Practice of Translation and Foreign Philology, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: skidan_ua@mail.ru.

Stadnik Anna A.

Student, the Department of Theory and Practice of Translation and Foreign Philology, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: anuta-sta@yandex.ru.

Tarasova Kira E.

Teacher, the Department of Theory and Practice of Translation and Foreign Philology, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: tarasova.kira@gmail.com.

Verzhevskaya Ludmila V.

Student, the Department of Theory and Practice of Translation and Foreign Philology, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: liudmyla.ver@yandex.ru.

Zharko Ludmila N.

Lecturer at the Cyclical Methodological Commission for Economic Disciplines and Hotel Management, Simferopol Polytechnic College, Simferopol, Russia, e-mail: luda041@yandex.ru.

Zubtsov Dmitriy S.

10th grade student, Skvortsovskaya School, Skvortsovo, Russia, e-mail: luda041@yandex.ru.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**Dictum – factum:
от исследований к стратегическим решениям**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ВЫПУСК 10

Учредитель: Севастопольский государственный университет

Главный редактор Бармина Е.А.

Компьютерная верстка – Терещенко Ю.А.

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»
Институт общественных наук и международных отношений
Кафедра «Теория и практика перевода и зарубежная филология»

299053, г. Севастополь, ул. Университетская, 33.
тел. кафедры: +7 (8692) 435 195
e-mail: e.a.barmina@mail.sevsu.ru

ООО Издательско-полиграфический центр
«ПОЛИТЕРРА»

г. Белгород, ул. Студенческая, 16, офис 19.
Тел. 8 (910) 360 14 99
e-mail: polyterra@mail.ru
www.polyterra.ru